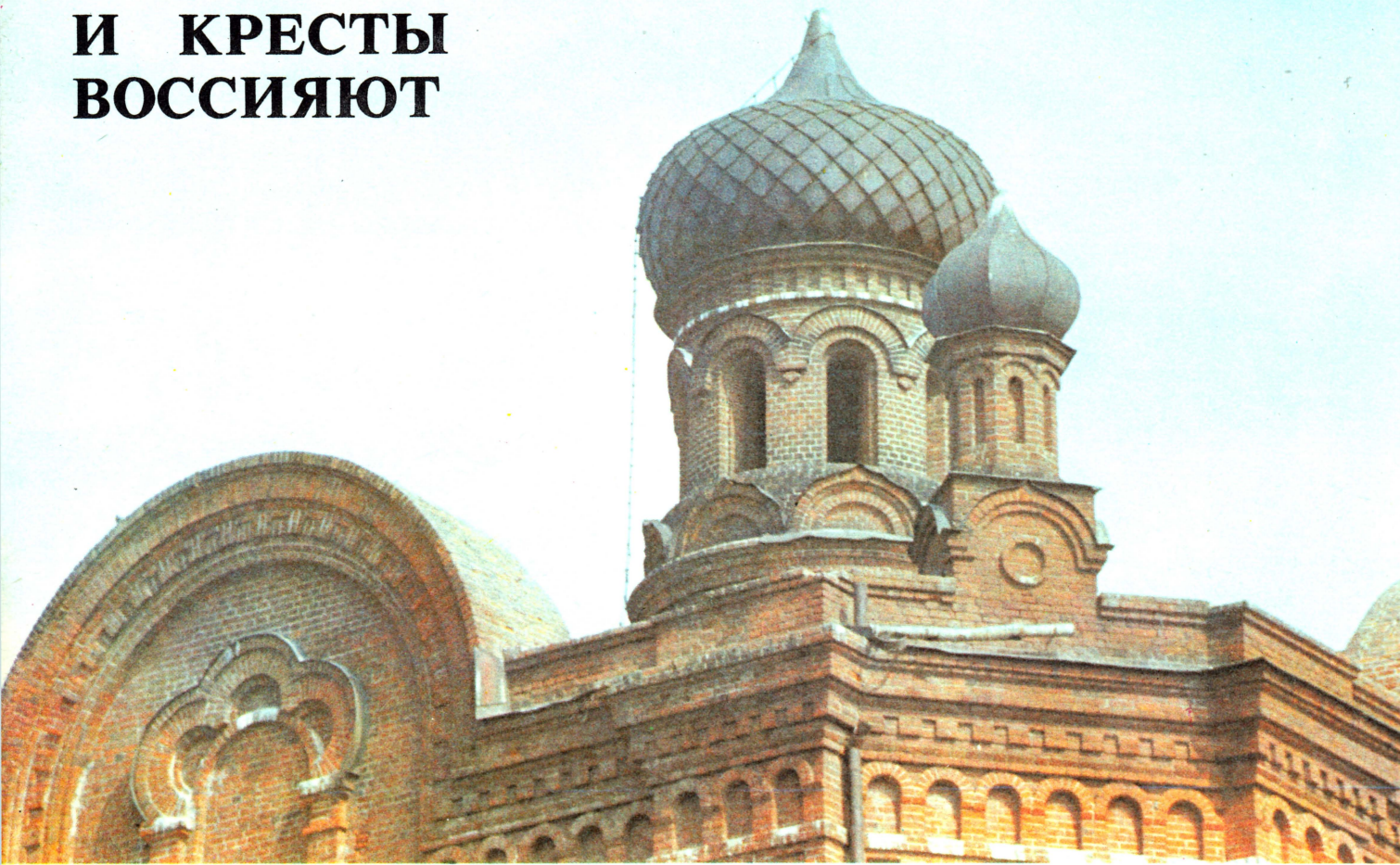

уральский ^У МАЙ 1991 5
С Л Е Д О П Ы Т

И КРЕСТЫ ВОССИЯЮТ

На снимке:
храм Святой Троицы
в селе Бруснятском

Фото Владимира Бакиштова

Учредители —
Союз писателей РСФСР,
Ассоциация советских
книгоиздателей,
трудовой коллектив журнала
Издатель —
Средне-Уральское
книжное издательство

2
И КРЕСТЫ ВОССИЯЮТ
О. Щербинина

3
СТИХИ
А. Гольд

4
ГЛАЗАМИ НЕ ПИСАТЕЛЕЙ
Подборка из почты журнала, посвященная
Великой Отечественной войне. Нетрадици-
онный взгляд на фронтовые горести и ра-
дости, оборачивающий войну иной, чем в
прежних, официозных публикациях, сторо-
ной.
П. Карпенко, З. Шипанова,
А. Герасимов, М. Носков,
И. Семенчик

13
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ БУМЕРАНГ
Новые заметки и отклики на предыдущие
публикации.

16
ТРАГЕДИЯ «РОССИЙСКОГО
БИСМАРКА», ИЛИ ПРЕДВОДИТЕЛЬ
КРЕСТЬЯНСТВА
Государственный деятель начала века,
автор правительственной и крестьянской
реформ, образованнейший человек своего
времени, «обер-вешатель» — все это об од-
ном и том же человеке, о Петре Аркадь-
евиче Столыпине.

А. Дмитриев

22
ИГНАТИЙ ЮДИН И ДРУГИЕ
Рубрика «Родословы» предназначена всем
неравнодушным к своему генеалогическому
древу.
В. Юдин

25
СВЕТ МИЛОСЕРДИЯ
Декабристы в Зауралье. Малоизвестные
страницы их жизни.
П. Казанцев, В. Ретунский

27
ВОЗВРАЩЕНИЕ ТАРЗАНА
В ДЖУНГЛИ
Окончание второго романа о Тарзане.
З. Берроуэ

55
«Я ЗАЩИЩАЮ ВАС ОТ...
ВАС САМИХ»
Интервью с психотерапевтом из Орска
Всеволодом Тихоновым.

57
МОДЕЛИ МИРА НА ТАРЕЛКАХ
Рассказ искусствоведа о художнике Нико-
лае Золотухине.
М. Марьина

58
ВОКРУГ ПАЛЬЦА. Повесть-пародия
Юмористический детектив о супер-агенте
Джеймсе Бомже и советском контрразвед-
чике Тихове, о событиях вокруг учителя.
С. Силин

69
А СУДЬИ КТО?
Суд присяжных и правовая культура об-
щества. Равнозначны ли эти понятия?
Н. Изюров

70
ЗАЛОЖНИК
Очерк построен на беседах с Юрой Шату-
новым — солистом группы «Ласковый май».
Ю. Шинкаренко

75
НАРОДНОЕ ПОГОВОДЕНИЕ
Г. Рыженков

76
ВЫСОКИЙ СВЕТ ДУШИ
Записи голосов из потустороннего мира
экстрасенса Н. Ширяевой. Призыв Алек-
сандра Невского, Послание Иисуса Христа
к людям.

78
ЧУЧУНА МЕЧЕТ БУМЕРАНГ
Якутский «снежный человек» — легенды и
факты.
В. Дебердеев

79
МИР НА ЛАДОНИ

80
ЭКЗОТЫ НА ОКНАХ
Съедобные кактусы — что это?
А. Семенин

уральский
МАЙ 1991
СЛЕДОПЫТ 5

И кресты ВОССИЯЮТ

Ольга
ЩЕРБИНИНА

(См. 2-ю стр. обложки)

на добровольные пожертвования. В 1855 году по благословению пресвященного неопита, епископа Пермского, «ижидвиением прихожан» был заложен уже каменный храм с теплым приделом — во имя иконы Казанской Божьей Матери. В самом конце прошлого века храм расширили, и он обрел тот вид, в каком и сохранялся до первого его закрытия в 1919 году. Внутри он был расписан фресками — сценами из библейской жизни, восстановить которые, к несчастью, уже невозможно.

Храм имеет 40-метровую колокольню, где когда-то звонили 15 колоколов, самый большой в 80 пудов весом. В архитектуре гармонично сочетаются черты древнерусских хоров и стиля ампир. Кладка типично уральская, не оцененная по заслугам до сих пор. (Иначе, например, не изуродовали бы, не загубили побелкой кирпичную красавицу Невьянскую башню!) Прочность кладки такова, что и динамит не берет.

Федор Григорьевич Брусницын все 86 лет живет возле собора. «Раньше-то золотые были купола и кресты далеко воссияли». В храм стекались по праздникам к обедне нарядные жители из соседних сел и деревень — Шипеловой, Обуховой, Некрасовой, Измденовой, Ворониной.

Адольф Семенович Брусницын мальчишкой лазал по куполам собора, помнит их, сколько помнит и себя. Много лет жил мечтой о возрождении храма. Несколько десятков лет его то открывали, то вновь закрывали. В 1961-м кресты с главок сорвали, церковную утварь и иконы куда-то увезли. Но другой Брусницын — Федор Сергеевич — спрятал на чердаке двухметровый крест. И вот сегодня он снова сияет над округой, по нему отлиты остальные кресты собора. А племянник его, Адольф Семенович Брусницын, возглавил вновь зареги-

стрированную в селе православную общину, которая главным делом почитает реставрацию Свято-Троицкого собора и его открытие для службы. В окрестных селах и деревнях собрано с доброхотов, верующих и не верующих, но болеющих душой за отечественную культуру, более десяти тысяч рублей.

Реставрация уже идет полным ходом. Обновились икона, купола, ворота церкви Казанской Божьей Матери. Вскоре по фрагментам чугунных плит будет восстановлен пол собора, ажурная кованая решетка ограды с несколькими воротами и мраморными столбами.

...Пожалуй, всего красивее собор смотрится отсюда — от ворот избы Евдокии Федоровны Брусницыной, дочери бывшего звоняра. Отец ее, кроме навыков обычной крестьянской работы, владел замечательным искусством колокольного звона. В 37-м году деревенский звонарь был сослан (тогда вновь закрыли храм) и пропал бесследно.

Дочь его Дуся не убоилась, не откачулась от веры, все так же живет в скромной избушке в виду собора, стала бабушкой и прабабушкой: 10 детей, 17 внуков, 7 правнуков. Все так же молится домашним иконам. Все больше за двух ненаглядных сынов своих, погибших в армии «при исполнении служебных обязанностей» — один в Латвии, а младшенький, Игорь, в ГДР. Но не озлобилась, не замкнулась баба Дуся, готова всем помочь, всех обласкасть, приветить. («В следующий раз как приедешь — никуда не заходи, прямо ко мне»).

И как же нужен ей — назовите ее страстотерпией, святой или просто русской женщиной — все будет верно, — как нужен ей возрожденный храм! И ей, и другим многочисленным Брусницыным, Старицыным из села Брусняцкого.

О размерах Свято-Троицкого собора в селе Брусняцком можно судить по тому, что до недавнего времени здесь размещалась баскетбольная площадка. Ребята с гиканьем гоняли мяч там, где их отцы и деды внимали словам молитвы, сосредоточиваясь на вечном и нетленном. Этой площадкой, наверно, хотели унизить Бога, а окказалось, унизили самих себя!

Итак, Свято-Троицкий собор с церковью Казанской Божьей Матери в Белоярском районе недалеко от Свердловска. Приход здесь открыли в 1763 году по благословенной грамоте Павла — митрополита Тобольского и Сибирского. Деревянный однопрестольный приходский храм во имя Святой Троицы построили

Альфред ГОЛЬД

Ангальский мыс¹

Не прячь глаза. Пошли благодаренье
судьбе — за боль, какой не ведал ты...
Болотный мох, голодные деревья,
седые травы, блеклые цветы...
Еще не осень, просто — непогода.
Но этот мрак — осклизлостью коряг,
шипением вод, брожением небосвода —
проник в нутро и нерв перенапряг.

Я шел сюда по местности, когда-то
освоенной: под гимны Октября
и лай собак, киркою и лопатой
здесь рабский путь торили лагеря.
Здесь кровь текла ручьями в буераки,
здесь вопль людской в безбрежье утонул...
Еще смердят ослепшие бараки,
Еще лежат надгробья черных шпал...

Собрат, не верь в дарованные блага!
Наш путь — разлуки, тернии, кресты...
Слепые корни вгрызлись в край оврага,
впились предсмертно в оползень кусты.
Сосна по комлю — в плесени белесой,
на пнях, как перья черные — грибы...
Но повсеместно так срослись березы,
как будто знают тактику борьбы.

1978

Полярный круг-80

На Темзе, во дворцах, неистовствуют торы,
в Китае правят суд над Бандой четырех,
пылает Сальвадор... А я — в поселке Норы,
где сроду не бывал ни дьявол и ни бог!
Здесь первозданный смрад языческого духа,
хоть, правда, есть изба и в лампе — керосин...
Но план трещит по швам, и с кадрами проруха,
и не найти путей из вечных соцтрясин!
Вот ночь. Пишу стихи в избе оленсовхоза.
В печи трещит огонь, за стенкой — пляска крыс...
Тоска, тоска, тоска! И только водки доза
бодрит и не дает, не медля, скомкать лист.

Мой друг, ровесник мой, собрат по новой эре!
К тебе спешит строка — в библиотеку, в бар,
в заветный кабинет, где в кресле при торшере
листаешь ты роман, поэму, мемуар...
К тебе, к тебе легит строка стрелюю с ядом,
чтоб отравить твой рай и душу взять в тиски,
чтоб жгучую тоску — полярным снегопадом
обрушить на твои курчавые виски!

Как поп-миссионер, я нынче вел беседы,
Я заходил в дома, где стены так черны,
как лазы тех пещер, где наши краеведы
отыскивают след древнейшей старины.
Я забредал туда, где люди в грязных шукурах,
усевшись на полу, сморкаясь в рукава,
сосут одеколон, и в их косых прищурах
зияет пустота, как будто плоть мертва.
Как будто бы они не люди — привиденья,

¹ Мыс на правом берегу Оби в р-не г. Салехарда

галлюцинаций плод, предсмертный бред ума,
сводящий времена, ломающий все звенья...
И слышен костный хруст... и входит смерть сама.

Картина в Эрмитаже: кривые своды skleпа,
и женщина с лицом древесного гриба
сучками тряских рук, торчащими нелепо
из вышорканных шкур, стирает пот со лба.
Она совсем пьяна. Качается и дико
кривит усмешкой рот. А рядом — на полу —
ее дитя, как червь чудовишный, без крика,
глотающая пыль, ползет и тянется к столу.

Собрат, ровесник мой! Мы завтра встретим зори:
я — на краю земли, ты — у ворот Кремля...
Но как нам дальше плыть, когда их сотни — Норы,
торчащих из глубин по курсу корабля?!

1980

Танапча

Памяти деда моего Н. П. Урядникова,
реабилитированного в 1956 году посмертно

В забытом, как болезнь, поселке Танапча,
обломке мертвой северной дороги,
в бараке-развалюхе, как в берлоге,
сидят и курят три бородача...
И брови хмурят три бородача,
и разминают пальцами окурки,
и в топку печки ржавой, бормоча,
толкают замороженные чурки.
На сотни верст, где холод и пурга, —
лишь три души... не беглые, не воры!
Один из них — покорный ваш слуга,
и два других — свободные, шоферы.
Мы шли сюда с упорством молодым
в суставе механической фаланги,
по трассе, из поселка Лабытнанги,
на зыбкий свет романтики — в Надым.
Мы шли в обход разрушенных мостов
и бывших зон, немых, как Хиросима...
Шли мимо покосившихся крестов,
державших связь: Москва — Игарка. Мимо
воздетых в небо вышек, где дозор
еще вчера поглаживал затворы...
Нет, мы не шли! Мы крались, словно воры,
сквозь прошлое, глядящее в упор!
И вот, нахохлясь, словно три грача,
сидим и давим пальцами окурки,
и в глотку печки ржавой, бормоча,
толкаем замороженные чурки...
И постепенно тает разговор,
как лед на сапогах и рукавицах.
И думы погружаются в раствор
таинственных видений. И на лица
задумчивый ложится полусон
и восковым туманом окружает.
И в полночь никого не пробуждает
хлестнувший по обочине классон...

В бараке неких проклятых времен,
волоками усталости объятый,
я уплывал куда-то... в Сорок пятый —
в державу лиц знакомых и имен.
Я видел пар в распахнутых дверях,
я слышал разговор о лагерях...
и чуял вздох старушки у плеча,
качаемый, как эхо: «Та-на-пча...»
На краткий миг я гнал виденья, звуки
и, оживая в пламени свечи
глядял на чьи-то огненные руки,
простертые к пылающей печи...

1973

ГЛАЗАМИ НЕ ПИСАТЕЛЕЙ

Следопытская почта о войне... Кажется, с годами она должна бы сокращаться, и нет печальней тому причины. А рукописи все идут и идут — огромным бумажным следом трагических лет. Словно на смену навсегда ушедшим авторам поднимается строй новых сил — как на передовой — и этот бой за священную память не кончится никогда.

Разные они, эти письма: объемные и коротенькие, аккуратно отстуканные на машинке и неразборчиво втиснутые в разрозненные листки. Разные по манере изложения, литературным достоинствам. Но — сходны причины, побудившие к их написанию. «Говоря откровенно, мне ста-

ло тяжело нести груз воспоминаний и скопившегося материала, который, как пресс, давит на меня» (П. Карпенко, Пермь). «Общение с вашим журналом меня радует, так как я совершенно одинокий человек» (З. Шипанова, Уфа).

Как хотелось бы помочь всем вам, дорогие наши ветераны, скрасить одиночество, уменьшить давление беспощадного прессы хоть одной опубликованной строчкой из каждого письма! Но увы — невозможно. Поймите и простите нас! Для этого не хватило бы ни журнальных страниц, ни редакторских мощностей. Очень многие тексты практически не поддаются приведению в доступную для чтения форму — и в этом нет ни малейшей вины авторов. Как совершенно справедливо пишет ветеран Сталинграда свердловчанин Николай Николаевич Носков, «большинство непосредственных участников боев — не писатели».

Сказанное, однако, никоим образом не означает, что мы вовсе отказываемся от этих писем, ставим на них крест. Ведь именно в них порой содержатся те крупницы живой, подлинной правды о великой войне, которую никогда не представят и самые талантливые литераторы и историки. Между прочим, в других странах, и для подобной почты в том числе, существуют специальные «ветеранские» журналы. В США это — «Ветеранз аутлук». Почему среди сотен новых изданий до сих пор не нашлось места подобному у нас, кроме скромной газеты «Ветеран»?

Сегодня в какой-то степени компенсировав этот пробел, предлагаем подборку из «неписательской» нашей военной почты — то, что удалось отредактировать к выходу майского номера. И пусть читатель не судит слишком строго красоту стиля, отстраненность композиции этих отрывков. В конце концов, вряд ли фронтовикам представляется возможность высказаться печатно еще раз, а выслушать их мы должны...

Петр
КАРПЕНКО

ХОТИТЕ — СУДИТЕ...

Почему-то в жизни чудно получается — не так, как планируешь, как тебе хочется, а как судьбина горькая положит. Что такое судьба? от чего она зависит? — никто толком не знает и объяснить не может.

Хочу поведать вам о своей несчастной фронтовой судьбе, которая со мной сыграла злую шутку. Послушайте.

Наша деревня Красная Роща — красивая, раздольная, спокой веков мирная, ежели, конечно, не считать, как водится на Руси, обязательных потасовок на хмельной неделе по праздникам да кулачных боев, где мужики проверяют свою богатырскую боеспособность. И век бы нам вековать в таком мире и благоденствии, кабы не горе горючее — война.

Вот и в нашей деревне объявили всеобщую воинскую повинность мужского населения от семнадцати до пятидесяти лет. Ну, конечно, слезы, крики, причитания, как на похоронах, сборы спешные. Суматоха.

Выехали в райцентр на подводах. А следом, как кутята, матери, жены, невесты пехом бегут целых восемнадцать верст до самого Крома. В полдень и те другие были на месте. Плошадь заставлена подводами, запружена народом — стать негде. Шум, гам, толкотня. Бабы орут во весь голос, навеки прощаясь с мужьями, братьями, сыновьями. Призывники, подвыпившие для храбрости, в пляс пустились. девки частушки голосят, а ногами пыль поднимают такую, что белого света не видно.

И вот когда очумевшее пиршество достигло пика, никто и не заметил, как три «юнkersа» из-за горизонта вы-

нырнули и ну пулять бомбы. Жуткое веселье в одночасье смертью оборотилось. Вздрыбнулась земля, перемешивая все, что на ней, в серую массу.

Народ, что на ногах удержался, бросился наутек: кто в бурьян, в коноплю, в подсолнухи, кто и в канаву, под забор покидались. А кто на повозке — и без того взбесившихся лошадей хлещет во всю мочь. Обезумевшие вдоль улицы бегут, наперегонки с повозками, неведомо куда...

Побросали «юнkersы» свой смертоносный груз, развернулись и на брющем полете строчат из пулеметов по бегущим.

Улетели изверги, оставив стон и вопли по всей площади. Кровью земля окропилась.

Потом, когда выяснилось, кто из призывных выжил, усадили их на повозки и отправили на Орел.

Только вытянулись по проселку, что вдоль рощицы бежит, глядь — по большаку машины чужие с черными крестами на борту в сторону того же Орла спешат. Ладно не заметили. видно, сумерки помогли уберечь нас от гибели. Нахлестывая безвинных лошадей, спешно убиралась подальше от головного отряда фашистов.

Глухой ночью, утомленные и перепуганные, прямо среди поля, в овражке под раkitами на ночлег пристали. Просыпаемся — многих мужиков вместе с повозками недосчитались. Еще на призывной пункт не явились, а уже дезертировали.

Делать нечего, тронулись дальше на восток. Через Оку с трудом перебрались и аллюр три креста!.. С горем

пополам до станции Змиевка добрались. И опять немцы тучей налетели, бомбить стали. Хорошо — опыта набрались, упрягаться поспешили.

Снова улетели фрицы. Но не успели мы укрытия покинуть, как еще одна в небе тревога. После бомбежки я потерял остальных призвынников. Куда они делись? Трудно сказать. У страха глаза велики. Может, кто и драпанул. На станции было много убитых и раненых... Кругом стоны, мольбы, проклятия. Остаться здесь не имело смысла, и я с трупной беженцев пошел дальше.

Идем — дороги забиты скотом и народом. В кюветах и на обочине группы женщин, детей, стариков, разной домашней живности. По полям бродят покинутые лошади. Я поймал одну без узды, вскочил на спину, поехал. Так добрался до райцентра в Верховье. А там никого нет. Тогда двинулся в направлении Русского брода. Мне все хотелось настичь военкоматское начальство, чтобы получить назначение в часть.

В Русском броде тоже людей скопище. Едва пробились, куда хотел. Велели ждаться. Через несколько дней без еды и нормального ночлега меня направили в стройотряд недалеко от Рассказово Тамбовской области. Долго в отряде не задержался. Хотелось на фронт, и я сбежал, рискуя заработать неприятности, дошел до города Мичуринска, в котором — облава. Посадили в каталажку. Этого только не хватало... Через два дня, наконец, разобрались — послали в Кирсанов во второй запасной кавалерийский полк.

А надобно вам сказать, время было осеннее, холодное, одёжонка потрепанная, ботинки каши просят, живот, опять же, подвело... Тут и снег выпал, совсем худо. А что поделаешь? Одно желание и надежда — скорее на фронт.

Но вот, наконец, на полном довольствии зачислен в химэскадрон. Получил оружие: карабин, клинок — и коня. Гордость-то какая! Не то что инфантерия, хоть она и царица полей...

Начались занятия. Зима же выдалась студёная, вьюжная — насквозь пронизывает. Вдобавок старшина, экономия обмундирования для новичков, которые каждый день поступали пачками, все «лишнее» припрятал, а зимнее не спешил выдавать. Поэтому, пока коня оседлаешь — оконченешь.

Во время учебы бывали и смех, и грех. Я-то, куда ни шло, в деревне вырос. На лошадке начал кататься, когда еще пешком под стол ходил. А многие городские ребята не знали, с какой стороны к коню подойти. К тому же эскадрон-то химический. Вот и химичили. Получили противогазы себе и коням. Тут — полный конфуз! Подходишь к коню в нем. Коняга шарахается от тебя в сторону, как от прокаженного. А коль ухитришься противогаз на коня напаялить, то жди беды. Вы бы посмотрели, что творилось с несчастными животными — одна дикость: скачет, как угорелое, бросается то в ту, то в другую сторону, мотает головой, храпит бешено и норовит седока, тоже в таком же обличии, непременно скинуть...

Вот так мы наспех обучали их, мирных колхозных коняг, «перековывали» для маршевых эскадронов, и те уходили на фронт. А нам давали новое конское пополнение. И все повторялось сначала.

В июне сорок второго по приказу Наркома полк расформировали. Солдат нашего эскадрона направили в Саратовскую запасную танковую бригаду автоматчиками. Мне присвоили звание младшего сержанта. Остальной состав полка тут же бросили на фронт — без меня. Удивительно, но фронт все время из-под носа уходил, будто нарочно...

В Саратове изучили стрелковое оружие, уставы и другие военные науки. Питались по третьей — голодной — категории.

А немцы упорно лезли к Сталинграду. Мы каждый день ждали отправки на передовую. Однажды подняли по тревоге и с музыкой отвели на вокзал. На следующее

утро были в Пензе. Поняли — едем в противоположную сторону. Прибыли в Коаров. Здесь занимались тактикой с танками. Через месяц снова погрузили технику на платформы, запас дров в тендер, машинист раскопегарил паровоз — поехали, как оказалось, под Кириши. Там по-прежнему шли тактические занятия — рогные и с танками. Готовились к боям. Вдруг неожиданно грузимся и едем в неизвестном направлении. На вторую ночь выгрузились — в лесу.

Чудная и непонятная фронтовая жизнь. Сколько пугающего труда уходит — ужас. Голодные, холодные, неспавшие, выполняем приказ: зарываться в землю. Только управились — расчищай снег, готовь проходы к переднему краю. Сделали. Снова сорвались и понеслись в неизвестность. Все повторяется в том же порядке... А сколько народа погибло или выведено из строя за время этих «стратегических маневров»? Каждый день штаб похоронки строил. А в дело еще не вступали.

...Ночь в дозоре по охране расположения части. Бойрядом. Немец бьет по нашей бригаде. Ранило моего командира отделения Горяйнова, мне с товарищем приказали отвести его в санроту. Дорогой мина накрыла нас и изуродовала всех так, что мы и встать не могли.

Очнулся на операционном столе. Во всем теле боль нестерпимая. Глянул — доктор что-то делает с ногой. Говорю:

— Зачем ты отрезал ногу? На чем я в атаку побегу?
— Не плачь, цела твоя нога. Больно — терпи.

Затем дорога, госпитали: Бокситогорск, Рыбинск, Пермь. После Перми через всю Сибирь прокатился в забайкальский город Сретенск. Там еще две операции перенес. Выписали из госпиталя 20 октября сорок третьего года. Пальцы правой ноги не гнутся, но ходить можно, тем более, что требуется пополнение в армию. Эшелон. Вперед, на запад, на фронт!

Формируемся на станции Атамановка под Читой, движемся до Калуги. Переформировка — снова едем до Курска. Попал в тридцать восьмую гвардейскую стрелковую дивизию. Офицеров мало. Я, сержант, помкомвзвода, назначен командовать взводом.

В конце марта сорок четвертого, наконец, вступили в непосредственное соприкосновение с противником. И боя-то толком не было — и, на тебе, ранило меня. Правда, ранение оказалось пустячным, потому и остался в должности. Но где тонко, там и рвется. Не прошло и недели, как во время бомбежки осколками опять ранило в руки и ноги.

И снова скитания по госпиталям: Овруч, Новозыбинск... Только прибываем на станцию, слышим гул напористый «юнкерсов»: «Веззу, веззу, веззу...» Пятязрядные зенитные пушки заговорили со страху: «Дай, дай, дай!...» «Юнкерсы»: «Нна-хх, нна-хх» — и потрясающие взрывы разворотили всю станцию.

После отбоя, когда пришел в себя, сопровождающие по списку выкликавали раненых. Сто шестьдесят семь человек осталось в живых от двух тысяч, прибывших эшелон. И я — в их числе...

Привезли нас в госпиталь. Сдали согласно шибко передешего списка, и началось лечение. Те, кто легкораненые, вместе с лечением имели общественную нагрузку — охранили ходячих фрицев, попавших по ранению в плен. Но в голове одна была мысль: ишь ведь, как оно получается — они, фашисты вонючие, нас с землей перемешивают, добивают даже раненых, а мы — гуманность выказываем, цацкаемся с недобитками, как с ангелочками.

Кстати, до августа сорок третьего года наша деревня была оккупирована. О судьбе родных ничего не ведал. Только в сентябре получил письмо и узнал, что мать умерла еще в январе сорок второго...

Отсюда я попал на второй Прибалтийский фронт в Латвию, тоже в «царицу полей». Тут уж вовсе шли бои. На этот раз я продержался побольше месяца. А в конце

декабря снова был ранен. Вот что значит — не повезло.

Не долечив, из армейского госпиталя послали на курсы младших лейтенантов с таким расчетом, чтоб там закончить лечение. Все шло хорошо. Учились, лечились, готовились к завершающим боям на территории Германии. Уж больно хотелось в чужие логова попасть, хоть одним глазком взглянуть — откуда юродивый Гитлер команды на смерть человечества подавал.

И вдруг — «Товарищи курсанты! Дорогие друзья... все война кончилась... Победа... Ур-ра-а-а!» — это нам ротный сказал, ночью, на ходу застегивая ворот гимнастерки.

Что тут началось... Я не берусь рассказать, потому как нет таких слов, которыми бы можно было измерить ту радость, счастье и ликование, какие охватили нас всех. Крик, свист, плач, смех и братание: обнимаемся, целуемся, прыгаем друг на дружку... как обезумевшие...

На следующий день занятия по расписанию: маршбросок на сорок километров. Война окончена, а бдительность усилилась. Как же, научены в сорок первом... К тому же я твердо решаю стать строевым офицером. На фронте не повезло, в рейхстаг не попал, так хоть теперь буду приносить пользу — охранять мирный труд своего народа.

Идем на Либау. На протяжении всего пути навстречу колонны пленных немцев с бравурными, маршевыми песнями, будто не мы, а они победили.

Входим в лес, скорость движения падает. И вдруг справа — автоматная очередь. Короткий бой с группой эсэсовцев, пробивающихся на запад. Через час все утихло. Но меня опять не обошла пуля. И — снова самота, эшелон, госпиталь, черт бы их...

Вот она какая — моя печаль. Вроде бы я натуральный фронтовик, но в то же время — всю войну провел на колесах да на койках. Даже послевоенные курсы лейтенантов из-за ранения не закончил. Как хотите, так и судите меня, ежели в чем повинен...

Э-эх! Судьбы человеческие... Кто только ими распоряжается? Ежели, как говорят, Бога нет, то кто же тогда меня истязал целых четыре года?..

Зинаида
ШИПАНОВА

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Мы познакомились на марше, ярким весенним днем, когда наш 933-й стрелковый полк, далеко растянувшейся в поле колонной, двигался к румынской границе.

Было тепло и тихо. Неожиданно в синем небе, словно вынырнув из воды, появились три немецких истребителя. С бреющего полета «мессеры» начали «стричь» колонну из пулеметов, с воем и визгом проносясь вдоль дороги. Люди, как муравьи, бросились врассыпную. На месте остались лишь лошади — беспомощные, тяжелоогруженные. Лошадям тоже страшно, когда их расстреливают. Они пронзительно кричат тонкими, детскими голосами, от которых рвется душа, бьются в постромках и тяжело виснут в них с простреленными хребтами.

Во время налета мы оказались рядом со старшим лейтенантом Рачковым — командиром минометной роты пол-

ка. И почему-то не побежали, как все, а неторопливо направились к видневшемуся невдалеке березовому лесочку, как будто не над нами злыми осами кружили немецкие самолеты.

И в той самой березовой рощице, впервые в жизни, молодой, красивый парень ласково смотрел на меня своими карими, лучистыми глазами и приглашал на свидание — зайти к нему вечером на командный пункт на чашку чая...

Полк стал на румынской границе у неширокой реки Прут и расположился в прибрежном лесу на крутом молдавском берегу, в большом селе Скуляны — с белыми, утопающими в зелени домами. В нашем комендантском взводе шла обычная армейская жизнь — непрерывная, днем и ночью, работа за кухне. Бойцов надо было кормить три раза в день. Пищу готовили мы для штаба полка, взвода разведки, взвода связи и минометчиков.

Порой по какому-то странному стечению обстоятельств мы встречались со старшим лейтенантом Рачковым на улице. Не спеша шли рядом, о чем-то говорили, и расставаться не хотелось.

В молодости все люди кажутся добрыми, ласковыми, хорошими. Наверное потому, что сам ты еще не испорчен. Но вот в вашей жизни неожиданно встречается человек, и вы почему-то начинаете выделять его среди других. Вам кажется, что лучше этого человека никого на свете нет.

Я открыла это в тот вечер, когда мы с Володей сидели в небольшой комнате молдавского дома, где располагалась его минометная рота. Пили принесенный его ординарцем чай с черными сухарями из алюминиевых солдатских кружек и говорили о том, чем была богата наша коротенькая жизнь — о школе, поэзии Пушкина и Лермонтова. Над столом горела керосиновая лампа с абажуром, в открытое окно лился майский чистый воздух и пыльная ветвь цветущей яблони гнулась к нам со двора. Все было первый раз в жизни, и все казалось значительным и важным...

Спокойная жизнь на нашем участке кончилась с тех пор, как однажды ночью несколько подразделений полка форсировали Прут и закрепились на румынской стороне. В одну из ночей туда же отправилась и минометная рота. Накануне Володя пришел попрощаться. О! Как мы гордились тогда в душе собой! Это же мы вместе со всей армией освободили Родину от фашистов, и вот теперь нам выпала почетная миссия — освобождать народы Европы. Эти слова товарища Сталина были для нас священными. И Володя со своей ротой идет исполнять эту почетную миссию, идет за границу, в другую страну! Он попросил у меня карточку на память. Я подарила, а Володя дал мне свою. Молодой, чернобровый офицер в новенькой шапке-ушанке, чуть надвинутой на правую бровь...

В нашем лексиконе появилось новое жесткое военное слово — плацдарм. Там, на левом берегу Прута, в глубоких окопах, на совершенно открытом пространстве, где даже нечем было замаскироваться, занял оборону наш полк. Но что творилось на этом плацдарме! Лишь только наступал рассвет, в глубоком синем небе появлялись немецкие самолеты. И до самого заката солнца, сменяя друг друга, их эскадрильи сбрасывали бомбы. Это было похоже на страшную грозу при ясном небе: взрыв, словно треск молнии, и затем громовые раскаты воздушной волны и мелкая дрожь земли. Эта судорожная дрожь докатывалась и до нашего молдавского берега. Каково же было там — на плацдарме!

Однажды в расположение комендантского взвода пришел человек. Мы с трудом узнали его. Это был офицер штаба полка майор Соснов. Он шел какой-то странной походкой, словно слепой, натываясь на деревья. Всегда хладнокровный и уравновешенный, майор был неузнаваем. Большое лицо было бледным, глаза блуждали. Мы мол-

ча смотрели на него. А он, махнув рукой, присел на пенек и произнес:

— Что там творится... Ад. Минометчиков сейчас накрыло...

Я насторожилась — минометчиков? Не от того ли у меня целый день так болит душа?

На следующее утро командир комендантского взвода старшина Бугаев послал меня с каким-то поручением в хозяйственную часть полка

Было раннее утро. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь густые ветви деревьев, превращались в росистом воздухе в красивые радуги. Все сверкало и искрилось, как в сказке, и на плацдарме стояла тишина. Совсем не верилось, что я на войне...

Неожиданно за церковью, среди кустов цветущей акации, открылась ровная площадка земли. Что-то меня потянуло туда. Это было братское кладбище, здесь лежали защитники плацдарма. Три ряда одинаковых холмиков с листиками фанеры в изголовье, прибитыми к белым колышкам. На фанерках химическим карандашом старательной рукой бойца похоронной команды выведены фамилии, звания, даты рождения и гибели. На многих могилах земля уже подсохла, может, дня два, как похоронили. Солнце здесь сушит быстро. Подхожу к последней могилке с еще свежей землей. Взгляд машинально скользит по надписи на фанерке. Но что это! Синие буквы бегут, бегут перед глазами и против моей воли, моего сознания складываются в самые дорогие, самые страшные сейчас слова: «Старший лейтенант Владимир Рачков, 1924—1944 гг.»... Наверное, однофамилец какой-то, — бьется в мозгу спасительная мысль. «Командир минометной роты»...

Эй, люди, бегите скорей сюда с лопатами! Разрыйте эту могилу! Он жив! Его не могли убить! А если убили, значит на свете нет больше никакой справедливости! Как же тогда жить? Этого не может быть! Он жив! Скорее, скорее, он же задохнется там, под землей, без воздуха! Поднимите его наверх, сюда, на солнце, на чистый воздух, и он оживет. Я припаду губами к его нецелованным губам и вдохну в него всю свою любовь и жизнь. Я верю — он жив! В санроте могли ошибиться и не услышать его пульса. Поднимите его, положите на край могилы, а я побегу в дремучий лес и найду ту живую и мертвую воду, которой оживляли сказочных русских богатырей. Люди, люди, где же вы, помогите...

Я опускаюсь на колени у могилы, трогаю рассыпавшиеся комочки красноватой земли и в отчаянии думаю, за какое время я смогу разрыть эту могилу своими руками...

Позже я несколько раз принималась мысленно сочинять письмо его матери. Начиналось оно так:

«Здравствуйте, незнакомая мне мама Володи Рачкова. Пишет Вам с фронта девушка Зина Шипанова. Я была немного знакома с Вашим сыном. Один раз мы вместе попали под бомбежку. А потом пили чай в молдавской хате на его командном пункте и говорили о стихах Лермонтова и Пушкина. Мне больше нравился Лермонтов, Володе — Пушкин. Ваш сын командовал минометной ротой. Бойцы его слушались, и весь полк любил. В августе 1944 года Ваш сын погиб на румынском плацдарме...»

После этого все слова кончались. Писать о Володе в прошедшем времени было невозможно.

20 августа 1944 года началось наступление. Войска перешли Прут и хлынули на румынский берег. Я тогда была уже медсестрой стрелкового батальона и не только перевязывала раненых бойцов, а ходила в танковые десанты, поднимала людей в атаку. Но это уже отдельная тема. Одного я не знала тогда: что первая любовь — это навсегда и что всю жизнь я буду писать письмо Володиной маме.

**Александр
ГЕРАСИМОВ**

НЕЗНАКОМКА

...Немецкие группировки на пути к Москве наткнулись на нашу 22-ю армию, оборонявшую Полоцк.

В течение десяти дней пятнадцать полнокровных немецких дивизий вели бои с шестью уральскими дивизиями, и только 15 июля 1941 года наши войска были разбиты и окружены.

За эти десять дней москвичи установили противотанковые «ежи», выкопали рвы, произвели тотальную мобилизацию, эвакуировали детей, заводы, музеи.

На пути нашего отступления перед Невелем немцы укрепили все высоты минометно-пулеметными точками, а в ночное время непрерывно пускали осветительные ракеты. Конечно, можно было бы эти точки подавить артиллерией, танками, но все было израсходовано под Полоцком. А пока оставалось полагаться на винтовку образца 1891 года, на русское «Урал» и на «кавось, небось и как-нибудь»... Отряды прорыва, сформированные из отступающих частей, несколько раз атаковали немцев, но безуспешно.

Метрах в 100—150 от одной из высоток пробежал небольшой ручеек, берега которого простреливались только минометным огнем. Здесь скопились бойцы после неудачного штурма, много раненых, были и убитые. На склоне холма я увидел лежащую лицом вверх мертвую девушку. Ее красивую головку короной обвивала русая коса, лучами заходящего солнца окрасившаяся в золото. Широко открытые голубые глаза удивленно смотрели на восток, и в них отражалось зарево заката и сполохи пожаров. У угла рта запеклась струйка крови...

В правой руке она продолжала держать развернутый бинт, недалеко валялась санитарная сумка с крестом. Вся такая чистенькая, юная, в подогнанной по фигурке гимнастерке с белоснежным подворотничком, ну никак не сочеталась она с нами, грязными, небритыми, вшивыми, голодными и злыми. «Откуда ты, милая девочка? Зачем влезла в эту кровавую кашу, где и мужику тошно и страшно?» — хотелось спросить.

Бинтом, взятым из ее ладони, я вытер струйку крови. Закрыв глаза. Надо бы в грудных карманах гимнастерки поискать документы, но постеснялся, что ли? Ладно! Пусть она для своей мамы останется навсегда живой, только переставшей писать. А для меня — «Незнакомкой», как у Крамского. Почему-то именно этот, казалось бы, не имеющий абсолютно никакого к войне отношения образ всплыл в памяти.

В санитарной сумке, помимо бинтов, нашел полотенце, зеркальце и флакончик духов. Духи вылил ей на головку. Они побежали по лбу и смочили лохматые ресницы. Она плакала...

Захоронили ее в воронке, закрыв лицо полотенцем и завернув в плащ-палатку. Пожилой боец перед тем, как забросать землей, трижды перекрестил Незнакомку. Завтра, 22 июля, будет ровно месяц, как началась война.

...А! Была не была. Кто-то должен быть первым. И я повел бойцов в атаку, на этот раз успешно...

Михаил
НОСКОВ

СЕНТЯБРЬ СОРОК ВТОРОГО

Из фронтовых записок временно военного

Сначала мы учились. На ускоренных курсах в военном училище, эвакуированном из Ленинграда в Березники.

«Равняйся! Смирно!.. Отставить!». Далее шло объяснение, как стоять по команде. Занятие вел старшина роты Музыка — плотный, круглолицый, образцово подтянутый. «Смиррр-нааа!» Интеллигенты вытягиваются. «Отставить! Курсант Носков, выйди из строя... Вот, товарищи курсанты, курсант Носков с высшим образованием, а по команде «смирно» — комара гоняет!» (Дело было в начале лета.) Сперва подобные уроки дисциплины казались нам дикими, но потом сами поняли: каждое движение солдата должно быть под полным самоконтролем — сидя в секрете, стерпишь не только комара.

В нашем первом взводе — самые разные люди: преподаватель механики из Уральского политехнического института, инженер-геолог, работник филармонии, журналист, кандидат наук — физик, инженер Метростроя. Ходить «дружно с песней» научились быстро, а вот с военной наукой было сложнее. Командир взвода, двадцатилетний лейтенант, участник боев под Лугой, сидел на койке, пока теорию артиллерии читал новобранец-доцент. А на случай визита комбата у дверей был выставлен дозорный. Практически стреляли из полевой пушки только однажды, для демонстрации, также и из минометов — берегли боеприпасы.

...Урчат неутомимые моторы грузовиков, колонна мчит на юг, к фронту. Солнце серебрит просторную гладь Волги, временами проглядывающую справа от дороги. Свесившийся край облака отражает, как в зеркале, солнечный диск. Два Солнца! Редкое явление, мечта метеоролога. Невольно хочется, как в древности, принять это за «знамение божие». Но по мере движения машин «зеркало» тускнеет и превращается в обыкновенный облачный клочок. Пока еще не видно следов войны. Только дымный столб впереди, на горизонте, отмечает место, где идет жестокий бой — Сталинград...

Ждем гостей с воздуха. Спешно дана команда — батальону разместиться по склонам и оврагам волжского берега. Нашей седьмой роте отвели узкую балку со склонами из сыпучего грунта, сваленного сюда при выравнивании верхней площадки берега. Начинается лихорадочное окапывание. Шели получаются мелкими, рыхлый грунт осыпается внутрь, ползет по склону. Вот и «гости»: с десятка немецких самолетов цепочкой несутся вдоль берега, с воем пикируют друг за другом, тяжкие удары бомбовых разрывов раскалывают воздух и встряхивают землю. Вдвоем с одним из бойцов мы скрючились в неглубокой щели — голова в каске наполовину над землей. Лопатой защищаю лицо и грудь, хотя отлично понимаю, что от строго осколка это не защита. Наконец ахает бомба где-то выше, сбоку — и тотчас запели осколки, дрогнул и обвалился бруствер. Сижу по горло в земле, песок хрустит на зубах. Затих рев сирен. Слышен зов: «Санита-ар!» — кто-то ранен. Мой сосед по щели тоже плотно упакован в землю. Осколок с ладонь величиной смирно лежит у моего плеча, горячий, с рваными острыми краями. С трудом вызволяю одну руку с лопатой, откапываю себя и соседа, а из соседнего окопчика командир отделения Рось уже кричит: «Скорей кошайте, кажется, Кашеева завалило!» Кашеева вытащили — бледного, с полным ртом земли, бездыханного. Бедняга подкопал в окопчике нишу и

при налете спрятал в нее голову. Сомкнувшаяся земля задушила веселого матроса-дальневосточника. А меня гложет горечь своей вины: ведь это я должен был проверить — как окопались бойцы взвода...

После очередной бомбежки вдруг неожиданное явление: по оврагу вверх босая девушка волочит мешок с зерном, хранившийся у нее в землянке в зоне обстрела. Оказывается, некоторые жители упорно оставались в своих жилищах в самых опасных ситуациях. Тут командир роты младший лейтенант Кудрявцев объявляет о приказании двигаться вперед — «на курган за жэдэ станцией», не указывая ни положения противника, ни пути следования, ни места сбора, ни времени... Позднее «адъютант» батальона, пухлый, с усиками, по фамилии Бенеш, «пояснил» конечную цель этого приказа: «через занятый немцами поселок Сорок домиков выйти к речке Царице» — как будто это была простая прогулка. (В книге командующего 62-й армией маршала В. Чуйкова «Выстояв, мы победили» говорится, что полки дивизии Ф. Н. Батюка — наши полки — прибыли в Сталинград 21 сентября, в критический момент, когда противник через СТЗ (тракторный завод) прорвался к Волге, одновременно атакуя прижатые к реке наши войска с севера и с юга. В. Чуйков пишет, что «дивизия как бы вросла в Мамаев курган, в его отроги, и сражалась на нем до конца, до соединения с дивизиями генерала Чистякова 26 января 1943 года», т. е. в течение всей операции разгрома окруженной армии фашистов. В сентябре же возможностей для каких-либо наступательных действий наших подразделений не было. Видимо, старший лейтенант Бенеш просто сымпровизировал...)

Подымаю из щелей бойцов. Выходим на высоту берега. Видны горящие или уже обглоданные огнем остовы домов и железнодорожных сооружений, рельсовые пути с покинутыми кое-где вагонами, поваленные или наклонившиеся телеграфные столбы с порванными проводами. В небе рвутся снаряды, не умолкая завывают самолеты, строчат пулеметные очереди. Кроме нас, в дребязь железной свалки бродят бойцы из минометного батальона, потерявшие своих. Беру всех под команду. Собираемся под естественным бруствером у горящего, простреливаемого забора. Бойца Аминова с трудом вытащили из котла, где он устроился. А где же Григорий Талалай, который еще в пути добился перевала от пулеметчиков к нам в минометный взвод, наивно надеясь на большую безопасность? Лезу под пулями обратно и нахожу моего вояку затаившимся под большим котлом. Приказываю выходить к забору — начинаю доказывать, что он «и отсюда пойдет дальше...» Явно хочет смяться. Повторяю приказ. Не идет. Стреляю рядом с ним из автомата. Быстро сматывается, забыв даже мешок с невесть где добытыми продуктами.

Но позже Талалай все-таки сбежал.

...По А. В. Суворову — каждому солдату надлежит знать свой маневр. В идеале, конечно, так. Но в критической обстановке сталинградской обороны смысл и цель того или другого «маневра» не успевали доходить даже до командиров взводов. Уже на месте, когда мы «вросли» в восточный склон Мамаева кургана, стало ясно, что нашей первоначальной задачей является предупреждение и противодействие попыткам вражеских разведчиков, мелких

групп пехоты просочиться в тыл обороняющихся частей. Но крупных событий на нашем участке не происходило.

И вдруг — вызов в штаб дивизии. Что бы это значило? Когда стемнело, прошел весь простреливаемый путь до Волги, где в галерее, вырытой в глубь крутого берега, светился огонек штаба. Дежурил писарь, старший сержант. «Вот тут докладная о награждении. Читай и распишись». Читаю и удивляюсь: оказывается, я со своим взводом отразил столько-то атак, уничтожил столько-то гитлеровских солдат и офицеров. «Представляется к ордену» (уж не помню к какому)... Я говорю: «Так это же все вранье, ничего такого не было! Подписывать не буду». «Ну и дурак ты, лейтенант, — сказал писарь. — Будь здоров».

Иду потом и думаю — так ведь это обыкновенная приписка, как водится на производстве. Была, очевидно, разрядка на ордена... Знакомые слова. Обрато по кургану пробирался ползком, между очередями немецкого автоматчика. Не хватало только погибнуть из-за такой глупости...

Во время проверки боевого охранения, в сумерках, на исходе шестого октября я был ранен осколком мины в левое бедро. Рана была неопасной, но движение без дополнительной опоры исключала. Той же ночью, с винтовкой в качестве костыля, я стал опускаться к медсанбату, к Волге. По пути случились три встречи, которые крепко засели в памяти.

Еще на склоне кургана в ночном сумраке — колено-преклоненная фигура. На зов не откликается. Форма наша. Подхожу. На колена, опираясь на винтовку, стоит боец. Мертвый...

Пробираясь разбитым поселком, набредаю на домик без крыши. В комнате кровать, на ней — прикрытая одеялом мертвая женщина средних лет. В небе вспыхнула ракета, при ее призрачном свете я увидел поразительное сходство этой женщины с моей давно покойной матерью.

И третья встреча — на железнодорожных путях, где из-под мостика меня останавливает оклик: «Стой, кто идет»? Полчаса задушевной беседы с рабочим-дружинником Живой человек. И сколько спокойствия, уверенности в нем. Поговорил с ним — и легче стало на душе...

Игорь
СЕМЕНЧИК

НЕЗНАКОМАЯ ВОЙНА

Обет молчания

«Любой ценой». Горькую истину этого приказа испытали на войне многие. И в том числе бойцы нашей 230-й Донецкой стрелковой дивизии, штурмовавшие в ноябре — декабре 1943 года высоту с отметкой «плюс 1,4» на Никопольском плацдарме в районе Великой Ляпетики. Страшно вспомнить, как дорого заплатили мы за эту высоту...

В короткую, неглубокую балочку, до которой по прямой было с полкилометра, приходила полевая кухня. Один раз в сутки, когда стемнеет. Добраться до нее, если не было обстрела, особого труда не представляло. А вот назад... На краю балки лежала убитая лошадь. Возвращаться надо было в ту сторону, куда указывала ее голова. Так делали все, кто ходил на кухню.

В тот вечер «зенитка» (солдатское название полевой кухни) пришла позднее обычного. Ординарец командира роты, молодой украинец из недавно призванных, 1926 года рождения, отправлялся за пищей впервые. Дорога в оба конца занимала минут 30—40. Но прошел час, полтора, а ординарца все не было.

— И где его черти носят! — сердился командир роты. — Еще к фрицам угодит.

Наконец, откинув плащ-палатку, заменявшую дверь, в блиндаж скорее вполз, чем вошел, ординарец. Даже в полумраке была видна неестественная бледность его лица. А руки, державшие два плоских котелка, ходили мелкой дрожью.

«Откуда эти котелки? Ведь уходил он с одним круглым. И автомат почему-то без диска...» — подумал я.

— Где ты столько времени пропал? — недовольным голосом спросил командир роты

— То... товарищ старший лейтенант... — заикаясь, начал ординарец. Почувствовав неладное, офицер сказал:

— А ну, садись. Плесните ему водки. — И обращаясь

к ординарцу: — Выпей, Грицко, успокойся.

А случилось вот что. До кухни он добрался быстро. Наполнив котелок супом, в котором, как говаривали солдаты, «крупинка за крупинкой бегает с дубиной», собрался назад, но пошел земляк из миннометной батареи. За разговором время пролетело незаметно. Грицко заторопился назад и... забыл про лошадь. А тут еще туман некстати. Солдат потерял ориентировку.

Прыгнув в траншею возле высоты, Грицко обомлел. Прямо в спину ему уперся ствол, и уверенный голос произнес: «Хальт!», а руки сорвали автомат с его плеча.

В блиндаже, куда его привели, было светло, как днем. За столом сидел седой офицер. Из-под шинели, наброшенной внакидку, виднелись два железных креста.

— Ты кто? — спросил немец на ломаном русском языке.

— Я... ординарец командира роты. Несу поесть старшему лейтенанту, — еле ворочая языком от испуга, пробормотал Грицко.

Офицер встал и взял у него котелок, с трудом оторвав от дужки побелевшие пальцы ординарца. Помешал ложкой содержимое, ухмыльнулся:

— Тебе не стыдно кормить герр офицер такая бурда?! — И тут же подал какую-то команду. Сидевший в углу ефрейтор вскочил, щелкнул каблуками и исчез. Вскоре он появился в блиндаже и поставил на стол два котелка, аккуратно накрытых крышками. — Отнесешь оберлейтенанту, — сказал немец, кивая на котелки. — Да смотри, больше не заблудись.

Сопровождаемый автоматчиком, Грицко вышел в траншею.

— Рус, ком нах хауз, — произнес автоматчик, показывая рукой в сторону нашей высоты. — Шнеллер, шнеллер, — ослабившись, подтолкнул он.

Ноги у ординарца стали, словно из ваты, по спине между лопатками поползла струя холодного пота. Ни

когда еще в его жизни смерть не стояла так близко. С трудом выполз он из траншеи и еле-еле пошаргал на негнущихся ногах, каждую секунду ожидая автоматной очереди в спину...

В блиндаже долго было тихо.

— Вот что, славяне,— произнес наконец старший лейтенант.— О происшедшем молчок. Не дай бог дойдет до контрразведки. Тогда пиши пропало. Парень-то из оккупации...

Обет молчания присутствующие хранили крепко.

Жажда

Весна в Крыму ранняя. Конец марта, а солнце уже припекает, и пыль на дорогах. Пить все время хочется. В эту весну 1944 года я, выписавшись из лазарета, прибыл в 33-ю гвардейскую стрелковую дивизию, стоящую в обороне. Слева — гнилое море, чуть правее — Перекоп. Унылая, открытая всем ветрам равнина. Кроме колючей травы, практически ничего не растет. И очень мало источников пресной воды.

Как всякий солдат, попавший после госпиталя в новую часть, я, естественно, хотел как можно скорее проявить себя, показать, что в моей красноармейской книжке не зря записано: «разведчик-наблюдатель».

Однажды начальник разведки старший лейтенант Аликин сказал: «Вечером пойдешь на НП. Вчера убило Бужека».

Ночью на войне спят редко. Не вздремнул в этот раз и я, изучая схему огней, ориентиры и всю нехитрую документацию Мутный свет зарождавшегося утра встретил возле стереотрубы.

Стекла окуляров заскользили по вражеской обороне и замерли на основном ориентире. Это был небольшой колодец на нейтральной полосе. Возле него безбоязненно копошился человек шесть немцев с канистрами.

«Ага, попались, голубчики!» — внутренне ликуя, подумал я и четко доложил:

— Товарищ старший лейтенант! Основной ориентир прямо по центру, в створе группа немецких солдат, — и замолк, глядя на Аликина.

А тот, кивнув головой, молчал, как-то слишком спокойно, даже безразлично восприняв мой доклад.

«Ну чего вы медлите! Дайте команду на одну из батарей, и фрицы разбегутся, словно крысы!» — кричало все мое существо.

Но Аликин бездействовал. И тогда я снова повторил свой доклад, взяв на два тона выше.

— Слышу, слышу, не глухой, — недовольно пробурчал старший лейтенант.

Между тем немцы набрали полные канистры и собрались назад.

— Товарищ старший лейтенант! — закричал я. — Уйдут ведь фрицы, уйдут!

И тут Аликин хлопнул себя ладонью по лбу.

— Слушай, ведь я забыл, что ты всего три дня у нас. Так вот, этот колодец здесь — единственный источник пресной воды. Без него практически невозможно существовать. И нам, и немцам. А из Строгановки не навозишься. Да и путь не близкий. Короче, есть негласный приказ: по немцам у колодца не стрелять. Они по нам, когда мы возле него, тоже огня не открывают. Да ты можешь убедиться. Сейчас немцы уйдут, и пойдут за водой наши. Тут так: то мы, то они. Кто раньше. Даже пережидаем друг друга.

Я вновь прильнул к стереотрубе. И верно: к опустевшему колодцу с котелками и ведрами, чуть пригнувшись, шли солдаты в знаковой форме...

— Ну, а начальство высокое как реагирует? — спросил я.

— Оно от переднего края далеко. Может, кто и знает... Но ведь война — не только стрельба по целям, — сказал старший лейтенант и добавил:

— А ты молодец, углядел. Ну давай, закурим, чтоб дома не журились.

«Вольга, Вольга, мутер Вольга...»

За окном хлестал дождь, но мы были далеки от буйства природы: шел последний день встречи ветеранов дивизии, освобождавшей Донбасс.

Тесно сгрудившись у стола, сидел наш артиллерийский полк. 19 человек, приехавших со всех концов страны.

— Братцы, не вспомнить или нам каждому один случай, — предложил я.

Очередь дошла до москвича Евгения Гербачевского, бывшего разведчика нашей батареи.

— Об этом я еще в жизни никому не рассказывал, — начал он. — Были тому причины...

Я тоже вспомнил то лето 43-го.

Форсирование Северного Донца дорого обошлось нашему полку. Дивизию вывели на переформировку. В густом дубовом лесу, возле станции Графская, к нам пришло пополнение. Двое из прибывших запомнились всем.

Хаджи Мурат, крымский татарин и лихой шофер, явился... боснком.

— Где твоя обувь? — грозно спросил его старшина батареи Алиев.

— Украли, когда спал. Жулья развелось, спасу нет, — глядя на старшину глазами святого, произнес Хаджи Мурат. Он стал водителем машины одного из орудийных расчетов.

А второй оказался в одном со мной взводе управления. Кудрявый, кареглазый, с примесью восточной крови, Евгений Гербачевский был большой франт. Он моментально где-то раздобыл черные погоны, вырезал из консервной банки и прикрепил к ним артиллерийские эмблемы, умудрился достать офицерский поясной ремень, целлулоидный подворотничок для гимнастерки... Вообще, батарейный разведчик любил пофорсить.

Наступило лето с огромными кумачовыми помидорами и яркой зеленью виноградников, заполонивших долину к югу от села Бычок и дальше, почти к самому пригороду Бендер — Варнице. Хоть редко, но бывают на фронте такие ночи, когда война погружается в полусонную дремоту. Словно нехотя, лениво выдают скупую очередь пулеметы, да время от времени яркими каплями разноцветья рассыпаются в небе ракеты.

Неистощимый на выдумки в поисках спиртного Хаджи Мурат ввалился в землянку взвода управления.

— Жека, — шепнул Гербачевскому, с которым был в приятельских отношениях, — выйдем. Дело есть.

— Ну?

— Вон там, на нейтралке, где развалины кирпичного сарая, фрицы песни поют.

— А тебе жалко? Пусть базлают.

— Понимаешь, похоже, они немного под турахом. Слушай, давай сползаем. Может, и нам перепадет. А?

— Ты что, рехнулся? — оторопел Евгений.

— Ну, как знаешь. Если боишься, я один пойду, — ответил Хаджи Мурат.

Если бы он не произнес слово «боишься», Гербачевский наверняка вернулся бы в землянку. А тут...

— Идем, — согласился он.

Сплошной обороны у нас на этом участке не было. Поэтому проползти между двумя нашими огневыми точ-

ками, отстоящими друг от друга метров на двести, хоть и рискованно, но было можно.

Подползли поближе. «Вольга, Вольга, мутер Вольга, Вольга, Вольга, русини флюс...» — доносилось из развалин.

— Двое, — с удовлетворением отметил Хаджи Мурат. — И нас тоже. Так что все яриши.

Два немца сидели, прислонившись к невысокой полуразрушенной стене. Перед ними стояла канистра с вином, на пятнистой плащ-палатке горой лежали помидоры и крупно нарезанные куски колбасы. Натюрморт освещала пара старинных плошек. Чуть поодаль стояли две винтовки.

Когда в проломе выросли фигуры с автоматами, немцы, поперхнувшись на полуслове, оторопели и стали поднимать руки.

— Эй, фрицы, никс плен, Шнапс, тринкен шнапс¹, — потребовал Хаджи Мурат, подходя вплотную.

Оцепенение длилось несколько секунд.

— Битте, рус Иван, зетцен зи зих², — пришел в себя тот, что постарше, и, наполнив кружку, протянул ее Хаджи Мурату, а другую Евгению...

Сидели, пока канистру не опустошили. Пели хором «Катюшу» и «Стеньку Разина». Тот, что постарше, почувствовался, семейные фотографии показывал и говорил: «Криг никс гут. Рус Иван камрад»³. Ну, а потом разошлись. Немцы к себе, наши — тоже. Еще темно было. Так что добрались благополучно.

— Ну, а в плен почему не взяли? — спросили мы Гербачевского.

— Не знаю, — чистосердечно ответил он. — Да и мысли такой у нас не было. Вст если бы в бою, а тут... Ух-у, — выдохнул он с облегчением. — Столько лет молчал. Вроде легче стало на душе.

А Хаджи Мурат в конце концов в штрафную роту угодил. Там и погиб.

Сапожки из сафьяна

Заместитель командира артиллерийского дивизиона по политчасти майор Просвирнин был большой охотник до трофеев. Правда, с оружием в руках он их не добывал. Его ординарец красноармеец Бибилов во время наступления в Восточной Пруссии практически только тем и был занят, что рыскал по квартирам, оставленным владельцами, в поисках всякого добра.

Не давал Просвирнин покоя и нам, разведчикам взвода управления — мне, Федору Трегубову и Виктору Сырову.

— Ребята, у меня жена такая рукодельница! Раздобудьте швейную машину. Только обязательно с челноком, — ставил Просвирнин «боевую задачу», видимо, не полагаясь в этом «деле» на Бибилова.

— Конечно, товарищ майор, — браво отвечали мы. — Как только попадет, так непременно.

Чуть ли не каждый день он тормошил:

— Ну как? Достали?

— Нет еще, — бодрились мы. — Все без челноков попадаются...

— Ищите лучше. Также мне, разведчики, — недовольно выговаривал майор.

А нам, уж если честно, вовсе не хотелось таскать на горбу швейную машину. Вот если бы что-нибудь вкусненькое... Солдаты в нашем возрасте, как правило, барахлом не интересовались.

Морозным днем начала февраля дивизион вошел в небольшой городок, двигаясь во втором эшелоне наступ-

ления. Разыгравшийся аппетит и желание погреться свели взвод управления в большом, богато обставленном зале особняка какого-то барона. Еды хватало. Был и спирт. Сервирован стол хрусталем и фарфором, мы уселись за трапезу. В самый ее разгар в дверях появился замполит. Чем уж он был недоволен — не помню, но, брезгливо оглядев всех сидящих за столом, он вдруг закричал:

— Пьяницы! Расселись, как на именинах! Война идет, а они тут... Мародеры!

И увидев ироническую улыбку Виктора, взъярился еще больше.

— А ты, Сыров, чего лыбишься? Одет черт знает как, форму советскую игнорируешь!

Все трое мы были одеты в галифе канареечного цвета, а поверх гимнастерок, для тепла, в суконные форменные френчи немецких железнодорожников со множеством блестящих пуговиц. (Кстати, одна из них, на левом накладном кармане, 21 февраля спасет жизнь Виктора. Осколочек снаряда, прошив ватник и пуговицу, застрянет, не дойдя до сердца...)

— Под арест отправлю! — продолжал бушевать майор.

И тут Сыров не выдержал. Его, единственного в дивизионе кавалера четырех орденов, начавшего войну семнадцатилетним парнишкой, задело за живое.

— В тылу отираетесь, а беретесь судить! — воскликнул он, и неожиданно для всех схватив стоящий возле стула автомат, прицелился в майора. Я едва успел выдернуть магазин. Выстрела не последовало. Просвирнин побелел от ярости.

— На офицера руку поднял! Под трибунал мерзавца! — с этими словами он выскочил из комнаты.

Стало так тихо, что казалось, сквозь стены проникал шорох падающего снега. «Эх, Витька, Витька, заварил ты кашу». И в то же мгновение у меня созрело решение.

— Виктор, никуда ни шагу. Федя, одеваемся и пошли.

Мы выскочили в студеную ночь. Через дорогу во дворе громоздились брошенные повозки беженцев. При мигающем свете зажигалки отыскали и вытащили четыре самых больших чемодана. И тут я увидел красные женские сапожки из сафьяна. «Пошла сестренке в Свердловск. Она за войну поизносилась», — подумал я и заткнул голенища за ремень. Руки были заняты.

Оставив чемоданы в коридорчике, я постучал к замполиту.

Майор сидел за столиком и строчил что-то на листе бумаги.

«На Витьку пишет», — с тоской подумал я.

— Товарищ майор, простите Сырова, — произнес я тоном кающегося грешника. — Не хотел он. Нервы подвели. Вы ведь знаете, его контузило недавно, а он в санчасть даже не пошел. А тут еще письмо из дома. Мама у него заболела, — наугад придумал я.

— Разгильдяи! На жизнь политработника покусились! — снова закричал майор.

Я вышел и занес в комнату чемоданы.

— Товарищ майор. Вы человек справедливый. Вас все любят, как отца родного, — разливался я соловьем, а сам подумал: «Неужели ему будет мало?»

— Ну ладно, — сменив гнев на милость, произнес майор. — Так и быть. Но смотрите у меня! И швейная машина за вами.

— Так точно, товарищ майор! — Я уже сделал шаг к двери, как мне в затылок прозвучало:

— Постой. Сапожки тоже оставь.

При демобилизации майору Просвирнину был выделен товарный вагон, который он загрузил, что называется, под завязку. Даже кафельную печь разобрал и с собой прихватил.

А сестренка на мой рассказ о несостоявшихся сапожках из сафьяна ответила: «Да бог с ними. Главное, ты живой вернулся».

¹ Не плен. Выпьем водки.

² Пожалуйста, присаживайтесь.

³ Война — нехорошо. Русский Иван — товарищ.

Афоня

Передо мной маленькая, поблекшая от времени фотография. На обороте слова, с трудом втиснутые чернильным карандашом в небольшую площадку: «Взвод управления артдивизиона. Залив Фриш-Гаф».

Всегда с волнением и затаенной грустью взглядываясь в знакомые, родные лица товарищей по оружию. Вот впереди взвода, чуть склонив набок голову, прилег красноармеец Безматерных, до войны потомственный конюх одного из колхоза Смоленщины, нескладный пятидесятилетний рядовой, которого все, включая и командира дивизиона, называли просто Афоня.

Был он неграмотен, не умел даже расписываться, не говоря уже о чтении. Видимо, это обстоятельство наложило отпечаток на его характер и особенно на внешний вид. Головной убор у него вечно сваливался на нос, пряжка ремня упорно торчала на полдороге между животом и спиной а честь он мог отдать и растопыренной пятерней левой руки. Про таких в народе обычно говорят: «Ему и в картошке кости попадают».

Мне известно, что над доведением до кондиции его внешнего вида долго бился старшина дивизиона, бывший руководитель духового оркестра из подмосковного города Егорьевска Иван Иванович Большаков, но в конце концов отступился. И, наверное, вот почему.

Любовь человека к своему труду, а война — это прежде всего труд, различается сразу. Лошади, за которыми Афоня ухаживал, как за малыми детьми, всегда сверкали свежевывищенной шерстью и были вовремя накормлены. В образцовом порядке — а на войне это не просто — держал упряжь и повозку, в которой перевозилось табельное имущество связистов и разведчиков. Медлительный и неразговорчивый, Афоня преображался, когда садился на облучок с вожжами в руках. Распрямлялась спина, в глазах появлялся незнакомый блеск. «А ну, милые, а ну, родные, подлятите немного!». Других слов в обращении с лошадьми он не признавал.

Были у Безматерных две медали «За отвагу». Одну из них он получил при прорыве обороны немцев на Мазурских озерах в Восточной Пруссии.

А в ту пору совсем недавно война кончилась. И мы, ошалевшие от счастья, что остались живы, каждой клеточкой своего тела ощущали свежий ветер Балтики, скрипящий под ногами песок косы Фриш-Нерунг, изумрудную зелень кустарника. Мы, особенно молодые по возрасту солдаты, готовы были пребывать в таком состоянии до демобилизации. Но командование думало иначе. И когда пришел приказ об организации «боевой и политической подготовки», мы, хотя и без энтузиазма, но приняли его к исполнению. Дисциплина, ничего не попишешь.

Главный упор в занятиях делался тогда на политическую подготовку. Тема, как помнится, была одна, рассчитанная на много занятий. И называлась она так: «Товарищ Сталин — вдохновитель и организатор побед советского народа в Великой Отечественной войне». Каждое занятие, словно молитва, начиналось обязательным перечислением всех должностей, которые Сталин занимал к тому времени: «Гениальный полководец всех времен и народов, товарищ Сталин является Генеральным секретарем ЦК ВКП(б), Председателем Совета Народных Комиссаров СССР, Председателем Государственного Комитета Обороны, Верховным Главнокомандующим Красной Армии в звании Генералиссимуса...» И попробуй что-нибудь забыть...

В тот день дождик загнал наш взвод в большой немецкий блиндаж. Руководитель занятий, начальник разведки дивизиона старший лейтенант Гурченков сказал:

— Повторим пройденный материал. — И, секунду помедлив, задал вопрос: — Какие должности занимает то-

варищ Сталин? — А потом, окинув взглядом присутствующих, произнес: — Красноармеец Безматерных.

Афоня стал подниматься из-за стола медленно, словно на его плечи давил многопудовый груз. На лице появилось страдальческое выражение, лоб прорезали глубокие морщины.

— Он... ну, как его... значится... — выдавил Афоня из себя и вдруг произнес к всеобщему изумлению и растерянности:

— Товарищ старший лейтенант! Я, конечно, не скажу, кем товарищ Сталин работает, но устроился он неплохо.

В блиндаже воцарилась гробовая тишина. Гурченков превратился в соляной столб. Его оцепенение, длившееся несколько секунд, показалось нам вечностью.

— Да ты что, в своем уме! — наконец проговорил он. — Если это дойдет до капитана Козлова, тебе знаешь куда дорога?

Услышав фамилию Козлова, Афоня обмер. Его лицо стало сереть. Побелевшие губы тщетно пытались что-то произнести. Смотреть на него было жалко. И страшно.

Капитан Козлов был в нашем отдельном артиллерийско-пулеметном батальоне уполномоченным отдела контрразведки «Смерш». А если проще, — «особняк». И там, где появлялся этот краснощекий, пышущий здоровьем блондин с синими глазами молодца, сошедшего с лубочной картинки, сразу прекращались разговоры, и люди, если была такая возможность, старались разойтись. Был известен случай, когда солдат из пулеметной роты, одобрительно отзывавшийся о качествах немецкого пулемета МГ-42, с «благословения» капитана Козлова угодил под военный трибунал и получил 5 лет лишения свободы — «за восхваление вражеского оружия».

Покусывая губы, Гурченков нервно заходил по блиндажу. Мы следили за ним, ожидая с тревогой, какое решение он примет.

Разряжая обстановку, с места поднялся старший сержант Благушин. До войны он лет десять преподавал математику в одной из московских школ.

— Товарищ старший лейтенант, слова Афони никто всерьез не воспринимает, — твердо произнес он, беря на себя тяжкий груз моральной ответственности.

И тут Афоня не выдержал. Жалобно подвывая, как щенок, он заплакал, размазывая по щекам обильные слезы, и его большое, крупное тело тряслось, как в лихорадке.

— Красноармеец Безматерных! Вы свободны. Идите и приведите себя в порядок, — сказал старший лейтенант, и мы облегченно вздохнули.

...В день, когда уезжали демобилизованные первой очереди, погода стояла, словно по заказу. Среди отъезжающих был и Афоня. В новеньком обмундировании и смазанных ваксой сапогах, он выделялся взволнованным и одновременно растерянным видом. Словно не верил своему счастью.

Рядом с писарем стоял начальник разведки. Афоня подошел к нему и, не говоря ни слова, замер в глубоком поклоне. Гурченков растерялся.

— Что ты, что ты, Афанасий Петрович!

Афоня, распрямившись, сказал:

— Хороший вы человек, Михаил Егорович. Век буду помнить.

Читатель А. Краснов просил рассказать об исчезнувших с лица земли храмах г. Нижнего Тагила. («Уральский следопыт», 1991, № 1). Интересный ответ редакция получила из г. Артемовского Свердловской области от читателя и краеведа Александра Сергеевича ЛУКАНИНА:

ХРАМЫ, КОТОРЫХ НЕТ

Они в свое время служили украшением города, а потому есть смысл напомнить о невосполнимой потере.

Речь пойдет о главном храме — Выходо-Иерусалимском соборе, а также Выйско-Николаевской церкви — усыпальнице Демидовых. Это были самые красивые и богатые храмы Нижнего Тагила.

Известно, что сын Акинфия Демидова, Никита Акинфиевич, став владельцем Нижнетагильского завода, решил построить в своей столице большой каменный храм вместо малой деревянной церквушки. 9 мая 1763 года заложили трехалтарный каменный храм в центре заводского селения, на холме напротив завода.

Его строили восемь лет. Строили в византийском стиле, с высокой колокольней и шпилем. Медные купола и кресты, вызолоченные под огонь, ослепительно сияли на солнце даже в непогоду. Главный алтарь храма был освящен в честь Входа Господа в Иерусалим, а два боковых придела в трапезной части храма — в память Рождества Христова и мученика Никиты, имя которого носил Демидов.

Заводовладельцы всегда заботились о великолепии храмов в своих владениях и жертвовали на церкви много и щедро. Никита Акинфиевич пожертвовал Выходо-Иерусалимскому собору в 1765 году большую напрестольную Евангелию в окладе из чистого серебра. Верхняя и нижняя доски огромной книги, откованные из серебра, были размером 50×70 см и толщиной 2,5 см, и вдобавок покрыты толстой серебряной сеткой, украшены выпуклой художественной чеканкой и снабжены двумя литыми застежками в виде фигур апостолов. Текст был оттиснут на больших листах александрийской бумаги крупными, высотой 1,5 см славянскими буквами. Весило это Евангелие 2 пуда и десять фунтов, или 36 кг. Служило оно лишь для украшения престола, так как одному человеку поднять и раскрыть его было нелегко.

Сын Никиты Акинфиевича — Николай Никитич Демидов пожертвовал в собор золотые сосуды, изго-

товленные по его заказу во Франции и Швейцарии из чистого золота. Чашу (потир) украшали бриллиантами, рубины и изумруды. Стоила она 19 300 рублей, а весь комплект сосудов — 45 тысяч рублей. Напрестольный крест из чистого золота художественной чеканки тоже сверкал 25-ю бриллиантами, 42-мя аметистами и 19-ю рубинами. Все это — только часть пожертвований нескольких поколений Демидовых. В ризнице собора хранилось много ценной золотой и серебряной утвари, украшенной самоцветами, древних икон в дорогих ризах и драгоценных каменных.

Достопримечательностью собора были престолы во всех трех алтарях. Они представляли собой большие правильной формы кубы с зеркально отполированными плоскостями, вытесанные из монолитных глыб магнитного железняка, добытого из недр горы Высокой.

Другую Выйско-Николаевскую церковь Н. Н. Демидов строил как храм-усыпальницу для себя и своих потомков. Место выбрал на Вые, высокое, открытое, и денег не жалел. Храм получился действительно великолепный, представлял собой уменьшенную копию московского храма Христа Спасителя, только центральный купол и четыре малых башенки по углам были похожи на те, что украшают Исаакиевский собор в С.-Петербурге, только без колонн, и были не золоченые, а выкрашены в зеленый цвет малахитовой краской.

Церковь эта ничем не уступала Выходо-Иерусалимскому собору, а даже превосходила его. Стены по фундаменту снаружи были облицованы чугунными плитами. Пять медных кованных золоченых под огонь крестов сияли высоко в синеве неба. Внутри храм поражал высотой, простором, обилием света, роскошью убранства. Главный алтарь и весь храм по воле строителя был освящен в честь Николая Чудотворца, а два боковых придела — в честь апостолов Петра и Павла и мученика Анатолия — так звали сыновей Демидова. Он сам и его потомки не скупилась на свою фамильную церковь и пожертвовали много уникальных предметов и икон.

Все три престола были заключены в металлические позолоченные футляры-одежды. В главном алтаре стояла массивная (вес 112 кг) даро-

хранительница, высеченная из цельной глыбы малахита. Хранились два медных, украшенных черной подсвечника в три става (яруса) по шесть свечей в каждом — точно таких, как в соборе Св. Петра в Риме. Стояло огромное Распятие, великолепно изваянное из белого мрамора.

В храме находилось множество золотых и серебряных предметов — потиров, крестов, чаш, отделанных драгоценными камнями и эмалью, несколько Евангелий и икон в богатых окладах с самоцветами. Иконы в иконостасах и настенная живопись были выполнены в итальянском стиле и отличались художественным совершенством. Особенно привлекал мозаичный образ Богородицы, прекрасно выполненный пятнадцатилетним сыном Михаила Димитриева, обучавшегося в Италии.

Сама демидовская усыпальница находилась в подвале Выйско-Николаевской церкви и представляла собой три низких сводчатых коридора, в которых и возвышались мраморные надгробия. Особенно красивым был памятник над могилой Павла Павловича Демидова: за узорчатой решеткой на мраморной круглой доске с ниспадающими складками — рельеф лица, а под ним горельеф, изображающий мужчину и склонившуюся над ним женщину. «Елена своему возлюбленному Павлу» — было начертано на доске.

В свободном от надгробий коридоре, ближнем от входа, была устроена малая церковь с иконостасом и алтарем, освященная в 1862 году во имя Св. Феодора Синеота, потому что в день этого святого — 22 апреля — скончался Николай Никитич Демидов. Окон здесь не было, и церковь, как и весь подвал, освещалась только светом свечей и лампад, да и служили в ней редко — в дни поминовения Демидовых. Вход в это мрачное подземелье находился с южной стороны церкви.

От нее и от усыпальницы Демидовых теперь не осталось и следа. И никто не помнит, пожалуй, что там, где сейчас стоит дворец культуры «Юбилейный», некогда была базарная площадь и высилась кремлевская громада Выйско-Николаевского храма с подвалом-усыпальницей Демидовых.

Все в прошлом...

ПЕРВЫЕ ЯСЛИ НА УРАЛЕ

В заметке Дмитрия Трифонова «Детские ясли 1915 года» («Уральский следопыт» 1990, № 1) сказано, что до Великого Октября в нашем крае не было ни детских садов, ни яслей. Я располагаю другими данными.

Первые ясли (детский летний приют) были открыты 1 августа (по старому стилю) 1896 года в Невьянском заводе по инициативе съезда земских врачей и лично Н. А. Русских, председателя Уральского медицинского общества. Перед тем он был командирован екатеринбургским земством в Москву и Петербург для ознакомления с постановкой ясельного дела.

Невьянские ясли размещались в трех комнатах — одной большой и двух маленьких на втором этаже полукаменного дома, приобретенного на частные пожертвования. Имелись кухня и терраса с крыльцом, но не было сада, хозяйского двора, а кухня прямо сообщалась с комнатами. При яслях работала детская консультация. В первые месяцы в яслях обитали 18 детей. Младшему из них было 7 недель, старшему — 1 год 3 месяца; причем семеро были незakonнорожденными. Детей приносили в 5—6 часов утра, а уносили в 6—7 вечера. Питание состояло из молока — цельного, либо разведенного — в зависимости от возраста ребенка. Некоторых прикармливали манной кашей и белым хлебом.

Первые ясли население завода встретило не особенно сочувственно. Некоторые считали, что это отзовется увеличением налогов, другие же видели в организации приюта поощрение для рождения внебрачных детей. Но матери, приносившие ребят в ясли, оставались довольны и искренне благодарили персонал за пригляд и уход за их детьми.

Уральское медицинское общество обратилось ко всем земствам и местным благотворителям с предложением устраивать ясли повсюду, где имеется рабочее население. В результате летом 1897 года ясли были открыты в 12 пунктах Пермской губернии. А екатеринбургская земская управа ассигновала на это около 5000 рублей.

А когда же появились первые ясли в России? Архивные документы сообщают: первые ясли были открыты в 1716 году в бывшей Седлецкой губернии, а в 1845-м в Жигардовое бывшей Варшавской губернии. В 1913 году в городах функционировало всего 19 постоянных

яслей, а в селах 343 сезонных. Содержались эти учреждения на средства различных благотворительных обществ и отдельных добровольных пожертвований.

Ю. СОРКИН,
кандидат медицинских наук,
г. Свердловск

В очерке «Ничего, кроме травы» («Уральский следопыт», 1990, № 5) журналист Инна Пешкова совсем не сказала об участии каслинского скульптора К. А. Клодта в создании памятника рабочему-революционеру, который установлен во многих городах Урала. По ее словам, она не располагает на этот счет достоверными сведениями.

Печатаем две заметки уральских краеведов в дополнение к тому, что ранее уже сообщал наш журнал о скульптурах-близнецах.

«БЛИЗНЕЦЫ»

КОНСТАНТИНА КЛОДТА

Папка памятников-близнецов наполнялась постепенно. С фотоаппаратом и блокнотом я ездил в Златоуст и Касли, в Сысерть и Ревду, в Верхний и Нижний Уфалей. В Перми, Свердловске и Челябинске навел справки о других памятниках. Оказалось, что они «прописаны» еще в Лысьве, Карабаше, в рабочих поселках Ис и Сарана. А может, есть еще где-нибудь? Год и место рождения «близнецов» совпадают, но не совпадают места и годы их «прописки». Различны и постаменты, за исключением каслинского и сысертского.

Как же они появились на свет?

12 октября 1919 года орган Челябинского губкома РКП(б) и губисполкома газета «Советская Сибирь» обратилась к работникам искусств: «Товарищи художники! Приближается вторая годовщина Великой Октябрьской революции. Все художественные силы должны проявить максимум своего творчества и оставить историческую память революционного искусства. Комиссия по устройству торжеств призывает вас сейчас же приступить к работе в этой области». А в 1921 году на совещании красных директоров заводов Горно-металлургического треста (Гормет) было решено поставить памятники во всех заводских поселках треста, рабочие которых участвовали в гражданской войне.

Памятник поручили отлить Каслинскому заводу. На предприятии началось сбор средств на «свою» скульптуру.

О том, в каких муках рождался памятник, писал челябинский искусствовед В. Байнов: «Общий проект его выполнили Г. П. Валенков и Горшков. Но их решение было воплощено лишь в двух памятниках — сысертском и каслинском, в остальных же были допущены местные отклонения, т. к. к возведению постаментов привлекались свои авторы.

Заказ на статую был передан в скульптурную мастерскую Гормета. И поскольку профессиональных мастеров в ней не было, то лепку фигуры поручили формовщикам П. И. Серегину и Г. Кулябину...

После принятия комиссией эскиза в одну десятую размера фигуры лепщики приступили к выполнению модели в натуральную величину. Из рабфака был приглашен студент-натурщик. Работать приходилось в тяжелых условиях голодного 1921 года. К тому же сказывалось отсутствие опыта. Несколько раз начатая статуя разваливалась. Особенно не удавалась лепка головы. Тогда к работам был привлечен К. А. Клодт. Сделав некоторые общие исправления, он заново вылепил голову рабочего. После чего отформованную в гипсе модель отправили в Касли. В отливке статуи принял участие старейший формовщик завода С. М. Гилев.»

В 1922 году Кулибин с Серегиным, возглавив строительные бригады, установили памятники в Каслях и Сысерти. Вот почему не только скульптуры, но даже постаменты под статуями в этих городах почти различимы.

Мне известно, что в изготовлении первой модели скульптуры «рабочего с винтовкой» участвовали литейщики и формовщики Иван Дмитриевич Лазарев, Михаил Ильич Зацепин и Михаил Алексеевич Дунаев.

Уже в 1922 году коллективное творение было тиражировано, и памятник установили в городах Касли, Ревда, в рабочем поселке Нижняя Сарана Красноуфимского района. Позже молодой рабочий с молотом и винтовкой замер в вечном карауле над братскими могилами в городах Сысерть, Златоуст, Верхний и Нижний Уфалей (1923), в рабочем поселке Ис Нижнетуринского района, в Лысьве (1924). В Полевском, на горе Думной, он появился 15 июля 1929 года в 10-ю годовщину освобождения города от белых.

Несколько слов о создателях памятника. Г. П. Валенков в соавторстве с К. Т. Бабыкиным и Е. Н. Коротковым разработал архитектурный проект здания Свердловской филармонии, построенного в 1914—1927 годах. Его зал долгое время был одним из лучших общественных помещений губернского, а затем областного центра.

На снимках: памятники в Лысьве и Кытлыме.

Среди значительных оформительских работ П. И. Серегина — богатые и разнообразные украшения интерьеров кинотеатров имени А. С. Пушкина (1927) и имени 30-летия ВЛКСМ в Челябинске.

А КОЖЕВНИКОВ,
г. Полевской

«РОДСТВЕННИК» В КЫТЛЫМЕ

В Лысьве памятник был торжественно открыт в 1924 году. Возле него постепенно сложилось мемориальное кладбище, которое в городе называют «Братские могилы». Здесь похоронены участники гражданской войны и в числе их командир 6-го Торошинского полка латышских стрелков К. Ф. Герцберг. Сюда же перенесены останки пятерых лысьвенцев — участников июльского вооруженного восстания 1914 года, казненных по приговору царского суда. Здесь и могила известного революционера Г. М. Жданова, под руководством которого были восстановлены Лысьвенский и Чусовской мартены.

С памятниками-близнецами перекликается скульптура, стоящая в центре поселка Кытлым на севере Свердловской области. Здесь тот же сюжет: гордо стоящий рабочий дер-

жит в правой руке винтовку, а левой опирается на рукоятку молота. Видно, что автор был знаком с памятником Клодта.

Эту скульптуру исполнил местный житель. Вылеплена она из цементного раствора — материала, мало пригодного для подобного творения. Сразу после исполнения памятник был раскрашен, и традиция эта сохранилась до наших дней. Памятник посвящен событиям гражданской войны, в основном действиям сводного отряда из добровольцев под руководством военного комиссара Северного Урала, члена Уралсовета Б. В. Дидковского. В фигуре нашли отражение местные мотивы: рабочий обут в бахилы — характерную обувь жителей Севера.

А. КАРЯКИН,
г. Лысьва

мне определить, когда, каким тиражом и по какому поводу выпускался этот жетон, и даст другую возможную информацию.

В. БОЙКО,
г. Свердловск

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

ЗАГАДОЧНЫЙ ЖЕТОН

В моей коллекции длительное время находится, по всей вероятности, японский жетон. Он изготовлен из меди, имеет слегка выпуклую форму. Диаметр 27 мм, толщина 1 мм. На оборотной стороне имеется номер 0253.

Буду благодарен, если кто-то из знатоков-коллекционеров поможет

Трагедия „Российского Бисмарка“, или Предводитель крестьянства

**Александр
ДМИТРИЕВ**

«...В мировой борьбе, в соревновании народов почетное место могут занять только те из них, которые достигнут полного напряжения своей материальной и нравственной мощи...»

П. А. СТОЛЫПИН

На исходе лета 1911 года размеренную жизнь Киева нарушил визит императорской четы с длинным шлейфом свиты. Романовы, готовясь отметить приближавшееся 300-летие династии, прибыли в древнюю столицу Руси на торжественное открытие памятников княгине Ольге и Александру II. Вечером 1 сентября в оперном театре для высоких гостей давалась «Сказка о царе Салтане». Взоры зрительного зала, сиявшего бриллиантами и орденами, были прикованы к царской ложе. В перерыве публика, жаждавшая поближе увидеть венценосцев и высших сановников, хлынула в фойе. У рампы, на некотором удалении от группы, явно «несущей службу», разговаривали двое. Один из них — шеголеватый военный министр В. А. Сухомлинов. Неожиданно прозвучали два выстрела*. Собеседник министра, высокий человек с породистым лицом, побледнел и мешковато опустился в кресло. Через несколько дней киевляне проводили в последний путь председателя Совета Министров Российской империи, статс-секретаря Петра Аркадьевича Столыпина...

Интерес к личности Столыпина у меня возник десяток лет назад в Ленинграде, где я повышал квалификацию на истфаке университета и в свободное время изрядно исходил весь город... Однажды в Александровской лавре предстала взору грустная картина: покосившиеся надгробия Столыпиных. Мелькнула мысль: наверное, это похоронены родственники «обер-вешателя». Их потомки, должно быть, на чужбине, думал я, а соотечественникам не до осколков старого мира, покоившихся под этими мраморными плитами...

СТУДЕНТ — ГУБЕРНАТОР — ПРЕМЬЕР-МИНИСТР

Петр Столыпин родился 2 апреля 1862 года в семье генерала и по традиции готовился к службе в «умном»

* Убийца Мордка Богров признался, что совершил преступление по требованию партии эсеров (Вестник русской конницы, №№ 15—16, 1911 г.)

роде войск — артиллерии. Мечту о военной карьере нарушил случай, повлекший серьезное повреждение правой руки. Склонность к точным наукам привела юношу на физико-математический факультет Петербургского университета. Студент-«белоподкладочник», каких было немного на разночинском естественном отделении факультета, вел себя с однокурсниками по-товарищески и выделялся не праздностью, не кутежами, а успехами в учебе. Профессора предсказывали гордости курса, независимо от избранной деятельности, большое будущее. Тепло напутствовал полюбившего выпускника 1884 года проницательный Д. И. Менделеев, оказавший беспорное влияние на кругозор и жизненное кредо Петра Столыпина.

Двадцатидвухлетний кандидат естественных наук поступил на службу в министерство земледелия и государственных имуществ. Карьера по ряду причин не заладилась, и Столыпин уезжает с семьей в родовое имение Калноберже, расположенное неподалеку от Ковно. Однако уединение не для кипучей, ищущей натуры. Энергичного, быстро вникшего в хозяйственные проблемы помещика с дипломом столичного университета, «министерским» прошлым местное дворянство избирает уездным предводителем. Затем Столыпин становится почетным мировым судьей. Целенаправленное изучение законодательства высвечивает застарелые противоречия в аграрных отношениях. Но масштабы уезда позволяли лишь заострять внимание на тревожных явлениях, а не выкорчевывать их. К счастью, уверенные шаги носителя известной в западном крае фамилии на общественном поприще, снижавшего авторитет эрудицией, честностью, не остались незамеченными. В 28 лет Столыпин назначается гродненским губернатором, а через три года принимается в управление огромную Саратовскую губернию. «Наследство» досталось от предшественника запущенное, и потому в отведенных апартаментах догошного начальника удерживала только непогода. Всюду, где приходилось бывать, бросалась в глаза кричащая нужда, раздавались жалобы на безводье, малоземелье, уравнительный гнет общины, задавленной повинностями.

Размышляя на степных дорогах, Столыпин приходил к выводу о неотложных преобразованиях, способных предотвратить непоправимое, о чем и писал в отчетах «на высочайшее имя». Верность предположений подтвердила революция 1905 года, устроившая администратору испытание. Поджоги помещичьих усадеб не были неожиданностью для Столыпина, понимавшего, что к этому крестьян толкало не подстрекательство агитаторов, а бедственное положение. В отличие от деморализованных коллег, он не отсиживался под охраной, не слал в Петербург панических телеграмм, предпочитал разрешать конфликты методом убеждения, а не залпами военных команд. О личном мужестве губернатора, унимавшего разбушевавшиеся страсти, ходили легенды...

Между тем события принимали критический оборот. Царизм был вынужден идти на уступки: разрешалась деятельность политических партий, профессиональных и творческих союзов, создавался прообраз парламента — всеобщая Дума. Однако требования революционно-демократического лагеря простирались значительно дальше статей Манифеста 17 октября. Тактика полумер заходила в тупик, о чем свидетельствовала растущая изоляция некогда неукротимого Витте, подозревавшегося «охранителями» в сговоре с революционерами и подготовке антигосударственного переворота. Вряд ли царь верил домыслам перепуганного окружения, тем не менее место отбывшего в отставку нелюбимого Витте занял И. Л. Горемыкин. Николай II не питал иллюзий относительно интеллектуальных возможностей этого задубелого бюрократа, он ценил Ивана Логгиновича за преданность.

Экстремальная ситуация выявила профессиональную непригодность министра внутренних дел П. Н. Дурново, всецело полагавшегося на устранение бунтовщика и административно-полицейские методы руководства. Вероят-

но, в поисках замены скомпрометировавшего себя репрессиями Дурново Николай II и вспомнил о составителе отчетов с оригинальными комментариями — саратовском губернаторе, продемонстрировавшем в час испытаний, как докладывали жандармы, дефицитные качества: самообладание и интеллигентность. Ведь будущему МВД предстояло не только усмирять революцию, но и налаживать контакты с непослушной Думой.

«Жесткий курс» Горемыкина, обвинившего думцев в покушении на верховную власть, считавшего недопустимым расширение их полномочий, углубил правительственный кризис. Опираясь на новый подъем революции, поддержку избирателей, Дума потребовала отставки кабинета одиозного Горемыкина, создания правительства, пользующегося доверием народных избранных. Николай II поручил нескольким лицам, в том числе и Столыпину, обсудить вопрос об «ответственном министерстве» с участием кадетов, отобрав наименее угрожавший самодержавному правлению вариант. Переговоры с кадетскими вождями показали, что те преследовали цель оттеснить «бюрократов», прибрать к рукам ключевые министерства и кресло премьера. Столь дерзкие замыслы не устраивали царя, да и самого Столыпина, которому не находилось места в будущем правительстве. Министр внутренних дел по положению располагал агентурными сведениями о разногласиях внутри кадетского ЦК, о слабом влиянии на народ красноречивых бичевателей «полицейского режима». В Думе, где Столыпин подолгу засиживался и наблюдал за происходящим, кадеты также не имели устойчивого большинства. Поэтому он недоумил «державного хозяина» формировать не однопартийно-кадетское, а коалиционное правительство, с представителем всех направлений либеральной оппозиции. Царь остался доволен идеей Столыпина, позволявшей расширить социальную базу правительства и одновременно связать оппозицию взаимными обязательствами.

Николай II пристально следил за Столыпиным, производившим в наэлектризованной аудитории Таврического дворца импровизированные речи в защиту жизни и свободы граждан империи. Парламентская трибуна, таким образом, использовалась для восстановления престижа власти, сплочения вокруг пошатнувшегося трона не только правых, но и центристов. Анализируя действия думских группировок, Столыпин пришел к неутихшему для царя выводу о беспочвенности надежд на поддержку законопослушных сельских обывателей. Либо следует распустить «неработоспособную» Думу, либо правительство из конституционных демократов сохранит монарху только право на почетные титулы и безмятежную частную жизнь.

Мучительно искавший «соломоново решение» царь почувствовал облегчение, он, наконец, обрел твердую опору. Вечером 8 июля 1906 года, прервав очередной доклад министра внутренних дел, Николай II без предисловий предложил тому пост Председателя Совета Министров вместо отыгравшего роль пешки Горемыкина. Столыпин отказывался, уверяя, что малоопытен. Усмехнувшись, самодержец всероссийской сослался на свой еще более молодой возраст, посетовал на внутреннее одиночество, ибо сонмище советников предпочитало прохладную тень непричастной к «правительственному солнцепеку» безответственности, ему же недоставало самоотверженных, думающих единомышленников, готовых во имя спасения России разделить бремя власти. Царь снял со стены древнюю икону и благословил ею раба божьего... Повинуясь долгу христианина и верноподданного, 44-летний Столыпин согласился стать у руля сбившегося с курса и терявшего ход корабля...

РЕФОРМА ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ

Обнародование кадетской фракцией Думы требования о принудительном отчуждении частновладельческих земель дало Николаю II повод распустить нижнюю палату пар-

ламент за нарушение принятых незадолго до того «основных законов империи». Октябристы и отколовшиеся от большинства правые кадеты признали роспуск Думы правомочным, заявив о единодушной поддержке правительства.

На политическом перекутье судьба свела П. А. Столыпина с лидером партии «17 октября» Александром Ивановичем Кучковым, человеком образованным, много повидавшим, неробкого десятка. Зародившаяся между ними дружба способствовала оформлению «стольпинского лобби» в Думе, притоку в высшие эшелоны государственного управления даровитых людей, не принадлежавших к беспринципным чиновникам.

Столыпин тщательно подбирал кандидатов в министры. От них зависит осуществление задуманной программы. Крайние из возможных путей преодоления экономического хаоса, стабилизации государственного механизма (реакционный и революционный) он считал гибельными, ведущими к братоубийственной гражданской войне. Умонастроения подавляющей массы населения, уставшей от бытовых неурядиц и неопределенности, мировой опыт подсказывали иной способ возрождения страны — коренные реформы, закреплявшие гражданские свободы, демократическую законодательную и исполнительную власть, разрешавшие наиболее важные вопросы: аграрный, рабочий, национальный.

С. Ю. Витте, уязвленный отставкой, надеявшийся вернуться на олимп, предсказывал скорое падение «выскачке», храброму де, но лишенному для трудов на государственном поприще более весомых достоинств. Опальный граф оценивал уверенно заявившего о себе соперника как заурядного чиновника с полицейским складом ума. Снедаемый завистью, осмеянный недоброжелателями, Витте намеренно сгущал краски, не хотел признавать того, что бурная эпоха затребовала политика новой формации, объявившего неукоснительным, без оглядки на монарха, движение вперед «среди порядка и законности». Провозглашенное имело мало общего с незатейливой, приписываемой Столыпину формулой: «Сначала успокоение — потом реформы», ибо устранить причины выплеснувшегося недовольства, ослабить революционное движение предполагалось именно реформированием несовершенного уклада. Карательные же акции были лишь следствием ожесточенности конфликтов, варварского уничтожения казенного и частного имущества. «Военно-полевые суды, — парировал премьер-министр обвинения левых парламентариев, — мера безусловно суровая, но она отражает состояние необходимой обороны власти в условиях захлестнувшего страну террора и преступности». Речь в данном случае шла не о баррикадных боях и усмирениях крестьян, а о всевозможных «экспроприациях» с человеческими жертвами, о настоящей охоте «боевиков» на администраторов и военачальников разных рангов. «Где аргумент бомба, — отмечал в интервью глава правительства, чудом уцелевший после покушения, оборвавшего жизнь 27 невинных посетителей его летней резиденции на Аптекарском острове, — там естественный ответ — беспощадные кары. К нашему горю и сраму лишь казнь немногих предотвратит моря крови...»

Из ежедневного вороха донесений Столыпину было известно, что, несмотря на неудачи, леворадикальные партии пытаются разжечь всенародное восстание. Для предотвращения гражданской войны полиции и жандармерии ставилась задача прекращения продажи оружия и изъятия его у «подозрительных лиц», оперативного разрешения конфликтов между рабочими и хозяевами предприятий, с наказанием виновных (в том числе и нарушавших законодательство работодателей) в судебном порядке: недопущения погромов на национальной почве в районах со смешанным населением. Одновременно по инициативе премьера официальная печать развернула антиреволюционную пропаганду. Читателям из народных низов внушалась мысль о том, что избавление от обрушившихся на них бедствий заключается вовсе не в национализации и

уравнительном распределении собственности, а в перестройке экономики, мобилизации нетронутых ресурсов, в поощрении предприимчивости и деловитости. Самочинная расправа над «царскими сатрапами» квалифицировалась как недопустимое с правовой и моральной точек зрения насилие над личностью.

Сознавая трагизм происходящего, Столыпин настойчиво добивался, чтобы Дума положила конец «революционному безумию», предрекал, что если парламентарии не осудят политических убийств, то совершат подобный акт над собой. залогом отмены военно-полевых судов, говорил он с трибуны Таврического дворца в феврале 1907 года, явится слово умиротворения, обращенное законодателями к расколовшемуся обществу. Колебавшиеся кадеты на сей раз согласились с доводами, но их резолюцию встретили в штыки левые фракции. Примирение не состоялось, и военно-полевые суды, постепенно сходя на нет, просуществовали до 1909 года. Насилие укрощалось насилем, пока большинство сограждан не осознало, что бедственное положение отбгажается не только на власть предержащих, но и на беднейшие слои населения. Неудачи, не убедилась в преимуществах компромиссов над ультимативными требованиями, наконец, не побирило Столыпину. А тот, не обращая внимания на анонимные угрозы «социалистов», спекулятивную критику слева и справа, готовил в путь сошедший с рельсов локомотив. Немало чиновных казнокрадов и взяточников, вышвырнутых с теплых местечек, люто возненавидели «законника», пополнили ударную фалангу его врагов.

Пока они выжидали момент для сведения счетов, Столыпин продумывал последовательность реформ. Прежде всего надлежало распутать тугие узлы диспорций, обернувшихся всероссийским кризисом и налетевшей вослед революционной бурей. За годы индустриализации промышленность достигла внушительных успехов, но подпитывавшийся иностранными банками бум неожиданно прекратился. Ученые усматривали корень зла в образовании монополий, Столыпин не отрицал издержек монополизации, но первоначально застой видел в узости внутреннего рынка, ограниченном спросе «лапогной Руси» на промышленные изделия. Тормозили разбег локомотива отсталое сельское хозяйство, низкая покупательная способность крестьян. Кроме того, рыночные отношения были подорваны расстройством финансов. Висело на волоске золотое обращение. Нужно браться за «подтягивание» сельского хозяйства.

При осуществлении реформы 1861 года царское правительство стремилось убить сразу двух зайцев: отменить изжившее себя крепостничество, но и не нанести при этом ущерба дворянству — оплоте самодержавия. Крестьяне наделялись землей, чтобы они могли прокормиться.

Община, выдаваемая народниками за образец демократии, провозвестницу социализма, в действительности консервировала бытовую патриархальщину. Вот почему лечение большого хозяйственного организма премьер хотел начать с удаления рудиментарного органа — общины. Сложность операции заставляла его действовать осмотрительно. Чтобы не споткнуться на первом же шаге, Столыпин уговорил запустить маховик разработанного пакета реформ самого царя. «Победить революции в Западной Европе, — ненавязчиво подсказывал он Николаю II, — удалось только правительствам, вставшим во главе реформ...» Без «высочайшей» санкции законопроект ждало неминуемое фиаско. Думское большинство, горой стоявшее за принудительное отчуждение частнохозяйственных земель, заблокировало бы его слева. Что же касается «зубров» Государственного Совета, то те при упоминании об ущемлении прав помещиков, то бишь самих себя, кривились, как от зубной боли.

Поначалу император души не чаял в дальновидности премьера. 9 ноября 1906 года Николаю II подписал указ, разрешавший крестьянам выходить из общины и укреплять личные наделы. К тому же они могли покупать участки казенных и, с согласия владельцев, — помещичьих земель.

Отмена выкупных платежей, возможность действовать самостоятельно успокоила крестьян, разочаровавшихся в добром царе.

СИБИРЬ КРЕСТЬЯНСКАЯ

По мнению историографов, исповедующих в методологии классовый подход, Столыпин обрекался на неуспех изначально, так как проигнорировал-де универсальное требование крестьянства — раздел помещичьих земель. Действительно, премьер терпеливо разъянял трудовикам утопичность рассасывания крестьянского малоземелья за счет помещичьих владений в перенаселенных губерниях Средней, Южной России, Малороссии, где села и деревеньки тесно жались друг к другу.

Столыпинская модель развития аграрного сектора экономики предусматривала из двух исторически сложившихся типов хозяйств (помещичьего — прусского и фермерского, американского) отдавать предпочтение последнему. Взаимоотношения между ними должны были строиться на здоровой конкуренции. Крестьянство восприняло закон как обнадеживающий шаг к окончательному освобождению. Отсутствовал повод роптать против него и у дрожащих от страха помещиков, обретавших союзников в лице покинувших общину домохозяев. С этих позиций и оценивал реформу Совет объединенного дворянства. «Если утвердить все землевладение как мелкое, так и крупное на началах твердой земельной собственности,— обобщались горячие прения заседаний, состоявшихся в ноябре 1906 года,— то очень скоро землевладельцы всех сословий почувствуют обnoxious взаимных интересов». Цель помещиков, таким образом, заключалась в стремлении обезопасить имения от посягательств государства или крестьянства. Столыпин же смотрел дальше. Он понимал, что в отдаленной перспективе большинство латифундистов, совмещавших частное предпринимательство с коронной службой, будет вытеснено из традиционной сферы хозяйства, но произойдет это бескровно, тогда как провозглашаемая левыми «экспроприация экспроприаторов» искалечит судьбы сотен тысяч соотечественников.

6 марта 1907 года он огласил в Думе декларацию... «Отечество наше,— торжественно провозгласил глава кабинета,— должно превратиться в государство правовое!» Далее на рассмотрении депутатов предлагались законопроект о неприкосновенности личности и свободе вероисповедания, об упразднении земских начальников и волостного суда, о восстановлении избираемых населением мировых судей, о расширении компетенции земских органов самоуправления, поэтапном введении в стране всеобщего начального образования. В области рабочего законодательства предусматривалось допущение экономических стачек, государственное страхование рабочих, участие в разрешении конфликтов с предпринимателями профессиональных организаций.

Яркое выступление произвело впечатление. Особенно на кадетских депутатов, увидевших лидера, способного вывести страну из кризиса. А премьер, словно чтя их мысли, выразил готовность сотрудничать с либеральной оппозицией на общую пользу, благодарил за конструктивную критику промахов и недочетов подчиненной ему администрации. После оглушенной оратором в адрес социал-демократов реплики «Не запугаете!» правые и октябристы устроили овацию.

Опорой Столыпинского курса должны были стать средние слои, в первую очередь крестьяне-собственники, потому Столыпин с удивительной энергией принялся за осуществление аграрной реформы. Экономически перераспределение земельного фонда было предпринято, но Столыпин не верил в истинность уравнительной справедливости, считал незаслуженно популярный лозунг наивным заблуждением, плодом кабинетного доктринерства. Торжество спра-

ведливости он видел в том, чтобы обладателями земельных богатств стали волевые, рачительные хозяева-труженики, прежде всего исконные земледельцы-крестьяне.

Столыпин не делал тайны из того, что правительство отводило зажиточным хозяевам важную роль в борьбе с революционным движением, ибо в программных документах неонародников — эсеров — сельская община рассматривалась как производственная коммуна, первооснова народного социализма. Исчезновение общины лишало смысла лозунг социализации земли. Эсеровские идеологи, отчетливо сознавая, какой удар реформа наносит по ячеей социализма и революционным планам партии, развернули в деревне пропагандистскую кампанию против выделов из общины. «Не поддаваться хитростям самодержавия,— призывали агитаторы,— не получать надельных земель! Поступать с богатыми, покидавшими общину, как с «изменниками» и не отдавать им мрских земель!» А стоящий на крайнем эсеровском фланге союз максималистов даже пытался вовлечь крестьянство в «партизанскую борьбу», угрожал расправой хуторянам и членам землеустроительных комиссий.

Апологетами общины выступали не только леворадикалы, ставящие задачу уничтожения всякой частной собственности, и прежде всего на землю, но и часть либеральной интеллигенции, разделявшей толстовское учение. При всем уважении к таланту великого писателя, Столыпин не разделял его философско-экономических воззрений. «Лев Николаевич! — обращался в ответном письме к Толстому премьер-министр. — Вы считаете злом то, что я считаю для России благом. Мне кажется, что отсутствие собственности на землю у крестьян создает все наше неустойство... Смешно говорить этим людям о свободе, или свободах. Сначала доведите уровень их благосостояния до той, по крайней мере наименьшей грани, где минимальное довольство делает человека свободным. А это достижимо только при свободном приложении труда к земле, то есть при наличии права собственности на землю».

Летом 1909 года Столыпин объехал хлебопроизводящие районы Поволжья и Западной Сибири. Распашка восточно-степной полосы предусматривала не только удовлетворение внутренних потребностей страны, страдавшей от повторявшихся неурожадов, но и продажу зерна за рубеж. Анализ конъюнктуры мирового рынка (спрос на хлеб в европейских государствах обгонял предложение: Аргентина исчерпала резерв нераспаханных угодий, Канада, напротив, еще предстояло ввести их в оборот, США сокращали вывоз из-за наплыва иммигрантов и последствий урбанизации) показывал, что перед Россией открывалась возможность превращения в крупнейшего поставщика продовольствия. Торговля знаменитыми пшеницами, вкуснейшим маслом с лихвой окупала расходы по переселению крестьян в Сибирь и на Дальний Восток, оказание им на обживаемых местах денежной, агрономической, зоотехнической помощи. Но миграция не ограничивалась ликвидацией крестьянского малоземелья и увеличением сельскохозяйственного производства. Столыпин мыслил глобальнее: «Богатая всем, кроме людей, Сибирь только в приливе сюда русской рабочей силы может найти полную хозяйственную и культурную жизнь». На валюту от продажи хлеба, масла, пушныны, за аренду эксплуатировавшихся иностранными компаниями рудных и нефтяных месторождений покупались сельхозмашины новейших конструкций, племенной скот, финансировалось строительство дорог, школ, больниц.

Первоочередной заботой правительства была достройка транссибирской магистрали, так как частые обострения международной обстановки, чехарда китайских императоров-ставленников, враждовавших кланов затрудняли перевозки грузов по КВЖД. Намечалось также сооружение причалов на судоходных реках. Разбудить дремлющий край, поставить на службу его богатейшие ресурсы должны были пока отсутствовавшие там органы земско-

го самоуправления, призванные сплотить, нацелить на общественно полезную деятельность тонкую прослойку сибирской интеллигенции, деловых людей.

Придавая первостепенное значение народному просвещению, особенно в деревне, на забытых богом окраинах государства, Столыпин убеждал законодателей не скупиться на расходы по развертыванию густой сети школ, различных училищ. Основная нагрузка ложилась не на центральный, а на местные бюджеты, и все же по ассигнованиям на культуру Россия вплотную приблизилась к преуспевающим странам Западной Европы. Аграрная реформа вызвала перестройку школьного образования на селе. Понадобилось создавать небольшие, «одноштантные» школы с интернатами для детей хуторян, включать в программы наряду с общеобразовательными прикладные дисциплины, расширявшие знания учащихся по экономике.

Вернулся Столыпин из Сибири, где с притоком переселенцев жизнь забила ключом, открыленным: «Еще десять лет мира, дружной работы, и Россия будет неузнаваемой!». Мажорное настроение передавалось коллегам, подчиненным, добросовестно вытягивавшим тяжелый воз в упряжке с премьером, кем-то метко нареченным за ясный ум, настойчивость и прямоту «российским Бисмарком».

МУЖИК КОРМИТ ЕВРОПУ

Стремительно пронеслось четырехлетие пребывания Столыпина на капитанском мостике. Успокоение народа, привлечение к сотрудничеству лучших умов, каждодневный напряженный труд принесли первые плоды. Несмотря на сопротивление дворянства, инертность периферийной бюрократии, противодействие общин в глухих углах, где крепко засела в крестьянских головах психология «уравнительной справедливости», аграрная реформа двигалась вширь и вглубь. Поезда с вереницей новеньких «столыпинских» вагонов везли за Урал перебивавшихся с хлеба на квас на песочках да суглинках землеробов, рассчитывавших справно зажить на непаханных черноземах. Далеко не все выдерживали испытания, выпадавшие на долю первопроходцев, тем не менее в мировой житнице — Сибири, осело более двух миллионов хлебопашцев.

Как и ожидалось, часть крестьян, продав наделы, подалась на заработки в город. Оппоненты Столыпина злобно ждали обострения безработицы, но грянул промышленный подъем. Во многих индустриальных центрах возникла даже нехватка рабочих рук. Столыпин поручал строго следить за тем, чтобы не множилось количество безземельных пролетариев, чтобы рабочие поселков и малых городов имели огороды, а если позволяли условия, то и покосы, и даже пахотные угодья. К таким районам, в частности, относился Урал. Во время поездки в Сибирь, премьер требовал ускорить землеустройство горнозаводского населения, развивать мелкую (кустарную) промышленность, дававшую заработки и одновременно насыщавшую дефицитными товарами рынки азиатской части страны.

Ведомый уверенной рукой локомотив набирал скорость. Постепенно стабилизировалась денежная система, увеличивались инвестиционные вложения отечественных и иностранных монополий в ведущие отрасли экономики. Казалось, «машинист» чувствовал себя вполне удовлетворенным. Увы! Все чаще на поле сражения за изобильную, просвещенную Россию оказывался он одиноким воином. Не откажешь в прозорливости изощренному Макиавелли, подметившему, что наибольшей опасности всегда подвергается великий реформатор... «Люди, которые его сопровождают в начале пути, пугаются, когда реформы приобретают все более радикальный характер, они оставляют лидера и переходят в клан консерваторов...» Все чаще охватывало Столыпина, подавленного роскошью и пустынностью апартаментов, отведенных ему в Зимнем дворце, разочарование, чувство бессилия. По мере того, как уп-

рочивалась экономическое положение страны, очищался от грозных облаков политический горизонт, сужался круг единомышленников, понимающих, что самое страшное для государственного деятеля — самообман, неумение в настоящем предвидеть будущее. Столыпин рвался вперед, но его тотчас осаживали, мол, на крутых подъемах недолго потерпеть крушение...

Объявление открытой войны придворной камарильей ничуть не удивило, ведь за нею стояла императорская чета. Бесило двуличие тех, кто в критический (для них) момент клался премьеру в вечной преданности. Усилились нападки борзописцев из правых газет. «Новое время» долдонило, будто запас идей у «временщика» иссяк, он управляет страной вслепую. Сколько бы огорчений ни доставляли человеческое коварство и низость, с ними Столыпин в общем-то свылся, но невозможно было стерпеть появления при дворе, грубого вмешательства в большую политику невежды Распутина. Столыпин, пожалуй, одним из первых предугадал глетворность распутищины. Он в буквальном смысле, взяв за шиворот, выдворил оторопешего Гришку, посмеявшегося без уведомления заявиться в кабинет главы правительства с «наставлениями», а затем, несмотря на прозрачные намеки доброхотов, отправил старца на родину — в село Покровское Тобольской губернии. Обиду нанес премьер этим решительным поступком царю и особенно императрице. «Дорогой Ники! — скорее утверждала, чем спрашивала Александра Федоровна. — Честолюбец Столыпин возомнил себя первым лицом в государстве, «заслоняет» собой императора. Кто же из вас двоих самодержец?»

Царь все отчужденнее держался с премьером. И хотл на словах даже слышать не хотел об его отставке, газетные репортеры затрубили о скором падении «русского Бисмарка». Выпустила когти, выщипывала ростки преобразований дворянская фронда. Ухватившись в пучине революции за спасательный круг аграрной реформы, дворянство с наступлением штиля пересмотрело свое отношение к политике бонапартизма, мертвой хваткой вцепилось за привилегии, дарованные от века и на века. Не союзника в блоке дополнявших друг друга земельных собственников, а расторопного могильщика разглядело оно в крупном хуторянине-фермере, добывавшемся открытия кредитных учреждений, кооперативных товариществ и артелей. На худой конец, только бы в Сибири, куда помещики носа не совали, а то ведь под боком у Шереметевых, Бобринских, Голицыных, Юсуповых, Строгановых и прочих «рирковичей» и «столбовых дворян». Этак благородное сословие могло и расстаться с властью в уезде, губернии, а там и бери выше...

Обозначилась парадоксальная ситуация. Сотрудничество с законодательными органами являлось для зодчего конституционно-парламентского строя аксиомой, но именно в них гнездилась реакция, требовавшая от Николая II основательного перетряхивания Думы, закрытия в нее доступа национальным меньшинствам, проведения выборов через губернские земства, обеспечивавших подавляющее превосходство в нижней палате помещиному дворянству. «Кладбищем законопроектов» образно назвала демократическая общественность верхнюю палату, состоявшую из назначаемых царем отставных министров, генералов, губернаторов и прочих особо доверенных радетелей вековых устоев. «Всем известен, — делился безотрадными впечатлениями с думцами Столыпин, — наш законодательный обряд: внесение законов в Государственную Думу, признание их здесь обыкновенно недостаточно радикальными, перелицовка их и перенесение в Госсовет, в Маринском дворце оценка правительственных законопроектов слишком радикальными и их проваливание. А в итоге царство так называемой «вермишели», застой во всех принципиальных реформах».

Авторы монографий сходятся на том, что к весне 1911 года, когда разразился очередной правительственный

кризис, оппозиция загнала Столыпина в угол, низвела до состояния политического трупа. В подтверждение избитого тезиса приводятся язвительные оценки его недоброжелателей, высказывания самого премьера, с проскальзывавшими нотками пессимизма. Выдержать град ударов, конечно, было нелегко, но Столыпин не покидала уверенность в конечном успехе, он не собирался отказываться от задуманного. Какой садовник согласился бы оставить без присмотра слабые саженцы, не дождавись набухания почек белой кипени цветения?.. Политический деятель, справившийся с революцией, оберегавший внутренний и внешний покой страны, высоко котируясь на международной арене, имел поддержку либеральных слоев общества, значительной части простого народа. Но нам бы хотелось указать на не замеченную или замалчиваемую историками деталь: столыпинская политика, приведшая к оздоровлению финансов, росту покупательной способности трудового населения и, следовательно, к увеличению спроса на промтовары, растопила лед недоверия к нему в промышленных и финансовых кругах. Столыпин несколько умерил аппетиты иностранных монополий в европейской России, представив тем режим наибольшего благоприятствования в малоосвоенных горнодобывающих районах Урала, Сибири. Казахстана, что отвечало интересам государства и национальной буржуазии, тесно взаимодействовавшей на монополистической стадии капитализма с крупнейшими отечественными банками. В беседах с представителями центрального и региональных советов съездов промышленников глава правительства признавал необходимость упрощения процедуры создания акционерных обществ, недопущения полицейского вмешательства (горной и фабрично-заводской полиции) в разрешение споров между предпринимателями и рабочими, в то же время требовал строгого соблюдения законодательства о труде, приведения заработной платы в соответствие с индексом цен на продукты и предметы широкого потребления.

Вымученная любезность, уклончивый взгляд «державного хозяина» при встречах не обманывали Столыпина. Близился конец карьеры. «Я физически,— признавался он Гучкову накануне роковой поездки в Киев,— ощущаю на себе враждебность двора, неприязнь государя и государыни». Смягчало досаду, успокаивало сознание того, что начатое им пустило глубокие корни, становилось необратимым; и кому бы ни вручил Николай II бразды правления — Дурново, Трепову, Горемыкину — дать задний ход кораблю были не способны и самые отпетые ретрограды, иначе тот бы просто опрокинулся.

Многое из задуманного помешало воплотить Столыпину, но явно переусердствовали его хулители, оценившие итог прерванного марафона беспощадным термином «крах». Нет, останься премьер жив, ему было бы чем гордиться. В связи с интенсивным переселением крестьян на восток, расширением рынка рабочей силы в период промышленного подъема уходила в прошлое извечная проблема малоземелья. Как и предвидел реформатор, дворянское землевладение отгеснялось на задний план. К 1917 году заявление о выходе из общины подало свыше 40 процентов сельских домохозяев и доминирующим стало подворное землевладение. Крестьяне-одноворцы не замыкались в рамках индивидуальных хозяйств, за что опасались сосуществовавшие с ними на деле и на словах противники Столыпина из разных политических лагерей. Реформа ускорила кооперирование российского крестьянства, не имевшее ничего общего с позднейшей принудительной коллективизацией, когда сталинскому режиму понадобились закрепощенные поденщики, обязанные безропотно выполнять госзадания.

Следствием кооперирования деревни, особенно уралосибирской, были рост урожайности, продуктивности скота, применение сельхозмашин. Производство пшеницы и ржи превысило объем продукции США, Аргентины и Канады вместе взятых. Россия превратилась в одного из крупней-

ших экспортеров зерна, мяса, масла, яиц, сахара... Калорийность питания разных слоев населения была, естественно, неодинаковой, однако вовсе не определялась надуманным лозунгом: «Недоедим, а вывезем!». Достаточно сказать, что потребление масла горожанами было намного выше современного, причем масла натурального, а не какого-нибудь бутербродного маргарина.

«С РОССИЕЙ НАДО КОНЧАТЬ...»

Убийство Столыпина поразило демократическую Россию... Версий может быть бесчисленное множество, хотя мотивы предсказуемы. От него хотели избавиться правые, пытавшиеся оспаривать логику экономических законов и волеизъявление большинства народа. Отнюдь не симпатизировали ему и левые, поскольку «столыпинское чудо» растворяло в невидимой мгле желанную революционную ситуацию. Не исключено, что российский премьер встал поперек дороги амбициозным зарубежным политикам. Сошлемся хотя бы на многозначительную фразу германского кайзера Вильгельма, следующим образом прокомментировавшего итоги столыпинского курса: «С Россией надо кончать скорее, потому что через десять лет она будет непобедима, как основанная на правильной форме хозяйства...»

Преемником Столыпина Николай II назначил Коковцева, политика знающего, многоопытного, но совсем другого склада. Напутствуемый царствующим дуэтом, повелевавшим «не искать поддержки в политических партиях», новый премьер огоршил Думу заявлением: «У нас парламента, слава богу, еще нет!» Но Коковцев не был настолько близорук, чтобы, открещиваясь от столыпинского курса, не уяснить потаенных намерений монарха, побуждаемого камарильей к реставрации абсолютизма. В ближайшем окружении государя, вспоминая он в эмиграции, внедрилось сознание, будто тот может сделать все один, потому что народ знает, любит его и слепо ему предан. «Сразу же, как не стало исполня Столыпина,— вторил экс-премьеру Гучков,— внеправительственные, сверхправительственные течения вновь захватили покинутые позиции, толкая монарха к традициям личного режима с его худшими аксессуарами...»

Прошедшая через док реформ, поверившая в себя Россия устойчиво держалась на плаву. Ровно и мощно гудели обновленные двигатели корабля, направлявшегося в широты цивилизации и прогресса. Тут-то и вздернула пиратский флаг высыпающая на палубу дворянская реакция, принявшаяся, с благословения царя, изгонять из команды подозрительных. Ослепленному злобой к революционно-демократическим партиям, либеральной общественности, покушавшимся на бездарную верховную власть, незаслуженные привилегии окружению Николая II казалось, что подобные меры отдалают нависшую опасность. На самом же деле оголтелость, нежелание считаться с реальными дилеммами приближали час расплаты. Когда же он наступил, неблагодарная опора престола взвалила вину за крушение империи на якобы «мягкотелого, нерешительного» самодержца.

Рассказ о Столыпине подошел к концу. Ну и что, скажет читатель-скептик. Стоит ли ворошить далекое прошлое, искать героев и антигероев, ведь теперь другие времена! Да, времена другие, но возникшие перед страной нелегкие проблемы заставляют отбросить идеологические стереотипы и заново осмыслить тогдашнюю эпоху. В свете задач перестройки она куда поучительнее безмерно расхваливаемого нэпа.

Внимание к личности и его родословной — несомненный признак демократических перемен в нашем обществе.

Родослов — так определил В. И. Даль человека, занимающегося родословными. Генеалогия — наука о родственных связях людей, историческая дисциплина, изучающая происхождение родов различного социального положения: крестьян и дворян, мещан и рабочих.

Недавно в Перми при областной организации «Знание» создана ассоциация генеалогов-любителей. Ее цель — объединение людей, занимающихся исследованием родословных. В числе задач ассоциации: организация школы генеалогов-любителей, консультации, исполнение архивных, родословных, геральдических, библиографических запросов населения. Желающие получат ответ на вопрос о происхождении имени, фамилии, титула, ордена или медали. Инициатором создания ассоциации стал молодой уральский историк Александр Николаевич Онучин.

Сообщаем адрес ассоциации: 614094, г. Пермь-94, а/я 5411.

Публикуемая нами статья В. Юдина — пример возвращающихся к жизни родословий.

Вячеслав
ЮДИН

Игнатий Юдин и другие

Время, в котором мы живем, характерно нехватками во всем. В длинном списке дефицита не последнее место занимают культура и нравственность.

Десятилетиями господствующая идеология искажала историю общества. В ней оказалось так много «белых пятен», что, слившись вместе, они образовали белую мглу с очерчениями истинных реальностей.

И если во всех нехватках мы привыкли искать виновных на стороне, то в дефиците знаний по истории своего рода, своей семьи виноваты и мы сами.

Пренебрежительное отношение к собственной истории наглядно иллюстрируется ответом на вопрос об имени и отчестве своего прадеда. Только очень немногие «вспоминают» имя — по отчеству деда, а прабабушек вообще не помнят. О жизни их и судьбах почти любому из нас известно и того меньше.

И то сказать, в течение трех поколений у нас считалось, что родословные могут быть только у привилегированного сословия, а простому человеку достаточно было того, что он из рабочих и крестьян. Уничтожались документы и в частности церковные метрические книги и данные о переписях населения. Огромное количество документов погибло на территориях, где прошла Великая Отечественная война. Кроме того, в 20—30 годы широко использовалось право на изменение фамилии: не только из-

за неблагозвучности, но и из желания выжить — отмежеваться от фамилии, могущей стать причиной ареста.

Возможность изменения фамилии предусмотрена и существующим законодательством, когда вступающие в брак могут именоваться по фамилии либо мужа, либо жены. Еще проще решается вопрос национальности, супруги сами определяют национальность своему ребенку, и если, например, отец русский, а мать украинка или татарка, то в большинстве случаев дети становятся русскими.

Однако, несмотря на все сложности, люди должны знать историю своего рода, своей фамилии.

Часто говорят, что семья, мол, наша простая, и в ее истории ничего интересного нет. Подобный довод как раз и оправдывает идеологию принижения личности, считавшую человека «винтиком» в государственной машине и провозглашавшую творцом истории народ вообще: без лица, без национальности, под общим названием — советский.

Но неинтересных людей не бывает и, тем более, не бывает семей, не отражающих бытие во временном пространстве. Укоренилось понятие о второстепенности человека — первоначальным считается событие. Однако, кроме стихийных, все события совершаются людьми, входящими в сообщество. Наиболее яркие и талантливые входят в мировую историю, историю государства или края. В сложных, подчас противоречивых характерах личностей, в условиях течения их

жизни — все многообразие самой Жизни. И если масштаб личности даже не выходит за рамки семьи, поведение и образ жизни любого человека оказывают влияние на формирование последующего поколения.

Мое понятие о родословной первоначально складывалось в виде известных схем продолжения рода. Главными источниками информации были родители, хранившие в памяти скудные сведения о предках. К счастью, отсутствие некоторых сведений пробудило интерес к их добыванию.

Главным толчком в серьезном исследовании истории фамилии и рода послужила книга-справочник А. Г. Козлова о деятелях науки и техники на Урале XVII—начала XX века. В ней несколькими строчками сказано о Игнатии Юдине как современнике и соратнике Геннина, Татищева и многих других известных и забытых людей. Благодаря помощи Свердловского краеведческого музея и Государственного архива Свердловской области, сведений становилось все больше и больше. Но уже в самом начале работы оказалось, что Игнатий Юдин был коллежским советником и дворянином, тогда как все известные мне предки, по сведениям, относились к крестьянам или мастерам. Однако я узнал, что «Табель о рангах», утвержденная Петром I, наделяла коллежского советника только личным дворянством, на потомков не распространявшимся. Это обстоятельство вселяло надежду, что Игна-

гий Юдин вполне мог «вписаться» в нашу родословную.

Последующая работа в архивах принесла много интересных находок и, по совокупности фактов, позволила считать Игнатия Никитича Юдина одним из ответвлений нашей фамилии, а также и началом ее становления.

Хотелось бы предупредить будущих исследователей, что понятия «история рода» и «история фамилии» не совсем одно и то же. История рода уходит в глубь веков и, практически, не может иметь начала, тогда как «привнша», или фамилии, особенно в среде «простонародья», образовались примерно 300 лет тому назад, а в некоторых случаях и того меньше.

Поскольку многие события семейной хроники и отдельные ее факты едва ли будут интересны большинству читателей, выберу некоторые, иногда и не относящиеся непосредственно к предмету исследования.

Дед мой работал на Кыштымском заводе машинистом, а затем стал заниматься промыслом по слесарным делам. Отец его преуспел в этом гораздо больше: его изделия экспонировались на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке в 1887 году. В краткой характеристике сказано: «Бывший мастерской Кыштымского завода, занимаемый кустарным промыслом около 30 лет при помощи сыновей. Перерабатывает более 80 пудов железа в год. Имеет сбыт на ярмарках».

К сожалению, в нашей семье не сохранилось изделий прадеда, кроме подсвечника с клеймом «Юдин I», но есть кое-что в краеведческом музее, а также у некоторых краеведов.

О следующем предке — Сергее — я узнал из переписи 1834 года и списка крепостных и вечно отданных людей, составленного в 1843 году. Там содержалась информация о полном составе семьи и ее главе — Ермолае Михайлове Юдине, родившемся в 1762 году.

Знакомясь с двумя томами дел «О волнениях кыштымских и каслинских рабочих в 1823 году», обнаружил в списке лиц, не выходящих на работу, двух сыновей Ермолая Юдина — Прохора и Сергея. Сергеем — отцу моего прадеда — было в то время 18 лет. Братья работали углежгами, как и их предки, о чем стало известно из более ранних документов — книг учета работ земской Камышловской конторы.

Кроме этих двух предков, в списке невыполнивших «урочные работы» нашел еще трех представителей нашей фамилии: братьев — Василия и Захара Савельевых и 16-летнего сына Василия — Андрея.

Забастовки и неповиновения возникали и на других заводах. В книге В. Быкова «Возмутители», вышедшей в 1925 году, отмечены еще двое Юди-

ных в Ревдинском заводе — один в 1826 г., а вторая — Анна — в 1841 г., погибшая при расстреле на площади в числе 33 человек. (Принадлежность их к нашему роду еще не определена.)

Найденные в архиве документы пока не дают точной даты появления Юдиных в Кыштымском заводе, т. к. список крепостных и вечно отданных крестьян, составленный в 1843 году, включает сведения только с 1795 года.

Сохранилась ведомость о крестьянах, приписанных к Кыштымским заводам, составленная в 1750 году: но в ней наша фамилия не встречается. Есть, однако, много интересных семей, например: «Федор Васильев сын 116 лет; у него дети: Лука 96 лет, у Луки дети: Гаврило 34 года; у него сын Василей полугода». Как видно из записи, у Федора еще не было не только установившейся фамилии, но даже и прозвища. На одном из «железных заводов» Демидова из общего числа работавших в 1500 человек «непоминающих родства» отмечены 139. Кстати, весь «управленческий» персонал завода составлял 10 человек: один приказчик, четверо служителей и пять человек подъячих, т. е. писарей.

Просматривая дела Камышловской земской конторы, ведавшей отсылкой приписных крестьян из слобод и деревень на Кыштымские заводы Демидова, я обнаружил документы, датированные 1763 годом, т. е. за десять лет до пугачевского восстания. Уже тогда в ряде слобод крестьяне выражали нежелание работать на заводах Демидова, несмотря на Указ Главного заводов Правления, в чем подчинении были все казанские и сибирские заводы.

Указ обязывал: «...приписных к заводам Сибирской губернии крестьян преклонить, дабы заводы без действия быть не могли... в противном случае с противниками... поступлено будет неослабно по самой строгости военною рукою, к чему уже полку драгунскому в жилища их вступить велено». Указ был подписан советниками Игнатием Юдиным и Егором Арпыбашевым.

Через три месяца староста одной из слобод сообщал в Главное заводов Правление: «...высылку крестьян в заводские работы на указанные сроки, а именно к добыче руды... также и прочие работы чинить будем со всей успешностью неотменно и росклад оканчивать и для того пищика (писаря) Юдина содержать будем скована под караулом... а ежели за силою какое сво запущение в высылке крестьян и в роскладах будет, то б за оное учинить сим по Указам без всякой пощады...»

Вот и встретились мои Юдины: один подписывает Указ о высылке крестьян с обжитых мест, а другой оказывается скованным под карау-

лом за неисполнение того Указа.

К сожалению, из этого дела исчезли два листа, но можно предположить, что Юдины были высланы в Кыштымские заводы в конце 1763-го или в 1764 году.

Отец нашего кыштымского Ермолая — Михаил Юдин был сыном Дмитрия Юдина, крестьянина Камышловской слободы, деревни Обуховой.

В книгах Камышловской земской конторы оба значились то как Юдины, то как Казанцевы. Наконец на одном из листов удалось найти Юду Семенова Казанцева, с указанием, что Дмитрий Юдин является его сыном. Надо отметить, что отчества по отцу еще не являлись фамилиями, но Михаил Юдин (рожд. 1711 г.), приняв так называемое «скользящее дедичество», может считаться родоначальником фамилии, т. к. форма именования впоследствии стала устойчивой. Впервые Михаил Дмитриев Юдин встречается в трехчленном именовании в «Книге освидетельствования годности в работу» в 1740 году. (В более ранних источниках имя Юда встречалось довольно часто и имело написание «Еда» — «Един».)

Кстати, наша фамилия встречалась на заводах Строгановых, Яковлева, а также на других заводах Демидова. Кто-то из Юдиных приехал на Урал уже с устойчивой формой именования, а потому не мог быть включенным в родословную нашей семьи. Однако с иными из Юдиных предстоит разобраться, т. к. появившие фамилии возможно и миграционным путем в пределах края.

Но почему все-таки потомки Казанцевых в некоторых случаях меняли свою фамилию? Правильный ответ дали бы сами предки, а мы можем только предполагать. Причиной могла стать принадлежность Казанцевых к раскольникам: находиться «на государевой службе» старообрядцам было запрещено. Так Игнатий, будучи внуком Юды Семенова Казанцева, стал именоваться Игнатием Никитичем Юдиным, сохранив, таким образом, память о своем деде.

Отец Игнатия — Никита — был обер-офицером Семеновского полка. По-видимому, его сослали в Сибирь в 1698 году, после подавления стрелецкого бунта. Скончался Никита в 1722 году в Крутихинской слободе, а отец его, живший с младшим сыном Дмитрием в Камышловской слободе, умер, видимо, около 1735 года в возрасте более 85 лет (в книгах подушных окладов и оброчных сборов после этого года более не упоминался).

По всей вероятности, Юда Семенов Казанцев был женат дважды — в книгах отмечается его пасынок Ефим Еремеев Боровской как брат Дмитрия Юдина.

Фамилия Казанцевых произошла,

по-видимому, от прозвища «Казанец», полученного по прибытии на новое место поселения из Казани, или как отличия тех, кто участвовал в покорении Иваном Грозным казанского царства в 1552 году.

Несмотря на большую распространенность этой фамилии один из крупнейших специалистов по ономастике В. А. Никонов в своей книге «География фамилий» не дает объяснения ее происхождения.

Продлить родственную связь Юды Семенова Казанцева к его отцу пока не удалось — в Свердловском архиве не нашлось таких древних документов. Но есть двое «претендентов». Об одном из них — Семене Казанце (Казанцеве) упоминается в книге С. Б. Веселовского «Дьяки и подьячие России». Этот Семен был в 1665 году дворцовым подьячим. А второй отмечен в книге «Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке» О. Н. Вилкова как «оборочный крестьянин Софийского дома» в торговых книгах Тобольска за 1655 год.

Рассказ о жизни и деятельности Игнатия Никитича Юдина занял бы несколько журнальных страниц, поэтому ограничусь лишь краткими вехами.

Окончив в Москве немецкую школу пастора Глюка (того самого, у которого воспитывалась Марта Слав-

ронская — будущая жена Петра I), Игнатий обучался в Инженерной школе и получил чин «кондуктора», а затем по заданию Петра I был направлен с посланником Артемием Волынским в Персию. Пробыв там около года, Игнатий в 1719 году «обрисовал по зрению глаза город Дербен» и, составив по памяти план и журнал наблюдений, сдал отчет о путешествии в Санкт-Петербург. По-видимому, в успешном походе Петра I на Дербент в 1722 году данные Юдина сослужили немалую службу.

В 1720 году Берг-коллегия посылает Игнатия на Олонекские заводы, где управителем был генерал-майор В. Геннин. Проработав на Олонце более года, Юдин получает новое назначение — на Сибирские заводы. Прибыв в Уктус в конце 1721 года, он навсегда связал свою жизнь с Уральским краем.

Поначалу «кондуктор» преподавал в Уктусской школе и занимался снятием планов земель Соли Камской. В октябре 1722 года Геннин определяет Юдина к строительству медеплавильного Пыскорского завода. После 1725 года в течение 5 лет он работает на Полевском заводе, а с начала 1732 года строит завод в Сысерти, который уже в первой половине 1734 года начал выпускать первую продукцию — полосовое железо.

По приезде Татищева в 1734 году Юдин привлекается к работе в Глав-

ном заводов правлении: участвует как советник в текущих делах, занимается на заводах переписью раскольников, курирует школы.

Затем, получив чин коллежского асессора, Игнатий Юдин возглавляет Главное правление заводов, а с 1745 года он — асессор конторы земских и судебных дел.

В исходе 1749 года Берг-коллегия назначает Игнатия Юдина начальником Нерчинских сереброплавящих заводов, где он и работает до 1752 года.

В следующем году, в чине дворянского советника по монетной канцелярии, Игнатий Юдин был отозван в Москву, но уволенный из советников монетной канцелярии за старостью в возрасте 68 лет, Юдин в 1759 году возвращается в Екатеринбург и продолжает свою деятельность в должности начальника канцелярии Главного заводов Правления.

Около полувека Игнатий Юдин был на государственной службе, работал вместе с Генниным, Татищевым, Нееловым, Клеопиным, Гордеевым, Арцыбашевым, с иностранцами Михаэлисом, Блиером, Баннером, Шульцем и многими деятелями отечественной науки и техники, оставившими след в истории освоения нашего края.

Скончался Игнатий Никитич Юдин в Екатеринбурге 5 октября 1772 года в возрасте 81 года.

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ КОПИЛКА

ПАМЯТНИК ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЮ

Лука КОЗЛОВ, краевед

В 1831 году предстояло детально разведать запасы мрамора вблизи деревни Большое Баландино, неподалеку от Челябинска. Начальник Златоустовского горного округа П. П. Аносов послал на разведку помощника смотрителя Миасских золотых приисков Ивана Редикорцева.

Ознакомившись с его обстоятельным докладом, Аносов обратил внимание на упомянутые Редикорцевым «пласты смолисто-воночей извести и траумата». Он вторично командировал Редикорцева в Баландино, чтобы изучить вышеупомянутые породы — на

предмет отыскания признаков каменного угля.

Так 160 лет назад у деревни Ильинных, недалеко от Миасской крепости (ныне пос. Ильинка, Красноармейского района Челябинской области), был обнаружен каменный уголь. Редикорцев составил для Аносова подробную докладную записку «Об открытии каменного угля в Челябинском уезде близ крепости Миасской», опубликованную в 1833 году в «Горном журнале». Он стал первооткрывателем челябинского угля. В наши дни шахты этого бассейна

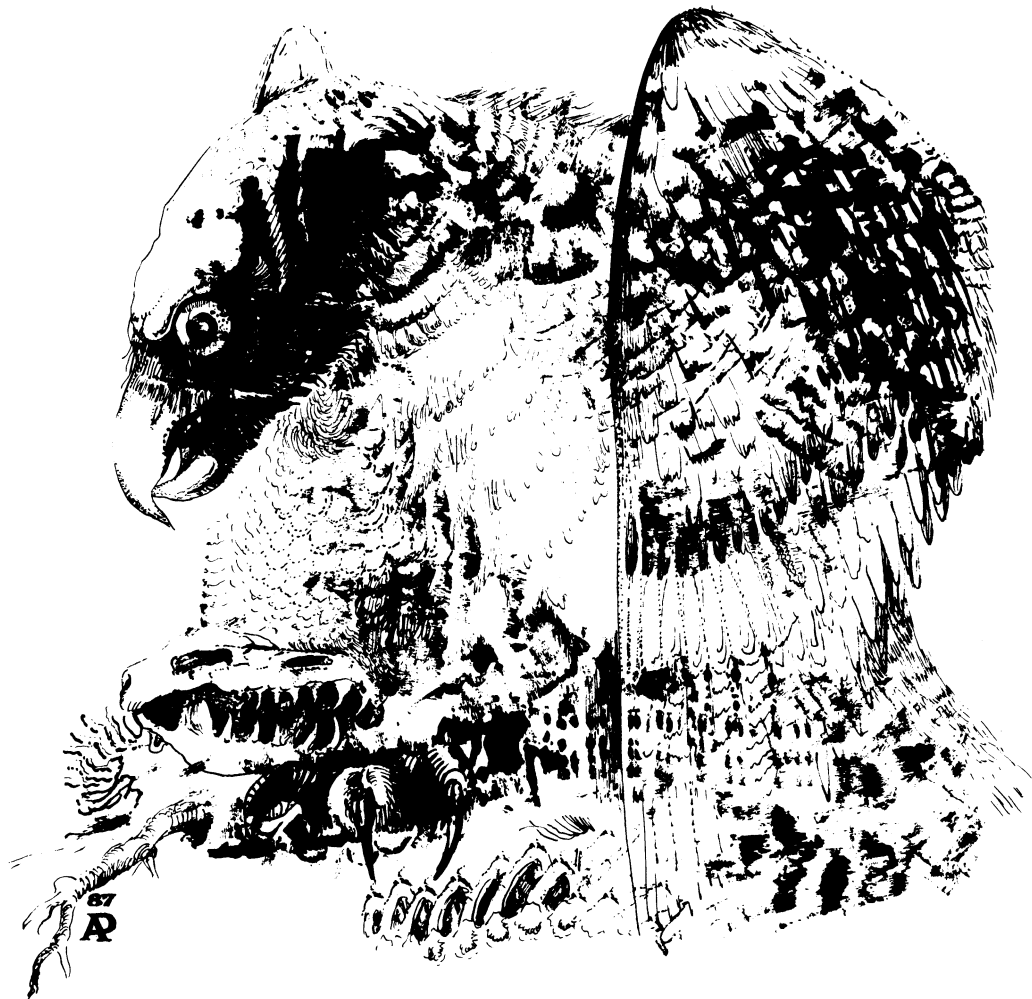
дают ежегодно около 6 миллионов тонн ценнейшего топлива.

В центре города Копейска горному инженеру Ивану Ивановичу Редикорцеву (1808—1866) в 1957 году установлен памятник (скульптор В. С. Зайков, архитектор М. Г. Семенов). Фигура первооткрывателя челябинского угля отлита из цветного цемента и установлена на бетонно-мозаичный постамент.

И. И. Редикорцев умер и похоронен в городе Миассе.

г. Копейск Челябинской обл.

РЕАЛЬНЫЕ СКАЗКИ АЛЕКСАНДРА РАЗБОЙНИКОВА

Молодой челябинский график Александр Разбойников работает на фабрике художественных изделий. Живая природа, бабочки, тушь и перо — все это его увлечения, каждодневное занятие досуга. С самого раннего детства он рисует с натуры. Им написаны и «нарисованы» уже две книги: одна научно-популярная, другая художественная (сказка) о бабочках с акварельными иллюстрациями. Обе не опубликованы и существуют в единственных экземплярах.

Многие работы художника сопровождают стихи японских поэтов средних веков — хайку. Яркой выразительностью и лаконизмом они оказались близки мироощущению челябинского графика.

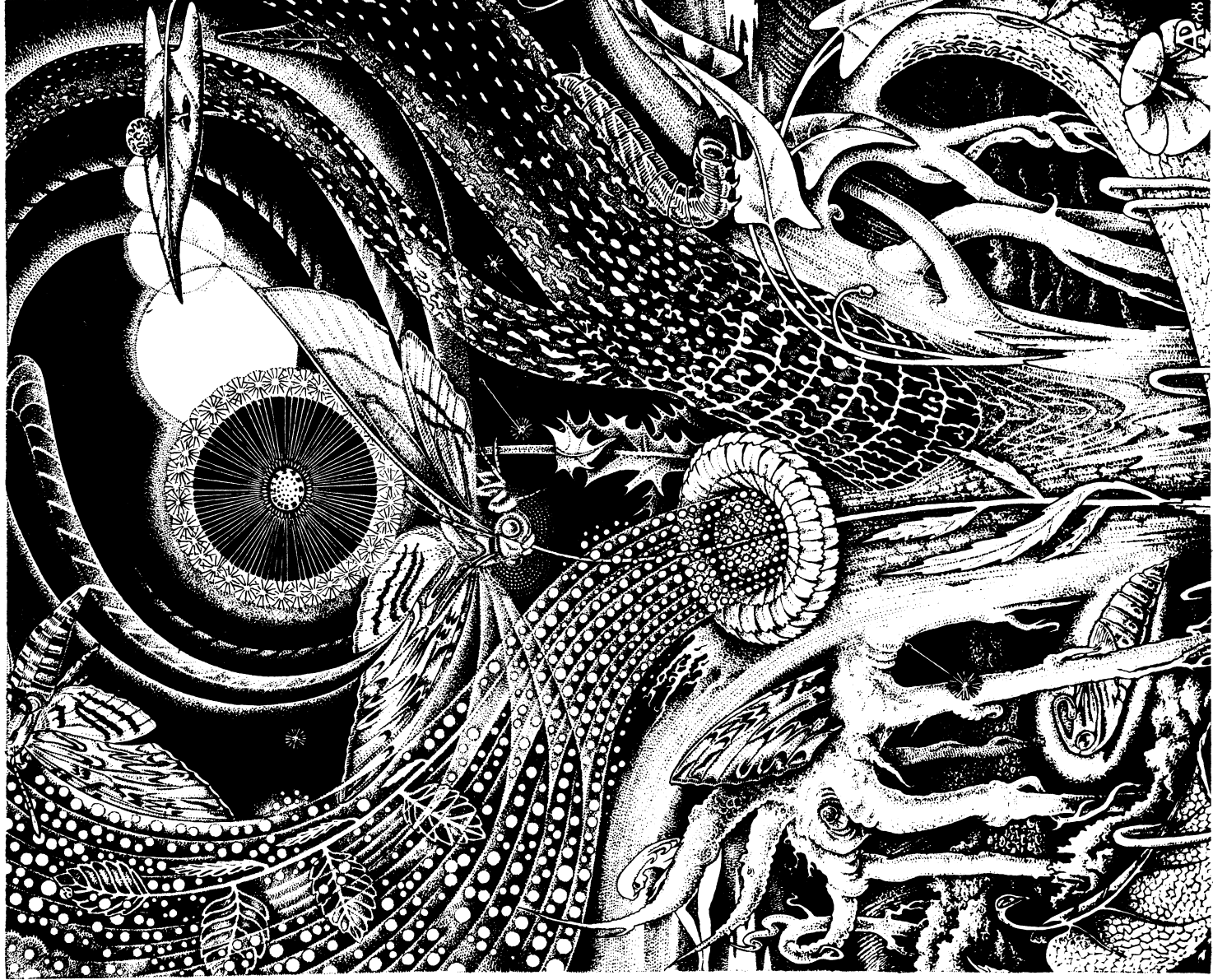
Сделанные в смешанной технике графические листы причудливо сочетают европейскую и восточные этические и эстетические традиции. Это придает им оригинальность и самобытность. Они поднимаются подчас до философского осмысления законов жизни, напоминают о ее хрупкости и незащищенности.

Александр — член энтомологического общества, участник его съездов. Работы Разбойникова выставлены в Челябинске, Свердловске, Тарту, Ленинграде, Владивостоке, Находке.

И. Денисова

Беркут

Осень, жизнь замедляет

Петр
КАЗАНЦЕВ,
Владимир
РЕТУНСКИЙ

СВЕТ МИЛОСЕРДИЯ

ДЕКАБРИСТЫ В ЗАУРАЛЬЕ: МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ

От восстания 1825 года («слишком далеки они были от народа») до амнистии в 1856 году прошло время. И было оно наполнено близостью с народом. Это внесло поправки в юношеские идеалы декабристов. «Гуманизм», например, перестал быть для них продуктом Ренессанса — возрождения античного антропоцентризма. На первое место они вывели то содержание гуманизма, которое сформулировал В. Даль: милосердие. Эта поправка рождалась не в кабинетах, а в прямом общении с народом. Самое, может быть, убедительное свидетельство этого — врачебная практика ссылных декабристов.

Из тех, что были определены на поселение в Зауралье, надо выделить Вольфа. «Фердинанд Богданов Вольф, 53 года. По высочайшему повелению по переводу из Иркутской губернии на житье в Тобольск... От казны ничего не получает. Занимается... частным врачеванием больных. Холост».

Выпускник Медико-хирургической академии и штаб-лекарь 2-й армии Вольф применил свои познания, когда для «Русской правды» потребовалось написать главу о желательном устройстве медицинского дела в Отечестве. После восстания 23-летний Вольф занимался лечебной работой на каторге и в иркутской ссылке. Первыми сибирскими пациентами были его товарищи, а позже к ним прибавились

местные жители. А в 1836 году он получил официальное разрешение «заниматься практическим врачеванием».

Так что в Тобольск Фердинанд Богданович прибыл, уже имея репутацию хорошего врача. Была в Тобольске улица с непривлекательным названием Мокрая. На ней стоял дом Муравьевых. На «муравьевские вечера» (музыка, чтение, беседы об искусстве) собирались люди с образованием. А к флигелю во дворе дома народ попроще: ремесленники, подмастерья, крестьяне. Это — пациенты доктора Вольфа. Флигель специально для приема больных ему предоставил близкий друг Александр Муравьев.

Доктор в то время в Сибири хронически не хватало. По одному на округ в 40 000 жителей на пространстве 50 верст, отмечал в «Записках декабристов» А. Н. Розен. А потому, пишет декабрист Пушкин, «масса всех нас принимает за лекарей и скорее к нам прибегает, нежели к штатному доктору, который всегда или большей частью пьян, или даром не хочет пошевелиться».

А доктор Вольф был вполне бескорыстен. Людская молва не знала, что более поставить ему в заслугу: лекарское мастерство или бесплатное лечение. Одну из комнат во флигеле он отвел под фармацевтический кабинет. Сам готовил лекарства и обеспечивал ими больных. Тоже — бесплатно.

Еще в Чите Вольф начал собирать медицинскую библиотечку. В ссылке постоянно ее пополнял. Библиотека пригодилась, когда он начал преподавать курс гигиены в Тобольской семинарии. Помогала и в научных изысканиях. В отделе рукописей Государственной библиотеки им. Ленина хранится статья врача-декабриста — о заболеваниях почек и их лечении. Она снабжена достаточно полной «таблицей отличительных признаков» болезней.

Вольф стал известен в Зауралье. К государственному преступнику обращались за помощью и представители губернской власти. Весной 1852 года его посетил директор училища Чигиринцев и любезно попросил поехать с ним в Омск. На все расспросы отвечал только: «Необходимо крайне». Вольф догадался: предстоит визит к особе весьма влиятельной. Так и оказалось: серьезно занемогла жена генерал-губернатора Гасфорда. Усилия местных лекарей оказались безрезультатными, и Гасфорд, наслышанный о Вольфе, решился без необходимого в таких случаях согласования пригласить тобольского врача.

Лечение было успешным, и благодарность супругов правителя края не имела границ. Но их установил сам Вольф. Из всех благодарностей, на которые был способен растроганный Гасфорд, он согласился принять одну: попросил должность врача Тобольского тюремного острога, причем «без содержания»...

На втором году работы в остроге Вольф заболел. Болезнь сорвала планы расширения врачебной помощи тоболякам. Дело в том, что А. Муравьев за несколько часов до кончины продиктовал декабристу Свистунову завещание: «...Флигель, выходящий на улицу Мокрая с местом, на котором он стоит, палисадником и часть двора с воротами на Мокрую улицу признаю неотъемлемой собственностью товарища моего, исправляющего должность штатного лекаря при Тобольском остроге, Фердинанда Богдановича Вольфа».

Семья Муравьева, осиротев, уехала из Тобольска. Вольф мог бы занять теперь не один только флигель, но надежды таяли вместе со здоровьем. В конце 1854 года Вольфа похоронили рядом с могилой Муравьева.

В последний путь его провожал чуть ли не весь Тобольск. «Длинный кортеж тянулся до самой могилы, — описывал похороны товарища декабристу Штейнгель в письме Пушкину. — Между простыми слышны были рассказы о его бескорыстной помощи страждущим».

Кроме Вольфа, на медицинском поприще проявил себя Бобрищев-Пушкин (младший). В зауральской ссылке находились оба брата-декабриста, «Николай, 51 год, и Павел, 50 лет, Бобрищевы-Пушкины, из подпоручиков. По

высочайшей конфирмации за участие в мятеже против России. Состоят под надзором полиции с 15 января 1840 г. Ничем не занимаются. От казны получают пособие... по 114 руб. 28 1/2 коп. серебром. Холостые», — сообщает архивный документ.

Братьям более всего ставили в вину «зарытие бумаг Пестеля». В следственной комиссии старшего, Николая, допрашивали с таким пристрастием, что с ним случился душевный недуг. Это и побудило Павла Сергеевича заняться медициной.

Прежде чем испытать себя в качестве врача, он скрупулезно изучил литературу по избранному им способу лечения — гомеопатическому Снадобью, считал он, уничтожает ту болезнь, которую само производит. От теории перешел к практике, и вскоре получил известность. Потребовалось помещение, где можно вести прием. На помощь пришел давний друг Свистунов. В Кургане у Свистунова была невеста — воспитанница чиновника А. Дуранова. Свадьба долгое время откладывалась, но в конце января 1842 года сын камергера и дочь квартального надзирателя поженились. В Тобольске молодые сняли большой дом. В его боковом крыле и разместился Павел Сергеевич со своей медицинской частью. Больные шли беспрестанно, и лечение тоже было бесплатным.

В городе обратили внимание на низкорослую лошадку. Это энергичный Бобрищев-Пушкин завел выезд, чтобы скорее послезавтра к больным. Лошадку, прозванную Конек-Горбунок, запрягал сам, укладывал выписанную из Москвы походную аптечку, запасался нужной одеждой на случай непогоды — и отправлялся в дорогу. «Всюду, куда он только ни приезжал, везде его встречали с радостью, всем и каждому он давал утешение добрым словом, сердечным участием, хорошим советом», — вспоминала М. Францева.

В 1848 году Тобольскую губернию постигло бедствие — эпидемия холеры. Главная ее тяжесть легла на плечи Вольфа и П. Бобрищева-Пушкина, помогли семье Фонвизина и Свистунова; Муравьев основал фонд помощи пострадавшим, передав городу 430 руб. серебром. Известно, что декабристы спасли от болезни около семисот человек.

После холеры Павел Сергеевич вдруг исчез из поля зрения друзей. А потом явился в гости к Фонвизину и положил перед ним стопку исписанных листов. Это оказалось «Краткое изложение гомеопатического способа лечения, испытанного во время холеры в г. Тобольске».

Отдав всего себя медицине, Бобрищев-Пушкин 2-й (как писалось в бумагах того времени) все же не смог существенно облегчить участь брата. Душевное состояние его, несмотря на заботу, так и не улучшилось. Незадолго до амнистии братьям было разрешено уехать в имение сестры. Николай Сергеевич жил там до своей кончины в возрасте 71 года. Павел Сергеевич умер раньше — в 1865 году в Москве, в доме Н. Д. Пушкиной.

Два доктора, Ф. Б. Вольф и П. С. Бобрищев-Пушкин, помогли наладить медицинскую помощь в губернском Тобольске. Положение же курганцев было гораздо хуже. По скупой губернской раскладке здесь полагался один штатный лекарь. Помощь декабристов была очень кстати. Еще с Петровского завода, с каторги, многие из них обзавелись общедоступными пособиями по фармацее и травникам. Приноровившись к особенностям южноуральской флоры, не менее богатой лекарственными растениями, чем забайкальская, поселенцы отправлялись в окрестности Кургана. Фохт, Нарышкин, Розен, а позже — Свистунов и Басаргин собирали короба целебных растений. Разбирали, высушивали, готовили из трав снадобья. Когда убеждались, что средство не повредит, — применяли. И небезуспешно.

Из воспоминаний декабриста Лорера: «Семейство Нарышкиных было истинным благодетелем целого края. Оба они, и муж и жена, помогали бедным, лечили и давали больным лекарства на свои деньги. Двор их по воскресеньям был обыкновенно полон народу». Воспоминания

Лорера дополняет А. Н. Розен: «Моя домашняя аптечка всегда имела запас ромашки, бузины, камфоры, уксуса, горчицы и часто доставляла пользу. В лечении такими средствами превосходила жена моя всех других: ее лекарства, предписания пищи и питья излечивали горячки и труднейшие болезни. Случалось, что слепые и глухие из дальних мест приходили справиться, просить помощи, понаслышав о славе врачевания».

Речь, конечно, не о лечении слепых и глухих, а об умении быть отзывчивым к чужой беде и не искать корысти в трудах, облегчающих страдания.

Розен-мемуарист был объективен. Отметив лекарское умение жены, он продолжал: «Всех нас прилежнее занимался по этой части И. Ф. Фохт, который исключительно читал только медицинские книги, имел лекарства сложные, сильные, лечил горожан и поселян». И в другом месте: «держался твердо своих правил и своих мнений... по это не мешало ему быть сердобольным к страждущим и больным, исключительно посвятив себя лечению других; он обзавелся аптекою, пользовал удачно...»

«Обзавелся аптекою» — это заслуживает внимания. В Кургане до того времени аптеки не было. Выходит, именно Фохт открыл первую аптеку в зауральском городке. Часть лекарственных средств для аптеки он выписывал из других городов, часть готовил сам, превосходя в этом умении своих товарищей («наш общий лейб-медик», — называл его Бригген). Однако на казенное пособие Фохт содержать аптеку не мог. На помощь курганскому фармацевту пришли Волконские. Они помогли ему материально, снабдили медицинскими инструментами и книгами.

Однако сам «лейб-медик» был тяжело болен. Болезни начались еще в Петропавловской крепости, не отпускали в Березове и здесь — в Кургане. Не помогла поездка в Омск к крупному сибирскому врачу Ю. И. Штубендорфу.

Зимой 1842 года И. Фохт скончался. Но и перед лицом близкой кончины показал себя человеком добросердечным: небогатое свое имущество завещал солдатской вдове Рыбниковой.

В сравнении с Курганом и тем более с Тобольском, Ялуторовск в конце 30-х годов прошлого века был городком захолустным. Аптеки здесь и в помине не было, а «единственный окружной врач, хотя и жил в городе, но большею частью года находился в разъездах». Но ялуторовские декабристы-поселенцы тоже находили силы хоть как-то латать прорехи на сиротском платье провинциальной медицины.

Под водительством Якушкина, знавшего толк в травах, ходили по здешним лесам декабристы Муравьев-Апостол, Пушин, Ентальцев.

Ентальцевы в сборах трав были особенно настойчивы — и сам Андрей Васильевич, и его верная жена Александра Васильевна (из тех одиннадцати, что отправились за мужьями в Сибирь). Вечерами Ентальцев выписывал из книг рецепты. Александра Васильевна под собственноручно приготовленные снадобья заняла весь запас посуды.

Как и их товарищи из Тобольска и Кургана, ялуторовцы денег ни за травы, ни за совет не брали. Более того, если отправляли пациента к настоящему доктору, давали на лечение свои деньги. Городничий, прознав об этом, обрушил свой гнев на Муравьева-Апостола: бескорыстие это было выше его понимания.

Особенно же власти донимали Ентальцева, изводили его вздорными доносами. Им все казалось, будто он не травами мирно занят, а «уготовляет восстание». В восстание никто не поверил, но у Ентальцева вскоре вконец расстроился психика.

В 1842 году Ентальцев ездил в Тобольск — для лечения. Не получив облегчения, вернулся в Ялуторовск. А через три года умер. На местном кладбище до сих пор сохранилась за железной оградкой надгробная плита со скромным памятным.

Рисунки А. Мазанилова

Тогда, без лишних слов, Тарзан направился к краю деревни. Все последовали за ним. Он подошел к высокому ветвистому дереву, которое свешивалось над частоколом, и, уцепившись за нижнюю ветку, мигом скрылся наверху в густой листве. Раздались громкие крики удивления. Человек лазил по дереву не хуже обезьяны. Около полудня звали его туземцы, предлагая спуститься, но он не откликнулся. Толпа понемногу разошлась.

Тарзан по ветвям пробрался в самую чащу и, найдя подходящее дупло, тотчас же погрузился в глубокий сон.

На следующее утро Тарзан появился в деревне так же неожиданно, как исчез накануне. Сначала все перепугались, но, узнав его, смехом и криками выражали радость. В этот же день он отправился с воинами на охоту. Его ловкость в обращении с копьем и меткая стрельба из лука внушили аборигенам беспредельное уважение. Несколько недель Тарзан жил у своих новых друзей, охотясь на буйволов, зебр и слонов. Очень скоро перенял он у дикарей их простой язык, обычаи, уклад дикой, первобытной жизни. Он узнал, что они не каннибалы и с презрением относятся к людям, которые едят себе подобных. Бусули, воин, спасенный от когтей льва, рассказал ему целый ряд легенд о своем племени. Много-много лет назад его предки пришли в местные леса издалека, с севера. Некогда они были частью великого, могущественного народа, но безжалостные охотники на людей, вооруженные огнестрельным оружием, истребили большую часть его соплеменников.

— Они охотились на нас так, как охотятся на диких зверей, — сказал Бусули. — Они были беспощадны. Им нужны были невольники и слоновая кость, и они искали то и другое в наших лесах. Они убивали нас, пленников уводили с собою. Много лет мы отбивались, но что могли сделать наши копья и стрелы против их труб, извергающих пламя и дым и убивающих наших воинов издалека? Охотники на людей вступили в наши леса, когда мой отец был еще юношей. К счастью, наш вождь заранее узнал об их приближении и, приказав следовать за ним, увел племя далеко на юг, куда не могли проникнуть жестокие пришельцы. Долгие месяцы скиталось наше племя, перенося ужасные страдания в диких джунглях и в горах, пока, наконец, не достигло этой местности.

— С тех пор охотники больше не беспокоили вас? — спросил Тарзан.

— Год назад небольшой их отряд заблудился в наших лесах, и мы уничтожили его. Спаслось только несколько человек.

Во время беседы Тарзан обратил внимание на золотой браслет, украшавший левую руку Бусули. Браслет вновь разбудил в нем цивилизованного человека, для которого золото означает силу, власть, могущество, славу и радость.

— Откуда достали вы желтый металл, Бусули? — спросил он.

Воин указал на юго-восток.

— Из той страны, куда надо идти целый месяц, а может быть, и больше.

— Ты там был? — спросил Тарзан.

— Нет, но кое-кто из нашего племени ходил туда, когда мой отец был еще совсем молод. Там живет народ, у которого много таких украшений. Наконечники их копий и стрел — желтого цвета. Их деревня окружена высоким каменным забором. Они очень сильны и свирепы. Они напали на наших, которые вовсе не хотели войны. наших было мало, но, укрепившись на холме, они отбили их и заставили вернуться в город. Тогда наши сняли желтые украшения с убитых врагов и пустились в обратный путь. Больше никто и никогда не видел каменной деревни.

— А нет ли среди вас кого-нибудь, кто участвовал в этом походе? — спросил Тарзан.

— Там был наш вождь, Вазири, — ответил воин. — Еще мальчиком, он наравне со всеми участвовал в битве.

В этот же вечер Тарзан расспросил старика Вазири о странном народе и об его каменной деревне. Он узнал, что путь туда был долгим, но не трудным. Вазири помнил дорогу очень хорошо.

— Десять дней мы шли вверх по течению реки, которая протекает мимо нашей деревни, пока, наконец, она не превратилась в маленький ручеек, спускающийся с высоких и крутых гор. На следующий день мы перешли через горы и двинулись по течению неведомой нам реки, скрывавшейся в густом, диком лесу. Много дней шли мы вдоль нее, пока не достигли широкой долины. Перейдя ее, мы снова подошли к скалам, выше и круче прежних. Преодолев их, мы вновь спустились в какую-то долину и, поднявшись на вершины третьей цепи гор, увидели внизу, в неглубокой ложине, крыши неведомой каменной деревни.

Дальше Вазири рассказал Тарзану все, что было ему уже известно из слов Бусули.

— Я хотел бы отправиться туда, — сказал Тарзан, — чтобы достать желтый металл, который мне очень нравится.

— Путь далек, — ответил Вазири, — я стар, но если ты подождешь до конца дождей, когда земля будет суха и реки спадают, я возьму своих воинов и пойду вместе с тобой.

На следующее утро в деревню примчались охотники с известием, что в ближайшей долине, на юге, они обнаружили стадо слонов.

Конец дня и вечер были использованы для приготовления к большой охоте. Чистили копья, чинили луки, точились ножи, шел бойкий обмен амулетами и целебными травами на случай несчастия. Этим особенно усердно занимался туземный знахарь, не упустивший подходящего момента.

На рассвете отряд охотников выступил в поход. Среди них, легкий и мощный, как лесной бог, шел Тарзан. Светло-коричневым цветом кожи он резко выделялся из толпы своих черных спутников. Ничем другим он от них не отличался: говорил на их языке, шутил с ними, участвовал в общем воинственном танце, который был устроен накануне выступления. Одним словом, он был настоящим дикарем среди дикарей. Этот народ и его жизнь были ему гораздо ближе, чем парижские друзья, обычаям и привычкам которых он так удачно подражал последние два года.

Он подумал о д'Арно и не мог не улыбнуться при мысли о том, как изумился бы его друг, увидев его в эту минуту. Бедный Поль, как он гордился тем, что вытравил из своего друга последние остатки дикаря!

«Вот как быстро я пал!» — подумал Тарзан. В глубине души он не считал, однако, свое преобразование падением; наоборот, он питал жалость к несчастным парижанам, запертым в клетках своих маленьких квартир, одетым в стеснительные, неудобные костюмы, лишенным простоты, естественности, прямоты.

Через два часа охотники приблизились к месту, где были замечены слоны. Дальше они двигались очень осторожно, рассыпавшись цепью, пока, наконец, не натолкнулись на свежевытопанную тропу, по которой несколько часов назад прошло стадо слонов.

Двигались гуськом черные воины примерно полчаса. Тарзан остановился первым и в знак предосторожности поднял руку. Чутье подсказало ему, что слоны находятся неподалеку.

С проворством белки он забрался на дерево. За ним гораздо медленнее последовал один из воинов. Тарзан указал ему на юг: там, неподалеку от них, паслось стадо слонов, скрытое высокими зарослями. Тотчас же все бросились туда. Воин, сидевший на дереве рядом с Тарзаном, поспешил спуститься вниз, а сам Тарзан стал пробираться по ветвям к цели.

Охота на слонов с примитивным оружием: ножами, копьями и стрелами, — не ребяческая забава. Тарзан

знал, что не всякое племя решится на это. Тем больше гордился он товарищами, своей общиной, настоящим членом которой он уже привык считать себя.

Сверху Тарзану было видно, как воины пробирались в густой траве, стараясь окружить еще ничего не подорвавших животных. Охотники наметили себе в жертву двух слонов. По сигналу пятьдесят человек, подкравшись очень близко к этим целям, поднялись и одновременно бросили в них свои пятьдесят копий. Промехов не было.

Один из слонов так и не успел двинуться с места. Два копия попали ему в сердце, и он упал на передние колени уже мертвый, без борьбы, даже без стога.

Другой не получил таких серьезных ран, и хотя все двадцать пять копий попали в него, ни одно не задело сердца. Несколько мгновений громадное животное стояло на месте, яростно трубя от боли. Слон искал глазами виновников своих мучений, но охотники уже спрятались в лесной чаще. Слон услышал только легкий шум — и сразу же ринулся в ту сторону, решив стереть своих врагов с лица земли.

Случилось так, что он прежде всего наскочил на Бусули. Тот обратился в бегство. Сверху Тарзан наблюдал за всем происходившим. Его громкие крики не мешали слепому от бешенства слону броситься вслед за воином. Тарзан понял, что только чудо может спасти Бусули.

С невероятной быстротой спустился он с дерева и подбежал к слону в тот момент, когда тот уже протягивал хобот к своей жертве. Железный наконечник копья Тарзана вонзился в грудь гиганту. Он упал, сраженный насмерть, к ногам человека-обезьяны.

Все наблюдали за этим поединком, — и теперь в восторге окружили Тарзана, а он, вскочив на труп убитого чудовища, странным звериным криком огласил лесную чащу. Дикари в ужасе отпрянули. В голосе Тарзана им послышалось что-то сверхчеловеческое, что заставило их упасть на колени и закрыть лица руками.

Но едва Тарзан улыбнулся им, они успокоились, хотя и не понимали, что произошло. До сих пор они не могли освоиться с этим странным существом, которое бегало по ветвям деревьев с легкостью и проворством обезьяны, но чувствовало себя вполне свободно и на земле, существом, которое отличалось от них только цветом кожи, но было в десять раз сильнее самого могучего их воина и было способно на единоборство со страшными чудовищами джунглей.

Все собрались, чтобы разделить туши слонов. Вдруг в самом разгаре работы издалека донеслись ружейные выстрелы. Охотники замерли. Тарзан воскликнул:

— Ружья! На деревню кто-то напал!

— Вперед! — раздался голос вождя Вазири. — Арабы охотники вернулись к нам со своими рабами-людоедами. Они пришли за нашей слоновой костью, за нашими жемчужинами и детьми!

XVI

Охотники за слоновой костью

Воины Вазири мчались через джунгли к своей деревне. Ружейная стрельба побуждала их торопиться. Залпы выстрелов, гулко разносившиеся по чаще, наконец, начали затихать и постепенно прекратились. Оставалось предположить только одно, — слабо защищенная деревня была захвачена и теперь подвергалась разграблению.

Воины Вазири не пробежали и трех миль из тех пяти, которые отделяли их от деревни, как вдруг повстречали первых беглецов, спасшихся от пуль врагов. Это были, по большей части, женщины и дети. От волнения они не могли толком рассказать о происшедшем.

— Их больше, чем листьев в лесу! — воскликнула одна

из женщин, стараясь дать понятие о силах врага. — Там много арабов, и с ними еще больше Мануема. Все они вооружены ружьями. Они подкрались к деревне, прежде чем мы заметили их, а потом открыли стрельбу и с криками бросились на нас. Они убили очень многих. Все, кто мог, разбежались, но большинство погибло. Кажется, они не берут пленных. Они мстят нам за прошлое!

Воины тронулись дальше. Теперь они двигались осторожно, посылая вперед разведчиков. Вождь Вазири знал, что уже поздно думать о спасении соплеменников. Оставалась только месть.

Вскоре показалась вторая партия беглецов. Среди них было много мужчин, тотчас же примкнувших к отряду Вазири.

Двенадцать воинов были высланы вперед. Вождь Вазири остался с главными силами отряда, которой длинной узкой цепью растянулся по лесной тропинке. Тарзан шел рядом с вождем. Один из разведчиков вернулся.

— Все они находятся за частоколом! — прошептал он.

— Хорошо! — сказал вождь. — Мы застигнем их врасплох и перебьем всех!

Он уже хотел дать приказ своим воинам приготовиться и броситься вперед по его сигналу, но Тарзан остановил его.

— Подожди, — сказал он. — Если бы там, за частоколом, оказалось только пятьдесят ружей, — то и в этом случае наше нападение было бы отбито, и никто из твоих воинов не вернулся бы назад. Позволь мне сначала добраться до них по ветвям, чтобы узнать, каковы их силы и можем ли мы справиться с ними. Было бы очень глупо потерять сейчас без пользы хотя бы одного человека. Я придумаю способ победить их не столько силой, сколько хитростью. Ты подождешь, Вазири?

— Да, — ответил старый вождь. — Иди!

Тарзан мигом взобрался на дерево и скрылся в листве. Он перебирался с ветви на ветвь с большой осторожностью, так как знал, что пуля может настичь его на деревьях с таким же успехом, как и на земле. Но он умел двигаться так бесшумно, что никто в джунглях не слышал и не видел его.

Очень скоро Тарзан добрался до большого дерева, ветви которого свешивались над частоколом. Отсюда ему была видна вся деревня. Он насчитал до пятидесяти арабов и увидел, что людей из племени Мануема было еще в пять раз больше. Тарзан понял, что нападение на эту толпу, вооруженную ружьями и скрытую за частоколом, было бы неразумно. Он вернулся к вождю Вазири и посоветовал ему поджидать осуществления его хитрого плана.

Но на беду, перед этим, от одного из бежавших, вождь узнал о гибели своей жены. Он был так разъярен, что его покинуло всякое благоразумие. Созвав воинов, он велел им напасть на деревню. Издавая дикие крики и потрясая копьями, воины под предводительством своего вождя ринулись в бой. Как только они вышли из чащи, арабы открыли частый оружейный огонь. Первые же выстрелы уложили на месте вождя и ближайших к нему воинов. В рядах нападавших началось смятение. Арабы продолжали расстреливать их. Некоторые, без всякой надежды на успех, бросились снова вперед, чтобы погибнуть под пулями, остальные предпочли отступить и скрыться в лесу. Арабы и Мануема бросились за ними в погоню. Тарзан отступал последним. Время от времени он оборачивался для того, чтобы пустить не знающего промаха стрелу в ближайшего из преследователей.

В чаще джунглей он разыскал остатки отряда Вазири, — небольшую группу воинов, чудом спасшихся от беспощадного расстрела. Он посоветовал им рассеяться по лесу и к ночи сойтись там, где они охотились на слонов.

— Когда вы рассеетесь по лесу, — заметил на прощание Тарзан, — следите хорошенько, не появится ли где

всина Мануема. Прячьтесь за деревьями и кустами. Так вы можете уничтожить многих из них.

Тарзан снова взобрался на дерево и, прячась в зеленой листве, пробрался к деревне. Все арабы и их наемники Мануема отправились в погоню за остатками отряда Вазири. Деревня была пуста.

У ворот сидел только один часовой, которому было поручено стеречь скованных пленников. Он не заметил, как в другом конце деревни Тарзан спрыгнул с ветвей высокого дерева на землю. Держа лук наготове, человек-обезьяна приблизился к не ожидавшей нападения жертве. Пленники узнали его. С волнением следили они за каждым его шагом, ожидая избавления. Тарзан остановился в десяти шагах от часового, натянул лук и, прицелившись, спустил стрелу. Стрела прошла насквозь между лопатками часового. Без крика, без стопа он упал на землю бездыханным.

Тарзан завладел его ружьем и попытался освободить женщин и детей от цепи, которой они были прикованы друг к другу. Но это ему не удалось. Тогда он приказал всем следовать за собою. Выйдя из ворот, он углубился в лес, стараясь, по возможности, избежать встречи с врагом.

Путь был долг и труден. Цепь была тяжела, и женщины с трудом передвигали ноги. Многие падали и задерживали остальных. Изредка в лесу раздавались одинокие выстрелы. Видимо, арабы еще продолжали свое преследование. Но Тарзан был спокоен: черные воины не попадут под пули врагов. С наступлением сумерек стрельба прекратилась. Тарзан понял, что все арабы вернулись в деревню. Он не мог не улыбнуться при мысли о том, в какую ярость придут они, обнаружив бегство пленных и убитого часового.

Покидая деревню, Тарзан хотел было захватить с собой немного слоновой кости из того запаса, который был в деревне, — только для того, чтобы еще больше разозлить своих врагов. Но отказался от этого, так как задуманный им план сводился к тому, чтобы не дать возможности арабам уйти хотя бы с одним бивнем слона.

Уже после полуночи Тарзан с вереницей своих спутников достиг места охоты на слонов. Еще издали заметили они пламя громадного костра, разведенного воинами посреди поляны, отчасти для того, чтобы согреться, отчасти — чтобы оградить себя от диких зверей.

Приблизившись к костру, Тарзана громко крикнул, давая знать о приближении друзей. Встреча была радостной. Пленники тотчас же были освобождены от своей тяжелой цепи. Началось угощение мясом убитых слонов, которое затянulo далеко за полночь, пока Тарзан не приказал воинам лечь спать, чтоб отдохнуть перед трудными следующего дня.

Утром он объяснил свой план действий воинам, и они — все до одного — признали, что он нашел самый безопасный и верный способ избавиться от незваных гостей и отомстить за убийство своих собратьев.

Все женщины и дети, под охраной двадцати старых воинов и юношей, были отправлены, для безопасности, на юг. Им был дан приказ построить небольшое временное укрытие в расчете на то, что план Тарзана будет осуществляться много дней, и даже недель. Через два часа после рассвета цепь черных воинов окружила деревню. Некоторые взобрались на деревья, чтобы наблюдать, что происходило с частоколом. Вдруг воин из племени Мануема упал, пронзенный неизвестно откуда взявшейся стрелой. Не видно и не слышно было никаких признаков нападения, — ни крика, ни воя, ни топота. Смертоносная стрела прилетела из молчаливой рощи.

Деревня взволновалась. Все сбежались к телу убитого, не зная, где искать виновника его смерти. Снова что-то прожужжало в воздухе, — и один из арабов, со стрелой в груди, замертво упал на землю.

Тарзан разместил на деревьях вокруг частокола луч-

ших стрелков, дав им приказ стрелять только в случае, когда никто не смотрит в их сторону.

Три раза арабы устремлялись в направлении, откуда, как им казалось, прилетели меткие стрелы, и три раза новая стрела появлялась совсем с другой стороны, вырывая кого-нибудь из их рядов.

Поиски не увенчались успехом: стрелки оставались невидимыми.

А сверху на арабов смотрел Тарзан, похожий сейчас на торжествующего бога мести. Один из его врагов отстал от своих. Мгновенно неизвестно откуда появившаяся стрела уложила его на месте.

В рядах Мануема и арабов поднялась паника. Стоило кому-нибудь из них отойти в сторону, как его поражала неожиданная стрела. А между тем все было тихо и спокойно, как будто близости не было никого. Можно было подумать, что смертоносные стрелы посылаются самим богом мести.

Спасения от стрел не было ни за частоколом деревни, ни на поляне. Мануема умоляли своих белых господ покинуть деревню, но арабы боялись идти по темному девственному лесу с большим грузом слоновой кости.

С каждым часом становилось все труднее и опаснее выходить из деревни. Никто не был уверен, что его минует роковая стрела. Приходилось прятаться в хижинах от невидимого, страшного врага.

Тарзан с верхушки дерева, свешивавшегося над частоколом, заметил хижину, в которую вошел арабский вождь. Он выпрямился во весь рост, поднял копье, прицелился и изо всех сил бросил его. Острие тяжелого копья пробило соломенную крышу. Крик, раздавшийся вслед за этим, убедил Тарзана в том, что он попал в цель. Напомнив таким образом своим врагам, что они не избавлены от опасности под кровлями чужих хижин, Тарзан собрал своих воинов и удалился с ними в глубь леса, чтобы отдохнуть и приготовиться к дальнейшей борьбе. Всюду были расставлены часовые, но все было спокойно. За этот день никто из воинов Тарзана не получил не только раны, но даже и царапины, в то время как около двадцати врагов были уничтожены их стрелами.

Обрадованные успехом воины уже рисовали себе картины решительной ночной атаки деревни, жаркой схватки и победы.

— Вы сошли с ума! — воскликнул Тарзан. — Я указал вам единственный способ борьбы с врагом. Мы перебили сегодня множество врагов, не потеряв ни одного воина. А между тем вчера, при вашей попытке броситься на арабов, вы потеряли десятки людей, не уничтожив ни одного захватчика. Вы будете сражаться только так, как я вам указываю. В противном случае, я покидаю вас и возвращаюсь на свою родину...

Они испугались, когда он пригрозил им уходом, и обещали в точности исполнять его приказания.

— Хорошо, — согласился Тарзан. — Мы переночуем на поляне, где нашли стадо слонов. Мне хочется дать арабам передышку, чтобы затем задать им еще более жестокий урок.

Они отправились в обратный путь и, придя на место, развели громадные костры. Долго сидели они у огня, угощаясь и обмениваясь впечатлениями прожитого дня. Тарзан спал до полуночи. Затем он поднялся и исчез в темной чаще девственного леса. Через час он был у частокола деревни. Внутри горел большой костер, подле которого стоял часовой. Тарзан взобрался на свое любимое место и натянул лук. Но дерево качалось от ветра, что не позволяло ему точно прицелиться. Между тем от этого выстрела зависело многое.

Кроме лука и стрел, Тарзан захватил с собою веревку, нож и ружье, отнятое накануне у часового. Почти все он спрятал в дупле дерева, а сам, вооруженный одним ножом, спустился в деревню.

Как кошка Тарзан подкрался к жертве и пригото-

вился к решительному прыжку, по обычаю всех хищников джунглей. Но часовой, уловив шум, стремительно обернулся и встретился с ним лицом к лицу.

XVII

Белый вождь племени Вазири

Увидав перед собою выросшую как из-под земли страшную фигуру Тарзана с ножом в руке, черный часовой задрожал от ужаса. Забыв о своем ружье, он не догадался даже закричать, чтобы поднять тревогу. Его единственной мыслью было скрыться от этого чудовища, от исполина, полуосвещенного дрожащими отблесками костра.

Но прежде чем он успел пошевелиться, Тарзан бросился на него. Звать на помощь было уже поздно. Часовой напрасно барахтался и отбивался, — стальные руки сжали его горло. У него захватило дыхание, глаза готовы были выскочить из орбит, он вздрогнул в последний раз — и замер.

Тарзан положил тело на плечо, прихватил ружье и снова направился к своему наблюдательному пункту. Он спрятал мертвого часового в густой листве, а затем прицелился в ту хижину, где, по его расчетам, должен был находиться предводитель арабов, и нажал собачку. Раздался гулкий выстрел, — и из хижины донесся громкий стон. Тарзан улыбнулся.

Встревоженные выстрелом из хижины выбежали арабы и Мануема.

Когда они заметили исчезновение часового, поднялась паника. Началась беспорядочная стрельба по воротам деревни, хотя там никого не было. Тарзан воспользовался суматохой и выстрелил в самую гущу толпы.

Из-за шума никто не услышал выстрела. Один из арабов закачался и, сраженный неизвестно откуда взявшейся пулей, упал. Мануема бросились рассыпную. Арабам с трудом удалось успокоить их, но ненадолго. Тарзан, спрятавшись в густой листве, внезапно издал страшный крик, от которого холод прошел по коже захватчиков. В ужасе они оглянулись и увидели вылетевшее из чащи леса, как бы брошенное чьей-то могучей рукой, тело их часового.

Вновь началась паника. Всем казалось, что какое-то ужасное чудовище спрыгнуло с дерева с намерением вырвать новую жертву из их рядов. Одни спрятались в хижинах, другие, перескочив через часток, устремились в джунгли.

Некоторое время стояла настороженная тишина, но Тарзан знал, что рано или поздно беглецы возвратятся в деревню, — и тогда его проделка будет, наверно, открыта. Поэтому он с ветви на ветвь, кружным путем, отправился к месту стоянки.

В это время один из арабов, крадучись, пробрался к деревню. Он увидал, что страшное существо, выскочившее из лесной листвы, лежит неподвижно среди улицы. Приблизившись, он узнал в нем своего часового.

На зов араба прибежали остальные и после нескольких секунд короткого, возбужденного совещания, как и предполагал Тарзан, — открыли ожесточенный огонь по деревьям, с которых упало тело убитого часового. Если бы Тарзан остался там, он был бы неминуемо расстрелян десятками пуль. Когда арабы и Мануема увидали, что единственные знаки насилия на теле их товарища — отпечатки пальцев на его горле, их снова охватил страх и отчаяние. Каждый почувствовал угрозу страшной, неожиданной смерти. Какой же смелостью и силой должен обладать враг, решившийся проникнуть в самую середину деревни и голыми руками задушить вооруженного человека! Суеверные Мануема приписывали это убийство злему лесному духу. Арабы тоже не находили дру-

гого объяснения. Мануема решили покинуть проклятое место, отступить перед натиском невидимых, таинственных врагов. Арабы не могли с ними ничего поделать.

Когда утром Тарзан, во главе отряда черных воинов, подкрался к деревне, он увидал, что все были заняты сборами в путь. Мануема укладывали в связки слоנוую кость. Тарзан только усмехнулся, ибо знал, что этот груз им не придется далеко нести на своих плечах.

Вдруг он увидел нечто, что серьезно обеспокоило его. Несколько человек хлопотали над факелами, стараясь раздуть их пламя. Было ясно, что они, уходя, собирались поджечь деревню.

Мигом Тарзан взобрался на дерево у частокола и, приставив ладони рук ко рту, громко прокричал по-арабски:

— Не поджигайте деревни — или мы перебьем вас всех! Не поджигайте деревни — или мы перебьем вас всех!

Он повторил это раз двенадцать. Мануема остановились. Кое-кто из них в страхе опустил факел к земле; огонь погас. Араб, наблюдавший за чернокожими, бросился к ним, угрожая палкой. Видно было, что он принуждает их снова раздуть огонь и поджечь соломенные крыши хижин. Тарзан поднял ружье, прицелился и выстрелил. Араб рухнул как подкошенный, а Мануема, в ужасе побросав свои факелы, разбежались. Арабы открыли по ним стрельбу.

Но как ни были ожесточены попавшие в ловушку охотники на людей, — они благодарзавно решили оставить мысль о поджоге деревни, надеясь вскоре вернуться сюда, но уже с такими силами, которые были бы способны стереть с лица земли дерзкое племя Вазири и уничтожить все живое на много миль вокруг.

Напрасно старались они найти того, кто своим криком расстроил их план поджога и обратил в бегство малодушных Мануема. Даже самый зоркий глаз не смог бы заметить Тарзана в густой листве его лесного убежища. Не успело замереть эхо выстрелов, как с ветви на ветку перебежал он уже на другое место, и, решив лишний раз потешиться над своими врагами, крикнул, снова приложив ладони ко рту:

— Бросьте слоноую кость! Бросьте слоноую кость! Она не нужна обреченным на смерть!

Мануема, нагруженные драгоценной ношей, поспешили опустить ее на землю. Это взорвало жадных арабов. Под угрозой расстрела они принудили своих рабов снова взвалить на плечи груз. Они смогли отказаться от поджога деревни, но потерять слоноую кость — это было для них хуже смерти. Грабители направились к северу, в свои края, к реке Конго, в самую отдаленную часть Великих Лесов. Прячась в густых джунглях, за ними следовали воины Вазири, не теряя их из виду ни на минуту.

В пути меткие стрелы время от времени продолжали поражать то одного, то другого чернокожего или араба. Вазири с двух сторон поочередно бросали копьа или спускали стрелу, неизменно находившую свою жертву. Они стреляли только тогда, когда были уверены в точности прицела и в невозможности быть открытыми. И каждый раз смерть наступала кого-нибудь.

В рядах отступавших снова началась паника. С большим трудом арабы удерживали своих черных рабов в повиновении. Так прошел день — день, страшный для охотников, покинувших деревню, день утомительной, но благодарной работы для воинов Вазири. На ночь арабы построили временное укрепление на берегу реки и расположились на отдых. Время от времени раздавались одиночные ружейные выстрелы, и каждая выпущенная пуля находила себе жертву среди тех двенадцати часовых, которые стояли на страже у разведенных костров.

Положение становилось безвыходным. Мануема понимал, что рано или поздно все они будут перебиты невидимым врагом. И все же на рассвете арабам удалось

заставить их снова двинуться в путь с тяжелой драгоценной ношей.

Три дня продолжался ужасный переход. Каждый час приносил с собою новую смерть: от стрелы или копья, посылаемых незведомой рукой. Ночи превратились в сплошную пытку. Быть часовым — значило осудить себя на неизбежную смерть.

На четвертый день арабам уже самим пришлось застрелить двух рабов, чтобы заставить остальных продолжать путь. Вдруг из лесной чащи раздался голос:

— Сегодня вы все умрете, о Мануема, если не бросите слоновую кость. Обратитесь против ваших жестоких хозяев и убейте их. У вас есть ружья, почему же вы ими не пользуетесь? Убейте арабов — и мы не тронем вас. Мы приведем вас обратно в нашу деревню, накормим и напоим вас. Бросьте слоновую кость и восстаньте против ваших хозяев! Мы поможем вам. Иначе вы погибли!

Когда голос затих, Мануема застыли как каменные изваяния. Арабы смотрели на них. Те переглядывались между собой, не решаясь начать нападение.

Арабы сомкнулись, готовые отразить первый удар. Их предводитель приказал Мануема продолжать путь. С угрожающим видом он поднял ружье, прицелившись в угрюмо стоявших негров, но вдруг из их рядов раздался выстрел. Это послужило сигналом к восстанию. Закипел ожесточенный бой. Арабы отчаянно отстреливались, но град пуль, сыпавшихся со всех сторон, и копья, летевшие на них из чащи леса, вскоре решили исход сражения. Через десять минут после начала схватки ни одного араба не осталось в живых. Когда стрельба прекратилась, Тарзан воскликнул:

— Берите слоновую кость и возвращайтесь в нашу деревню. Мы не причиним вам никакого вреда!

Некоторое время негры, видимо, колебались, затем один из них выступил, наконец, вперед и крикнул:

— Откуда мы знаем, что, вернувшись в вашу деревню, мы не будем перебиты все до одного?

— Мы обещаем не трогать вас, если вы вернете нашу слоновую кость. Если же вы этого не сделаете, никто из вас не уйдет из этих лесов.

— Кто ты, говорящий на языке наших господ? — снова спросил тот же Мануема. — Дай нам увидеть тебя, и тогда мы ответим.

Тарзан выступил из лесной чащи и очутился в двадцати шагах от них.

— Смотрите! — воскликнул он.

Негры были поражены его гигантской фигурой, светлым цветом кожи, его первобытной красотой.

— Вы можете верить мне! — сказал он. — Если вы исполните наше приказание, мы не тронем вас. Выбирайте: или вы вернете нашу слоновую кость, или пойдете дальше, под угрозой наших стрел и копий, которые рано или поздно уничтожат вас всех.

Воспоминание о прошедших ужасных днях заставило Мануема взвалить на плечи груз и тронуться в обратный путь.

На третий день они достигли цели. Их встретили уже успевшие вернуться в деревню женщины, дети и старики. Потребовалась вся сила убеждений Тарзана, чтобы помешать озлобленным остаткам племени Вазири разорвать в клочья своих врагов. Он объяснил всем, что дал слово отпустить Мануема, если они вернут похищенную слоновую кость.

Вазири поняли, что им надлежит подчиниться решению того, кто был виновником их торжества над врагами.

В эту ночь был устроен большой пир по случаю победы. Предстояло выбрать нового вождя.

После гибели Вазири Тарзан вступил во временное командование его войнами. Кроме него, никто не мог бы справиться с задачей, выпавшей на их долю в последние дни. Вот почему общее мнение склонялось к тому, чтобы избрать Тарзана вождем племени.

Старейшие воины уселись вокруг костра, чтобы об-

судить достоинства тех, кто мог быть назван кандидатом в вожди.

Бусули первый взял слово:

— С тех пор как погиб Вазири, не оставил себе наследника, среди нас нашелся только один, кого мы можем признать вождем. Он принес нам победу над сильнейшим, вооруженным огненными стрелами, врагом. Только он, только этот белый человек, может быть нашим вождем.

Потрясая копьем над головою, полупригнувшись, Бусули начал медленно танцевать вокруг Тарзана, выкрикивая время от времени:

— Вазири, вождь Вазири! Вазири, победитель арабов! Вазири — вождь Вазири!

Один за другим остальные воины присоединились к нему, выражая этим свое согласие подчиниться новому вождю. Поднялся неимоверный шум, затрещали барабаны, раздалось прихлопывание в ладоши и мерное, торжественное пение. В середине круга танцующих сидел Тарзан, человек-обезьяна, теперь — Вазири — вождь черного племени, принявший его родовое имя.

Все быстрее и быстрее становилась дикая пляска, все громче и громче били барабаны, стучали трещотки. Воины бросали вверх свои копья и ловили их на лету... Громадные костры освещали фантастическую картину странной пляски размалеванных, украшенных шкурами дикарей. Тарзан принял участие в их пляске. Он прыгал и бесновался не хуже своих новых подданных, громко крича и в экстазе подбрасывая свое копье вверх.

Он совсем забыл о цивилизации. Он стал прежним первобытным человеком, вождем древнего племени. Если бы Ольга де Куд увидала его теперь, — узнала ли бы она в нем скромного молодого человека, очаровавшего ее всего лишь несколько месяцев назад? А Джен Портер? Любила ли бы она по-прежнему Тарзана, — полунаного, вихрем кружившегося среди своих исступленных воинов? Поверил бы д'Арно, что это — тот самый Тарзан, которого он ввел в лучшие салоны Парижа, сделал посетителем лучших клубов, театров, лучших домов в столице мира?

Так Тарзан стал вождем черного племени. Английский лорд — по происхождению и первобытный дикарь — по облику, он мог теперь только испугать своих друзей из цивилизованного мира.

XVIII

Потеря смерти

Джен Портер проснулась раньше всех. Ее спутники еще крепко спали, прикорнув на банках и на дне спасательной шлюпки. Тревога охватила девушку, когда, оглядевшись, она не увидала остальных лодок. С жутким сознанием одиночества и беспомощности всматриваясь в бесконечную равнину океана, теряя всякую надежду на спасение. Гибель, верная гибель грозила ей и ее спутникам, — откуда могли они ждать помощи?

Наконец проснулся и Клейтон. В первые минуты он ничего не соображал: не помнил событий, минувшей ночи, не понимал, где находится. Но вот его растерянный взгляд упал на девушку.

— Джен! — воскликнул он. — Какое счастье, что мы вместе!

— Посмотрите, — ответила девушка, указывая безнадлежащим жестом на расстилавшуюся перед ними водную гладь. — Все лодки исчезли, мы остались одни.

Клейтон посмотрел вокруг.

— Где же они? — воскликнул он. — Они не могли утонуть. Море было спокойное, и я видел их после гибели яхты.

Он разбудил остальных и объяснил им, что случилось.

— Ну что же! — спокойно ответил один из моряков. — Шлюпки рассеялись за ночь. Это, пожалуй, к лучшему. В случае бури мы все равно не могли бы помочь друг другу, а провизии в каждой лодке достаточно. Зато теперь больше надежды на то, что по крайней мере одна из шлюпок будет замечена, и тогда немедленно примутся за поиски остальных. Если бы мы держались вместе, у нас был бы один шанс на спасение, а теперь — целых четыре.

Все признали справедливость этих соображений и воспрянули духом, но, увы, ненадолго. Едва путники решили взяться за весла, чтобы плыть к востоку, по направлению к материку, как обнаружилось их исчезновение. Гребцы заснули за работой и уронили весла в воду.

Виновников осыпали градом упреков, дело едва не дошло до драки, но Клейтон кое-как успокоил расщепивших матросов. Спустя несколько минут вспыхнула новая ссора из-за ядовитого замечания Тюрана по поводу глупости всех англичан, а в особенности — моряков.

— Стойте, стойте, братцы, — сказал один из матросов, не принимавший участия в ссоре. — Из того, что мы разобьем друг у друга горшки на плечах, проку не будет. Давайте лучше закусим.

— Это, пожалуй, верно, — согласился Тюран и, обращаясь к одному из моряков, Вильсону, добавил. — Ну-ка, любезный, достаньте с кормы жестянку.

— Доставайте ее сами, — угрюмо ответил Вильсон. — Я не обязан исполнять приказы всякого иностранца. Вас еще никто не назначал здесь капитаном!

В конце концов пойти за жестянкой пришлось Клейтону, но и это вызвало нарекания. Вильсон начал обвинять Клейтона и Тюрана в том, что они взяли на себя хранение и выдачу припасов, чтобы пользоваться львиной долей.

— Надо поручить кому-нибудь управление нашей командой, — сказала Джен Портер, с чувством брезгливости наблюдавшая сцены, которые начались с первого дня совместного пребывания этих людей в ограниченном пространстве и могли продолжаться до бесконечности.

— Разве мало нам того, что мы беспомощно носимся по океану на этом жалком суденышке! Зачем же еще отравлять наше существование и подвергать жизнь опасности бессмысленными ссорами? Вы, мужчины, выберите из своей среды начальника, которому все остальные должны беспрекословно повиноваться. В такой обстановке дисциплина нужнее, чем в обычное время на корабле.

Слова деушки на время успокоили матросов. Они решили разделить провизию, четыре жестянки с пищей и два бочонка воды, на две равные части. Одна осталась в полном распоряжении трех матросов, другую получили Джен, Клейтон и Тюран.

Первую банку открыли матросы. Раздались возгласы разочарования и ярости.

— В чем дело? — спросил Клейтон.

— Беда! — закричал один из матросов, Спайдер. — Каюк нам! В банке — машинное масло!

Клейтон и Тюран поспешно открыли одну из своих банок, но и там оказалось машинное масло. С криками ярости несчастные люди стали вскрывать банку за банкой. Последняя надежда исчезла, в лодке не было ни крошки пищи.

— Слава богу, у нас есть вода, — сказал Томкинс. — Без еды протянуть немного еще можно. На худой конец, будем есть собственные подметки, а вот без воды мы долго не протянем.

Проделав дырку в одном из бочонков, Вильсон наклонил его, чтобы наделить драгоценной влагой жестяную кружку, которую поднес Спайдер. Из отверстия посыпалась тоненькая струйка темно-серых крупинок. С тяжелым стоном Вильсон уронил бочонок и уставился глазами в чашку, безмолвный от ужаса.

— Порох! — произнес он упавшим голосом, обращаясь к людям на корме. — В бочонке — порох.

В других бочонках оказалось то же самое.

— Машинное масло и порох! — воскликнул Тюран. — Хорошая, нечего сказать, пища для потерпевших крушение мореплавателей.

Сознание полного отсутствия пищи и воды ускорило и обострило муки жажды и голода. В первый же день люди по-настоящему испытали все ужасы, переживаемые жертвами кораблекрушения.

В следующие дни их положение стало еще безнадежнее.

Воспаленными от напряжения глазами смотрели они на линию горизонта в продолжение дня и ночи, и только когда тяжелая усталость овладевала ими, опускались на дно шлюпок и погружались в минутную, полную тревожных видений дремоту, отрываясь на одно мгновение от ужасной действительности.

Матросы, сходя с ума от голода, пробовали жевать свои пояса, башмаки, кожаную подкладку фуражек. Напрасно Клейтон и Тюран пытались доказать им, что этим они только увеличивают свои мучения.

Обессиленные и беспомощные, лежали люди под жестоким тропическим солнцем. Губы у них растрескались, языки распухли. Они ждали смерти, которая с каждым днем становилась для них все желанней.

Джен, Клейтон и Тюран, которые ничего не ели все эти дни, почти перестали ощущать голод. А несчастные матросы испытывали в это время невыносимые муки. Ослабевшие от голода желудки не могли переварить кусков кожи, которыми их набивали матросы. Ровно через неделю после гибели «Алисы» один из матросов умер в страшных мучениях.

В продолжение нескольких часов его сведенное судорогой лицо с оскаленными зубами смотрело, как бы улыбаясь, на людей, сидевших на корме. Наконец, Джен Портер стало уже невозможно переносить это зрелище.

— Разве вы не можете столкнуть тело за борт, Уильям? — спросила она.

Клейтон встал и, шатаясь, пошел к труп. Оставшиеся в живых матросы следили за его движениями со странным, зловещим блеском ввалившихся глаз.

Англичанин попытался было поднять тело на уровень борта, но усилия его были напрасны. Он оказался слишком слаб для этого.

— Помогите мне, пожалуйста, Вильсон, — сказал он матросу, лежавшему рядом.

— Зачем вы хотите выбросить его? — спросил тот ворчливо.

— Мы должны это сделать, пока не совсем ослабли: он будет ужасен завтра, если пролежит целый день под знойным солнцем.

— Оставьте лучше его на месте, — проворчал Вильсон. — Он нам может понадобиться еще сегодня!

Не сразу понял Клейтон значение его слов. Наконец, он догадался, почему Вильсон противится его намерению выбросить труп в море.

— Боже! — прошептал Клейтон в ужасе. — Не собираетесь же вы...

— Отчего же нет? — прохрипел Вальсон. — Надо же чем-нибудь питаться. А он помер, и ему все равно.

— Идите сюда, Тюран, — позвал Клейтон. — Если мы не избавимся от трупа до наступления темноты, у нас в лодке произойдет нечто более жуткое, чем смерть.

Вильсон, пошатываясь, привстал, чтобы помешать попытке Клейтона и Тюрана, но, видя, что и его товарищ Спайдер оказался на стороне Клейтона, уступил и только следил гневным взором за действиями трех человек, возившихся с мертвецом. Наконец, им удалось выбросить труп в море.

Весь день Вильсон не сводил с Клейтона глаз, в которых светилось безумие. К вечеру, когда солнце погрузилось в море, он начал что-то бормотать про себя, не переставая смотреть на Клейтона.

Стало совсем темно, но Клейтон все еще чувствовал

на себе этот ужасный взгляд. Он не решался заснуть, а между тем был так утомлен, что ему стоило больших усилий преодолевать дремоту.

После короткого промежутка бодрствования, который показался вечностью, голова его, помимо воли, опустилась на плечо, и он заснул. Долго ли длилось бессознательное состояние, он не знал; разбудил его подозрительный шорох. Клейтон в испуге открыл глаза и при свете подымавшейся над морем луны увидел Вильсона, который пробирался к нему. Рот у моряка был открыт, распухший язык высунут.

Проснулась и Джен Портер. Заметив зловещую фигуру Вильсона, она громко и пронзительно закричала, и в ту же минуту матрос бросился на Клейтона. Оскалив зубы, как хищный зверь, он искал горло своей жертвы, но Клейтон, несмотря на крайнюю слабость, нашел в себе достаточно силы, чтобы удержать эту оскаленную пасть на расстоянии.

Крик Джен Портер разбудил Тюрана и Спайдера. Увидев в чем дело, они подползли к Вильсону и, с помощью Клейтона, с трудом одолели безумца и бросили его на дно лодки. Минуту он лежал, что-то болтая и смеясь, но вдруг издал дикий вопль, вскочил на борт и прыгнул в воду.

После нескольких минут напряжения все почувствовали страшную слабость и опустились на дно шлюпки, охваченные нервной дрожью. Спайдер впал в истерику и начал плакать навзрыд. Джен Портер молилась. Клейтон бормотал про себя проклятия. Тюран сидел, опустив голову на руки, и напряженно думал. О чем он думал — выяснилось уже утром.

— Господа! — сказал он Клейтону и Спайдеру, — вы сами понимаете, какая судьба ожидает нас, если никто не придет на помощь в течение дня или двух. Надежды на спасение мало. За все это время мы не заметили на горизонте ни паруса, ни струйки дыма. Мы еще могли бы надеяться, будь у нас запасы пищи, но их нет. Остается выбор: либо всем ждать смерти в ближайшие дни, либо пожертвовать одним из нас для спасения остальных. Понимаете ли вы, что я хочу сказать?

Джен Портер, которая слышала этот разговор, была потрясена. Если бы такое предложение сделал несчастный, невежественный матрос, оно бы ее не поразило. Но ей не верилось, что такая мысль может прийти в голову воспитанному, культурному человеку.

— В таком случае, давайте умрем все вместе, — сказал Клейтон.

— Пусть будет так, как решит большинство, — ответил Тюран. — Мы должны выбрать одного из мужчин: мисс Портер — не в счет.

— Как же решить, кому умереть первым? — спросил Спайдер.

— Можно бросить жребий, — ответил Тюран. — У меня в кармане есть несколько франков. Давайте заметим год на одном из них. Тот, кто вытянет эту монету, должен умереть первым.

— Я не могу участвовать в этой дьявольской затее, — пробормотал Клейтон. — Ведь мы еще можем добраться до суши или встретиться с каким-нибудь судном.

— Вы должны подчиниться большинству или быть первым, — ответил Тюран, и в голосе его послышалась угроза. — Давайте проголосуем. Я — за, как вы, Спайдер?

— Я — тоже, — ответил моряк.

— Значит, это — воля большинства, — заявил Тюран. — А теперь, не теряя времени, бросим жребий. Для того, чтобы спасти других, одному из нас придется умереть всего на несколько часов раньше, чем это случилось бы, если бы мы не приняли нашего решения.

Джен Портер с ужасом следила за приготовлениями к «лотерее смерти». Тюран разостлал свой пиджак и, вынув из кармана горсть монет, отделил шесть франков. Он передал их Клейтону.

— Осмотрите их внимательно, — сказал Тюран.

— Самая старая из монет — 1875 года, и только одна помечена этой датой.

Клейтон и матрос внимательно осмотрели каждую монету. Они убедились, что монеты отличаются одна от другой только датой. Осмотр их вполне удовлетворил.

Если бы они знали, что Тюран, старый картежный шулер, настолько развил свое чувство осязания, что на ощупь определял карты, они вряд ли поверили бы в честоту его намерений. Монета 1875 года была на волосок тоньше других, но ни Клейтон, ни Спайдер не могли этого заметить без помощи микрометра.

— В каком порядке будем мы тянуть жребий? — спросил Тюран, зная, что большинство людей предпочитают быть последними в лотерее, в которой жребий влечет за собой какие-либо неприятности. В таких случаях всегда есть надежда, что кто-нибудь вытянет роковой жребий прежде, чем до них дойдет очередь.

Что же касается самого Тюрана, то он, по вполне понятным соображениям, предпочитал тянуть жребий первым.

Поэтому, когда Спайдер выразил желание быть последним, он великодушно предложил себя в качестве первого. Его рука находилась под пиджаком всего одно мгновение, однако ловкие, проворные пальцы успели ощупать все монеты, чтобы найти ту из них, которая грозила смертью, и, отодвинув ее, взять другую. Когда он извлек из-под пиджака свою руку, в ней была монета 1888 года.

Следующим должен был тянуть жребий Клейтон, Джен Портер вся устремилась вперед и застыла в напряженном и мучительном ожидании, пока рука ее жениха находилась под пиджаком. Наконец, он вытянул жребий. На ладони лежала франковская монета. В первую минуту Клейтон не решался взглянуть на нее, но Тюран, рассматривая дату, объявил, что он может быть спокоен.

Джен Портер, дрожа всем телом, припала к борту лодки. Она была очень слаба и чувствовала головокружение. Но мучительное испытание еще не кончилось для нее. Если и матрос не вытащит монеты 1875 года, ей предстоит еще раз пережить ту же пытку.

Матрос уже протянул руку к монетам. Крупные капли пота выступили у него на лбу. Он дрожал, как в лихорадке, и бранил себя за то, что вызвался тянуть жребий последним. У него было всего три шанса на спасение из шести, в то время, как у Клейтона было четыре, а у Тюрана — пять.

Тюран был спокоен и не торопил матроса, ибо чувствовал себя вне опасности, независимо от того, какую монету вытянет матрос.

Спайдер, наконец, раскрыл ладонь и, взглянув на нее, упал без чувств на дно лодки. Клейтон и Тюран одновременно наклонились, чтобы поднять монету, которая выпала из его руки! Нет, это не была монета 1875 года! Изнеможение, в которое впал после пережитого им ужаса матрос, повлияло на него так же, как повлиял бы роковой исход.

Вновь нужно было еще раз проделать ту же процедуру. И опять Тюран вытянул благоприятный жребий. Джен Портер открыла глаза в тот момент, когда Клейтон протянул руку к пиджаку. Спайдер с жадным любопытством следил за попыткой, которая должна была решить его участь: если на этот раз счастье окажется на стороне Клейтона, у матроса не останется никакой надежды на спасение.

Но вот Сесиль Клейтон, лорд Грэйсток, вытянул из-под пиджака руку. Он посмотрел на Джен, не решаясь взглянуть на монету.

— Скорее, — прошипел Спайдер. — О, Господи! Дайте мне посмотреть.

Клейтон разжал пальцы.

Спайдер первый разобрал год и, не отдавая отчета в своих действиях, вскочил и, перепрыгнув через борт,

исчез в зеленой глубине. Это была монета 1877 года.

Пережитые волнения так измучили тех, кто остался в шлюпке, что остаток дня они провели, как в бреду. Два дня они избегали упоминания о происходящем. С каждым часом силы их таяли. Наконец, Тюран решил действовать.

— Нужно еще раз кинуть жребий, — прежде, чем мы настолько ослабеем, что у нас не хватит сил даже для того, чтобы есть, — прошептал он.

Клейтон от слабости впал в совершенное безразличие. Джен в последние дни не промолвила ни одного слова. Он знал, что она умирает. Ему пришла в голову чудовищная мысль, — путем принесения в жертву Тюрана или его самого можно восстановить ее силы. Он сразу согласился на предложение Тюрана.

Вновь была проделана уже знакомая процедура, с той только разницей, что теперь возможен был только один исход: Клейтон должен был вынуть монету 1875 года. Так и случилось.

— Когда? — спросил Тюран.

Он уже вытащил из кармана брюк складной нож и напрягал усилия, чтобы раскрыть его.

— Нужно сейчас, — прибавил он, не ожидая ответа. Его жадные глаза были устремлены на англичанина.

— Нельзя ли подождать, когда стемнеет? Мисс Портер не должна этого видеть. Она ведь моя невеста, вы знаете.

Разочарование появилось на лице Тюрана.

— Хорошо, — ответил он нерешительно. — Ночи ждать недолго. Я ждал столько дней, — могу потерпеть еще несколько часов.

— Спасибо, мой друг, — пробормотал Клейтон. — А пока я побуду с ней, — час или два перед смертью.

Джен лежала без сознания, когда Клейтон добрался до нее. Он понимал, что любимая умирает, и радовался тому, что она не увидит ужасной трагедии, которая произойдет ночью. Он взял ее руку и поднес к своим расстрескавшимся и распухшим губам. Долго ласкал он эту руку, когда-то изящную и белую, а теперь похожую на сухую птичью лапку.

Он не заметил, как наступила ночь. Голос из темноты вывел его из забытья. Это Тюран звал его на казнь.

— Иду, — ответил он без промедления.

Стоя на четвереньках, Клейтон попытался повернуться, чтобы ползти к Тюрану, но не мог. За несколько часов, проведенных рядом с Джен, он настолько ослабел, что был не в силах двигаться.

— Вам придется подойти ко мне, — сказал он тихим голосом. — Мои руки и колени не слушаются меня.

— Проклятие! — пробормотал Тюрман. — Вы хотите увильнуть от расплаты!

Клейтон вскоре услышал медленный шорох. Потом послышался вздох отчаяния.

— Я не могу ползти дальше. Вы обманули меня, грязная английская собака!

— Нет, я не обманул вас. Я тоже не в состоянии двигаться, но попытаюсь еще раз. Если нам обоим удастся проползти немного, мы можем встретиться на полдороге, и тогда вы воспользуетесь своим «выигрышем».

Снова Клейтон напряг последние силы и услышал, что Тюран тоже пытается ползти навстречу ему. Прошел час, прежде чем Клейтону удалось повернуться, но, при первом же движении вперед, он упал лицом вниз. Минуту спустя, он услышал вздох облегчения, вырвавшийся из груди Тюрана.

— Я иду, — шептал Тюран.

Клейтон еще раз попытался двинуться по направлению к Тюрану, но не мог. Он упал навзничь и остался лежать без движения, глядя на звезды и слушая энергичный шорох и хриплое дыхание Тюрана.

Не меньше часа ждал Клейтон своего палача-каннибала, который должен был появиться из мрака и прервать его мучения. Тюран был уже совсем близко, но проме-

жутки, во время которых он отдыхал от своих неимоверных усилий, становились все длительнее, казалось, что он почти не движется вперед.

Но вот Клейтон почувствовал, что Тюран подполз к нему вплотную. Раздался придушенный смех, что-то коснулось лица Клейтона, и в тот же миг он потерял сознание.

XIX

Город Золота

В ту ночь, когда человек-обезьяна Тарзан сделался вождем Вазири, женщина, которую он любил, умерла в хрупкой шлюпке, среди волн Атлантического океана. В ту ночь, когда он плясал среди собратьев-дикарей при свете костров, озарявших его статное, могучее тело — совершенный образец красоты и силы, — женщина, которая его любила, лежала, изнеможенная и вспухшая, в той длительной дремоте, которая обычно предшествует смерти от голода и жажды.

После провозглашения Тарзана вождем племени целая неделя ушла на то, чтобы выпроводить отряд кровожадных Мануема за северную границу Вазири, согласно данному Тарзаном обещанию. Прежде чем расстаться с ними, Тарзан потребовал от них клятвы, что они никогда больше не будут вторгаться в пределы Вазири. Вырвать у них эту клятву было нетрудно. Военные приемы вождя Вазири отбили у них всякую охоту посягать на границы его владений.

Вернувшись в деревню, Тарзан стал готовиться в путь — на поиски загадочного Города Золота, о котором рассказывал ему старый вождь. Он составил отряд из лучших воинов своего племени, выбрав только тех, которые горели желанием отправиться в трудный поход и разделить с вождем все опасности, ожидавшие их в незнакомой и враждебной стране.

Сказочные богатства волшебного города не выходили у Тарзана из головы с той поры, как старый вождь рассказал о странных приключениях своего отряда, который случайно набрел на развалины города. Приключения были не менее соблазнительной приманкой для Тарзана, чем золото. Но и золото привлекало его. Оно приобрело в его глазах ценность, когда он узнал, пожиз среди цивилизованных людей, какие чудеса могут творить обладатели желтого металла. Что будет он делать с такими сокровищами в глуши дикой Африки, он не задумывался.

В ослепительное тропическое утро вождь Вазири отправился во главе отряда, состоявшего из пятидесяти стройных воинов цвета черного дерева, на поиски приключений и сокровищ. Долго были они в пути: сначала шли вверх по течению одной реки, потом пересекли горы, служившие водоразделом, спустились вниз по течению другой реки, поднялись к верховьям третьей и, наконец, на исходе двадцать пятого дня расположились лагерем на склоне горы, с вершины которой они надеялись бросить первый взгляд на Город Сокровищ.

Рано утром они начали взбираться по отвесной скале, которая была для них последней и серьезной преградой на пути к цели. Около полудня Тарзан, который шел всегда впереди отряда, преодолел, наконец, последнее препятствие и остановился на небольшой площадке.

По обе стороны от него возвышались горные пики, они были на несколько тысяч футов выше той горы, на которую взобрались воины по пути к заповедной долине. Позади расстилались леса, а вдали, за лесами — невысокий горный хребет, составлявший границу их страны. Взгляд Тарзана был устремлен вперед. Там открывалась мертвая узкая долина, усеянная малорослыми деревьями и каменными глыбами. А в глубине долины виднелся боль-

шой город, сверкавший на солнце желтыми и красными крышами, башнями, минаретами и куполами. Тарзан издал не мог заметить следов разрушения. Он видел перед собой волшебный город и мысленно представлял себе его счастливых и деятельных жителей, которые должны толпиться на этих широких улицах и в огромных храмах.

Около часа отдыхал отряд на вершине, а потом Тарзан повел его к долине. Тропинок не было, но склон горы был не так отвесен, как противоположный. Очутившись в долине, они ускорили шаг и еще засветло подошли к высоким стенам древнего города.

Высота наружной стены, в своей уцелевшей части, достигала пятидесяти футов, но даже там, где верхние ряды камней обрушились, она была ниже всего на десять-двадцать футов. Несколько раз Тарзану почудилось, что он видит сквозь расселины верхних полуразрушенных частей стены мелькающие фигуры. Казалось, какие-то существа наблюдают с вышек древнего укрепления. Он даже как будто чувствовал устремленные на него невидимые взоры, но это могло быть игрой воображения.

Отряд расположился на ночлег у подножия стены. В полночь путники были разбужены долгим пронзительным криком, который раздался за стеной. Это был тонкий визг, постепенно превратившийся в зловеющий вой. На черных воинов этот звук произвел потрясающее впечатление. Скванные ужасом, они не могли пошевелиться и, только час спустя, успокоились настолько, что снова улеглись спать.

Утром они боязливо поглядывали на высившуюся перед ними твердыню, из-за которой ночью раздался этот страшный крик. Тарзану стоило больших усилий удержаться на месте своих чернокожих воинов, уже готовых бежать назад. В конце концов, повелительный тон его приказаний и заявление, что в случае их бегства он войдет в город один, возымели свое действие, и они согласились следовать за ним.

Минут пятнадцать шли они вдоль стены, пока, наконец, не отыскали доступа в город — трещину в стене шириной около двадцати дюймов. Ряд ступеней, естественно образовавшихся вследствие многовекового употребления, исчезал там, где трещина круто поворачивала в сторону.

По этому узкому проходу пробирался Тарзан. Его широкие плечи не умещались в нем, и он вынужден был двигаться боком. Следом шли его воины. На повороте крутая лестница кончилась и открылась щель, ведущая в горизонтальном направлении. Она извивалась змеей и, наконец, круто повернув, неожиданно закончилась выходом на узкий двор, за которым возвышалась другая стена такой же высоты, как и наружная.

Внутренняя стена была увенчана маленькими круглыми башенками, чередовавшимися с каменными зубцами. Кое-где камни обрушились, но в общем эта стена сохранилась гораздо лучше наружной.

И здесь они отыскали узкий проход, в конце которого им открылся широкий двор. На противоположной стороне возвышались мрачные и неприступные здания из обтесанного гранита. На полуразрушенных громадах росли деревья. Дикий виноград заглядывал в зияющие окна. Одно из зданий меньше обросло зеленью и его больше пощадило время. Это была массивная громада, увенчанная величественным куполом. По обе стороны входа выстроились ряды колонн, с капителями в форме гигантских причудливых птиц, вытесанных из камня.

Путники, каждый по-своему, восхищались волшебным видом древнего города, открывавшего им в центре дикой Африки. Вдруг некоторым почудилось, что внутри здания что-то происходит. Среди полутьмы померещились им движущиеся призрачные тени. Глаз не мог уловить никаких определенных образов; были только смутные впечатления признаков жизни в этом давно мертвом го-

роде, где, казалось, не должно сохраниться ничего живого.

Тарзан припомнил, что однажды в парижской библиотеке он читал статью о племени белой расы, затерявшемся в глубине Африки. Не были ли эти постройки памятником цивилизации, который создал исчезнувший народ среди дикой природы? И не может ли быть, что последние остатки загадочного племени продолжают существовать среди развалин величавых построек?

Тарзан вновь уловил смутный шорох внутри огромного храма.

— Идем! — сказал он своим воинам. — Мы должны узнать, что скрывается за разрушенными стенами.

Чернокожим воинам не хотелось следовать за Тарзаном, но, когда тот смело вошел в мрачный портал, двинулись за ним, отставая на несколько шагов и прижимаясь друг к другу в непреодолимом страхе. Если бы в эту минуту снова раздался крик, который они слышали ночью, они немедленно бросились бы назад к трещине, ведущей сквозь массивную стену во внешний мир.

Очутившись в здании, Тарзан инстинктивно уловил множество взглядов, устремленных на него; в ближайшем коридоре послышался шорох, и Тарзан мог поклясться, что увидел человеческую руку в амбразуре верхней части зала.

Стены вокруг были из гранита, с вырезанными причудливыми изображениями людей и животных. Кое-где в них были вмурованы доски из желтого металла. Подходя к одной из досок, Тарзан понял, что она из золота и на ней начертаны причудливые иероглифы. За этой залой открывался ряд других, а затем здание расходилось на два огромных корпуса. Все говорило о сказочном богатстве строителей величественного сооружения. В одной из комнат было семь столбов из золота, в другой пол был сделан из того же благородного металла. Пока Тарзан осматривал здание, его черные спутники в страхе жались друг к другу. Со всех сторон мелькали призрачные фигуры, но появлялись они так далеко и смутно, что нельзя было с подлинностью установить присутствие каких-либо живых существ.

Нервное напряжение, в котором находились Вазири, достигло, наконец, крайнего предела. Они стали умолять Тарзана покинуть мрачное здание, утверждая, что его затея не может кончиться добром, так как среди развалин бродят призраки людей, когда-то живших под этими сводами.

— Они следят за нами, вождь, — шептал Бусули. — Они ждут, когда мы проникнем в самую дальнюю часть храма, чтобы напасть на нас и разорвать на куски своими зубами. Духи всегда так поступают. Дядя моей матери, знающий все тайны колдовства, рассказывал мне об этом много раз.

Тарзан засмеялся.

— Идите назад, мои дети. Я вернусь к вам после того, как исследую здание сверху донизу и узнаю, есть ли здесь золото, которое можно унести. В крайнем случае, мы можем вынуть из стены доски. Столбы, кажется, будут нам не под силу. Но я уверен, что в здании есть кладовые, наполненные золотом, и мы сможем легко унести его на плечах. Ну, что же вы стоите? Бегите на свежий воздух, где вам будет легче дышать.

Большинство воинов поспешило исполнить приказание, но Бусули и некоторые другие остановились в нерешительности, колеблясь между любовью к своему вождю и суеверным страхом. Но тут из глубины полуразрушенного здания раздался ужасный пронзительный крик, подобный уже слышанному ночью. На этот раз он прозвучал так близко, что оглушенные и перепуганные Вазири опрощенью бросились из темных покоев. Тарзан не двинулся с места и с улыбкой ждал нападения неведомого врага. Но вдруг снова воцарилась тишина, изредка прерываемая еле слышным, осторожным звуком, похожим на шлепанье босых ног по каменному полу. Тарзан круто

повернулся и направился в глубину храма. Он перешел из помещения в помещение, пока не дошел до одной из комнат, в которой уцелела грубо сделанная закованная дверь.

Когда он уперся в дверь плечом, чтобы толкнуть ее, раздался снова тот же устрашающий крик, совсем близко от него. Стало ясно, что этим криком его предостерегали от кощунственного вторжения. Была ли комната особенно священна, или, быть может, в ней таились сокровища?

Как бы то ни было, очевидное нежелание невидимых стражей допустить его туда, еще сильнее разжигало любопытство Тарзана. Не обращая внимания на пронзительный крик, который раздавался все чаще и чаще, — почти без перерыва, — Тарзан продолжал нажимать плечом на дверь, и она уступила могучей силе, повиснув на ржавых петлях.

Внутри не было ни одного окна, ни одной щели, способных пропустить хоть слабый луч света. Дверь выходила в полутемный коридор и поэтому, даже открытая настежь, не могла рассеять тьму.

Нащупывая путь концом копья, Тарзан вступил в таинственный мрак. Внезапно дверь захлопнулась, и его обхватило множество рук.

Человек-обезьяна стал бороться за жизнь, пустив в ход свою могучую силу. Он чувствовал, что кулаки его наносят смертельные удары, зубы вгрызаются в живое тело, но все новые и новые руки приходили на смену тем, которые переставали с ним бороться.

Наконец, многочисленные и невидимые враги стали валить его на пол, медленно увлекая вниз свою тяжестью. Достигнув своего, они скрутили ему руки и прижали их к ступням ног.

За все время борьбы Тарзан не слышал ничего, кроме тяжелого дыхания своих противников и шума от их падения и ударов. Он не знал, с кем он борется, но был уверен, что имеет дело с людьми. Это было ясно из того, что они связали его.

Вскоре они подняли его и потащили по полу из темной комнаты во внутренний двор храма. Здесь Тарзан впервые разглядел своих врагов — около сотни коренастых, небольшого роста людей с длинными бородами, прикрывавшими волосатую грудь. Густые, заплетенные волосы на головах свисали во все стороны — на лоб, на плечи и спину. Ноги были короткие и кривые, руки — длинные и мускулистые. Вокруг бедер повязаны шкуры леопардов и львов, а на шее у многих висели ожерелья из когтей тех же зверей.

Массивные браслеты из золота украшали их руки и ноги. Оружием служили тяжелые, суковатые дубины, а на поясах, которые стягивали одежду, висели длинные, страшные ножи.

Но больше всего поразила пленника их белая кожа. В жителях города совершенно не чувствовалось примеси негритянской крови, но покатые лбы, маленькие злые глаза, сидевшие очень близко друг к другу, и желтые зубы, похожие на клыки, лишали их всякой привлекательности...

Во время борьбы они хранили полное молчание. Теперь же они обменивались гортанными, односложными звуками, совершенно незнакомыми Тарзану. Наконец, они оставили его на каменном полу, удалившись в другую часть храма.

Лежа на спине, Тарзан увидел, что двор окружен со всех сторон высокими стенами. Вверху голубел маленький клочок неба, а сквозь отверстие амбразуры виднелись зеленые листья, но Тарзан никак не мог решить, находятся ли деревья в храме или вне его.

Вокруг всего внутреннего двора, от земли до самого купола храма, несколькими ярусами шли открытые галереи. Оттуда из-под густых волос смотрели на пленника чьи-то блестящие темные глаза.

Тарзан осторожно попробовал прочность пут, но пока

не мог понять, достаточно ли они крепки, чтобы выдержать могучий напор его мускулов. Он не решался подвергнуть их последнему испытанию до тех пор, пока не наступит ночь и не прекратится наблюдение зорких глаз, которые, как он чувствовал, беспрерывно следили за ним украдкой.

Он пролежал неподвижно несколько часов. Только отвесные лучи солнца могли проникнуть во внутренний двор храма, напоминавший глубокий колодец. Когда, наконец, полуденное солнце осветило Тарзана, он услышал топот бесчисленных босых ног в коридорах, а через минуту галерея наверху наполнилась народом. Человек двадцать спустилось во внутренний двор.

Глаза всех были обращены к солнцу. И вдруг толпа и на галереях, и внизу запела какие-то странные, однообразные заклинания. Под их ритм люди, окружавшие Тарзана, стали медленно танцевать. Они кружились, волоча ноги и напоминая своими движениями медведей. При этом они не глядели на Тарзана: глаза их были по-прежнему устремлены на солнце.

Минут десять продолжалась их пляска. А потом они разом подняли дубины и с диким воем бросились к своей жертве. Лица их были искажены неистовой яростью. Но внезапно в середину кровожадной толпы устремилась какая-то женщина. Держа в руке золотой жезл, она отогнала разъяренных людей, обступивших со всех сторон беззащитного Тарзана.

XX Ла

В первую минуту Тарзану казалось, что его спасло чудо. Его изумила необыкновенная легкость, с которой девушка прервала нападение двадцати мужчин, похожих на горилл. Мужчины возобновили свой танец вокруг Тарзана, внимая монотонным и ритмическим заклинаниям его защитницы. Тарзан пришел к заключению, что он присутствует на религиозной церемонии, главный участник которой он сам.

Наконец девушка вытащила нож из-за пояса и, наклонившись к Тарзану, перерезала веревку, которая опутывала его ноги. Мужчины, прекратив танец, приблизились к Тарзану, и она знаком приказала ему встать. Набросив на его шею веревку, она повела Тарзана куда-то через внутренний двор. Мужчины, выстроившись попарно, следовали за ними.

Они пришли в большую комнату, в центре которой стоял жертвенник. Это была, очевидно, «святая святых» храма. Тут только понял Тарзан значение этой религиозной церемонии.

Он попал в руки потомков древних солнцепоклонников. Спасение его одною из жриц солнца было только частью пантомимы, составляющей религиозный обряд. Солнце над внутренним двором храма смотрело прямо на Тарзана, как бы требуя жертвы. Жрица явилась из внутренних покоев для того, чтобы оградить жертву, предназначенную божеу Солнца, от кощунственных прикосновений непосвященных.

Достаточно было взглянуть на запекшиеся коричнево-красные пятна, покрывшие каменный жертвенник и пол, и человеческие черепа, нагроможденные в многочисленных нишах, чтобы убедиться в правильности этих догадок. Жрица и Тарзан поднялись по ступеням алтаря.

Верхние галереи опять наполнились зрителями, из арки к восточной стене медленно вышла процессия женщин. Они, как и мужчины, были одеты в шкуры диких зверей, стянутые у бедер ремнями из сырой кожи или поясами, сверкавшими золотом. Их густые волосы были прикрыты золотыми уборами тонкой работы, из круглых и овальных пластинок. От головных уборов спускались во все стороны, почти до талии, золотые подвески.

Женщины были сложены лучше, чем мужчины. Черты лица у них были тоньше. По строению головы и по выражению больших, черных, мягких глаз можно было предположить, что они значительно превосходят своих повелителей-мужчин умственным развитием и человечностью.

Каждая из жриц держала в руках две золотые чаши. Женщины выстроились в ряд по одну сторону жертвенника, мужчины — по другую. Наконец мужчины приблизились к женщинам и каждый взял у жрицы по чаше. Вновь началось пение. Но вот из-за жертвенника, из темного проема, который вел в глубину дворца, показалась еще одна женская фигура.

— Верховная жрица, — подумал Тарзан.

Это была молодая женщина с благообразным и умным лицом. Ее украшения отличались еще более искусной отделкой и обилием бриллиантов, обнаженные руки и ноги были почти сплошь покрыты тяжелыми золотыми украшениями, усыпанными драгоценными камнями. Обрамляющая ее тело шкура леопарда была стянута поясом из золотых колец, украшенных узором из бесчисленных маленьких бриллиантов. На поясе висел длинный, усыпанный драгоценными камнями нож, а в руках она держала тонкий жезл.

Едва женщина приблизилась к жертвеннику, пение прекратилось. Жрецы и жрицы преклонили перед ней колени, и она, протянув вперед жезл, стала нараспев читать над ними долгую, утомительную молитву. Голос ее был нежен и певуч. Тарзану казалось невероятным, что обладательница такого голоса может превратиться, под влиянием фанатического исступления, в жестокого и кровавого палача. С ужасом представил он себе красавицу, которая, держа в руке окровавленный нож, пьет красную, теплую кровь своей жертвы из маленькой золотой чаши, стоящей на алтаре.

Кончив молитву, жрица впервые взглянула на Тарзана. С нескрываемым любопытством оглядела она его с головы до ног. Потом обратилась к нему с какими-то словами. Тарзан понял, что она ждет от него ответа.

— Я не понимаю вас, — сказал он. — Может быть, нам удалось бы поговорить на каком-нибудь другом языке.

Он попробовал говорить с ней по-французски, по-английски, по-арабски, на языке Вазири и, наконец, на том смешанном наречии, которое распространено по западному берегу Африки.

Она только отрицательно качала головой. Тарзану показалось, что в ее голосе слышалось нетерпение, когда она обратилась к жрецам, очевидно, приказывая продолжать церемонию. Жрецы вновь закружились в бесмысленной пляске. Наконец, она дала знак к ее прекращению и указала жрецам на Тарзана. Они бросились к нему, подняли на руки и положили поперек жертвенника на спину. Голова Тарзана свешивалась с одного края жертвенника, ноги — с другого. Участники церемонии выстроились двумя рядами перед жертвенником, держа наготове свои маленькие золотые чаши, чтобы получить свою долю крови жертвы после того, как нож в руке верховной жрицы сделает свое дело.

Среди них возник спор о том, кто должен стоять впереди.

Рослый, дородный жрец с лицом гориллы пытался занять место, уже занятое другим, меньшего роста. Тот обратился с жалобой к верховной жрице. Властным голосом она призвала нарушителя к порядку. Тарзан слышал, как тот ворчал, медленно направляясь к месту, указанному верховной жрицей.

Между тем жрица медленно заносила над Тарзаном тонкий и острый нож, читая нараспев заклинания. Тарзану показалось, что рука с ножом поднималась целую вечность, пока, наконец, не остановилась в воздухе, готовясь нанести смертельный удар в его незащищенную грудь. Сначала медленно, почти незаметно, а потом, по мере учащения заклинаний, все быстрее стала опускаться

рука жрицы. До Тарзана доносилось сердитое ворчание обиженного жреца. Голос его становился все громче и громче. Одна из жриц, стоявшая против него, что-то резко сказала, очевидно, упрекая его за бесчинство.

Нож, уже почти касавшийся груди Тарзана, замер. Верховная жрица подняла голову и бросила гневный взгляд на виновника несслышанного нарушения обряда.

Началось какое-то сматение. Тарзан, повернув голову в сторону споривших, увидел, как рассвирепевший жрец бросился на стоявшую перед ним женщину и ударом дубины раскроил ей череп. Дальше последовала сцена, которую Тарзан много раз наблюдал среди диких обитателей джунглей. Слепая ярость, охватившая жреца, была ему знакома. Он помнил точно такие же взрывы ярости Керчака, Тублата, Теркоза и других могучих самцов-обезьян. Безумие находило и на слона Тантора. Пожалуй, в джунглях не было ни одного самца любой породы, который не был бы подвержен таким припадкам.

Жрец впал в совершенное бешенство и, бросившись на своих собратьев, стал избивать их. С яростным ревом он кидался то на одного, то на другого, поражая их ударами своего тяжелого оружия или впиваясь в тело жертвы острыми желтыми клыками. Между тем верховная жрица стояла неподвижно на своем месте, держа над Тарзаном нож и не сводя испуганного взгляда с безумца, наносившего смертельные удары направо и налево.

Вскоре комната опустела. На полу лежали тела убитых и умирающих. Невредимы остались только Тарзан, простертый на жертвеннике, верховная жрица и безумец.

Разъяренный жрец окинул женщину взглядом, и в маленьких глазах внезапно вспыхнула новая страсть. Медленно подполз он к ней и стал что-то бормотать. На этот раз Тарзан, к своему изумлению, понял язык, на котором тот говорил. Тарзану никогда бы не пришла в голову мысль заговорить на нем с кем-либо из людей. Это были лающие гортанные звуки, которые издают человекообразные обезьяны.

Верховная жрица ответила на том же языке. Он грозил ей, она же пыталась его образумить. Приказывать она не могла, — он не признавал больше ее власти.

Безумец подполз совсем близко к жертвеннику, простирая к ней свои клещевидные руки. Тарзан напряг все силы, чтобы порвать веревки, которыми были связаны за спиной его руки. Женщина этого не видела. Она забыла о жертве под влиянием страшной опасности, которая ей угрожала. Когда гориллоподобный пронесся мимо жертвенника за убегающей женщиной, Тарзан сделал нечеловеческое усилие и высвободил руки. Он так рванулся при этом, что скатился со своего опасного ложа на каменный пол. И тут он понял, что остался один во внутренней части храма, — верховная жрица и обезумевший жрец скрылись.

Заглушенный крик донесся из темного отверстия, похожего на вход в пещеру, позади жертвенника. Ни минуты не думая о собственной безопасности и представлявшейся ему, благодаря стечению обстоятельств, возможности бегства, Тарзан ответил на призыв о помощи. Одним прыжком он очутился у темного входа в подземелье, а минуту спустя бежал вниз по древним алебастровым ступеням, которые вели в неизвестность.

Слабый свет, струившийся сверху, позволил ему разглядеть подвал с низкими сводчатыми потолками. Несколькими дверями вели из него куда-то во мрак. Но у Тарзана не было надобности продолжать поиски. Перед ним на полу лежала девушка. Ее преследователь в неистовой ярости сжимал ей горло длинными пальцами гориллы.

Едва тяжелая рука Тарзана опустилась ему на плечо, он оставил жертву и бросился на защитника. Оскалив клыки, с пеной на губах, он дрался с удесятенной силой, как дерутся обезумцы. Гнев и жажда крови вернули его в первобытное состояние дикого зверя. Он забыл о ноже, который торчал у него за поясом, а пользовался

в борьбе только оружием, данным ему природой, уподобляясь своим отдаленным предкам, не знавшим другого оружия.

Но как ни искусно пользовался он зубами и руками, противник оказался еще опытнее в первобытных приемах борьбы. Они сцепились, как две огромные обезьяны, и упали на пол, терзая и кусая друг друга. Жрица стояла, прижавшись к стене, и смотрела широко раскрытыми, остановившимися от ужаса глазами на схватку разъяренных зверей, которые барахтались у нее ног, рыча и скрежеща зубами. Наконец, она увидела, что ее защитник, схватив одной рукой противника за горло и прижав его голову к полу, наносит удар за ударом в лицо. Минуту спустя он отшвырнул затихшую жертву в сторону и, поднявшись, отряхнулся, как могучий лев. Тарзан поставил ногу на труп, лежавший перед ним, и под-

— Чего ты хочешь от меня? Для чего ты спас меня от бешеного Та?

— Разве я мог спокойно смотреть, как убивают женщину? — ответил он вопросом.

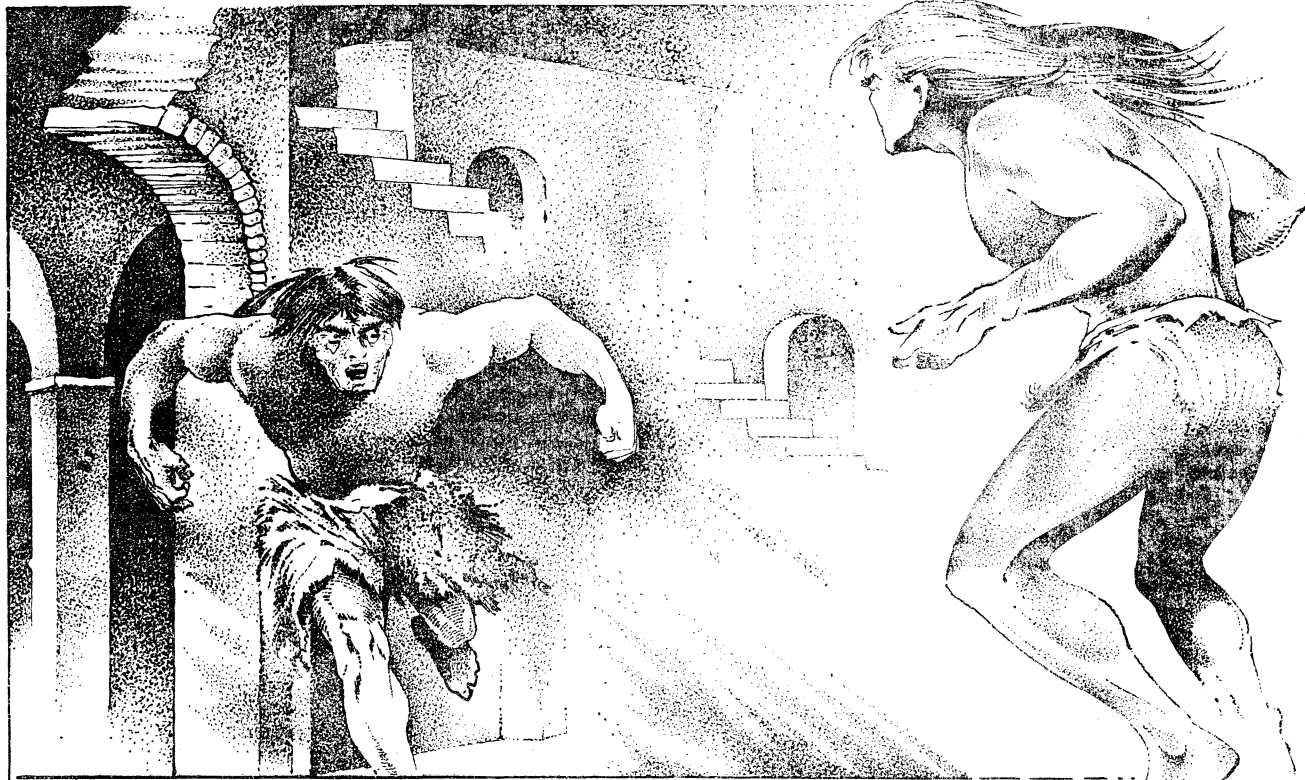
— Что же ты теперь сделаешь со мной?

— Ничего, но ты можешь сделать для меня кое-что. Ты можешь вывести меня на свободу.

Он сказал это, не думая, что она согласится, ибо был глубоко уверен, что верховная жрица немедленно возобновила бы прерванный обряд жертвоприношения, получив свободу действий. Но Тарзан, разорвавший путы и вдобавок вооруженный длинным кинжалом, уже не был безропотной и покорной жертвой.

Жрица долго смотрела ему в лицо прежде, чем ответить.

— Ты — удивительный человек, — сказала она. — Ты —

нял голову, чтобы издать победный крик своего племени, но, увидев наверху отверстие, ведущее в комнату храма, где совершались человеческие жертвоприношения, отказался от своего намерения.

Между тем женщина, выйдя из состояния оцепенения, в котором она находилась во время страшной борьбы двух мужчин, с тревогой думала об ожидавшей ее участи. Она избавилась от страшных объятий безумного жреца, но зато попала в руки человека, которого несколько минут назад собиралась лишить жизни. Она обвела взглядом подземелье в поисках спасения. Отверстие, служившее выходом, находилось рядом, но едва она сделала движение, чтобы бежать, как человек-обезьяна одним прыжком преградил путь и властно взял ее за руку.

— Подожди! — сказал Тарзан на обезьяньем языке.

Девушка посмотрела на него с изумлением.

— Кто ты? — прошептала она. — Откуда ты знаешь язык первого человека?

— Я — Тарзан из страны обезьян, — ответил он.

такой человек, какого я видела во сне в раннем детстве. Ты похож на предков моего племени, построивших этот огромный город в дикой стране для того, чтобы добывать сокровища из здешней земли. И я не могу понять, почему ты спас меня и не мстишь мне за то, что я приговорила тебя к смерти и готова была убить...

— Я думаю, — ответил Тарзан, — ты поступила так, как велит твой закон. Я не виню тебя, хотя и не одобряю вашей веры. Но скажи мне, кто ты и среди какого народа я нахожусь.

— Меня зовут Ла; я — верховная жрица солнца в городе Опар. Мы — потомки людей, которые пришли в эту дикую страну в поисках золота десять тысяч лет тому назад. Их владения простирались от великого моря, откуда восходит солнце, до другого моря, куда оно заходит по ночам, чтобы освежить свое пылающее лицо.

Они были очень богаты и могущественны, но жили здесь, в своих великолепных дворцах, только несколько месяцев в году; остальное же время проводили в своей родной стране, — где-то далеко-далеко на Севере. Много кораблей приходило сюда из старого мира и уходило обратно. В дождливое время года лишь немногие оставались здесь, наблюдая за работой черных невольников, копавших золото, да еще купцы, снабжавшие их припасами, да солдаты, охранявшие золотые прииски.

В эту пору произошло великое несчастье. Когда настало время прибытия тысяч колонистов из старого света, никто из них не вернулся. Народ ждал их несколько недель. Наконец, была послана большая лодка, чтобы узнать, отчего никто не возвращается из далекой страны. Много месяцев разведчики странствовали по морю, но никак не могли найти удивительную прародину, которая произвела на свет великий и умный народ. Страна эта погрузилась в море...

— С того времени началось одичание моего рода. Несчастный и беспомощный, он вскоре стал добычей диких черных племен с севера и юга. Город за городом были разрушены и покинуты жителями. Остатки моего племени нашли убежище в этой неприступной крепости, среди гор. Постепенно народ стал вымирать, одичал и, наконец, превратился в маленькое племя полуобезьян. Мы и в самом деле живем с обезьянами, вот уже много веков. Мы называем их первыми людьми и говорим на их наречии так же свободно, как на собственном. Только в храме стараемся мы сохранить родной язык. Со временем он забывается, и мы скоро будем говорить только на языке обезьян. Мы перестали изгонять из своей среды людей, вступающих в брак с обезьянами, и, в конце концов, сами превращаемся в породу животных, от которой произошли наши предки...

— Но отчего ты сохранила человеческий облик? — спросил Тарзан.

— Женщины нашего племени почему-то одичали меньше, чем мужчины. Может быть, потому, что во время великого бедствия в стране находились только мужчины низшей расы, между тем в наших храмах оставалось много женщин, принадлежавших к более развитой части нашего народа. Мой род сохранился, потому что все мои прабабушки с незапамятных времен были верховными жрицами в храме. Обязанности верховной жрицы переходят у нас от матери к дочери. В мужья нам выбирают лучших людей племени. Самый прекрасный и самый умный из мужчин удостоивается чести быть мужем верховной жрицы.

— Я видел ваших мужчин — там наверху, — сказал Тарзан с улыбкой, — и думаю, выбор представляет некоторые затруднения.

Девушка испытующе посмотрела на него.

— Не надо кощунствовать, — сказала она. — Они — святые люди, они — жрецы!

— Но неужели у вас нет людей красивее, чем они?

— Другие еще безобразнее жрецов.

Тарзан с сожалением подумал об ожидающей ее участи. Несмотря на то, что в подземелье почти не проникал свет, он все же поддался обаянию ее красоты.

— Ну, что ж, — спросил он, — выведешь ли ты меня на свободу?

— Ты принадлежишь огненному божеству, — ответила она торжественно. — Даже я не смогу помочь, если они найдут тебя снова. Но я не хочу твоей смерти. Ты подвергал жизнь опасности, спасая меня. Я отплачу тебе тем же. Это — нелегкая задача. Ты должен потерпеть несколько дней. Я надеюсь, что в конце концов мне удастся вывести тебя за стены города. А пока пойдем. Если нас застанут наедине, мы оба погибнем. Они убьют меня, если подумают, что я изменила обычаю.

— Ты не должна подвергать свою жизнь опасности, — поспешно ответил Тарзан. — Я возвращусь в храм и,

если мне удастся добыть свободу силой, никто не заподозрит тебя в измене.

Но жрица ни за что не соглашалась отпустить Тарзана.

— Если даже вернуться в храм — все равно не избегнуть подозрения. Слишком долго были мы в подземелье. Будет гораздо лучше, если я спрячу тебя, а сама возвращусь в храм. Я скажу, что долго лежала в беспмятстве и не видела, куда ты скрылся после того, как убил Та.

Слова девушки наконец убедили Тарзана. Она долго вела его во мраке по извивающимся коридорам, пока они не вошли в маленькую комнату. Сквозь решетку в потолок проникал слабый луч света.

— Это — покои Мертвых, — сказала она. — Никто не придет сюда искать тебя. Они не посмеют. Я вернусь к тебе ночью. И к тому времени обдумаю план бегства.

Она ушла, и Тарзан остался в покоях Мертвых, в подземельях загадочного города Опар.

XXI

Жертвы кораблекрушения

Клейтону снилось, что он пьет большими глотками воду — чистую, свежую воду. Вздрогнув, он проснулся и ощутил, что насквозь промок от потоков проливного дождя. Клейтон открыл рот и стал жадно глотать влагу. Это настолько освежило его, что он оказался в состоянии немного приподняться, уперевшись руками в борт шлюпки. Ноги были прижаты Тюраном. За ним — свернувшись жалким комочком, лежала Джен Портер. Клейтон почти не сомневался, что она уже мертва.

После долгой возни ему, наконец, удалось высвободить свои ноги из-под лежавшего на них Тюрана. Собрав силы, он пополз к девушке и приподнял ее голову, которая беспомощно лежала на одной из грубо обтесанных досок, составлявших дно лодки. Быть может, в этом жалком, изможденном теле еще теплится жизнь? Клейтон не мог отказаться от последней, слабой надежды. Он взял тряпку, набухшую от дождя, и выжал из нее несколько капель драгоценной влаги на распухшие губы несчастного и безжизненного существа, которое еще так недавно пленяло всех блеском юности и красоты.

Несмотря на все усилия Клейтона, девушка долго не проявляла никаких признаков жизни, но, наконец, старания его увенчались успехом: он заметил, что полузакрытые ее бледные тонкие руки, продолжая смачивать запекшиеся губы. Девушка открыла глаза, но не сразу пришла в себя.

— Вода? — спросила она. — Мы — на берегу?

— Идет дождь, — объяснил он. — У нас есть, по крайней мере, вода. Мы оба ожили от нескольких капель воды.

— Где мосье Тюран? — спросила она. — Он не убил вас? Что с ним? Он умер?

— Не знаю, — ответил Клейтон. — Если только он жив, вода подкрепит его силы...

Клейтон остановился, слишком поздно сообразив, что не следует тревожить девушку после всего, что она испытала.

Но она поняла, чего он не договорил.

— Где он? — спросила она.

Клейтон кивком указал в ту сторону, где лежал Тюран.

Некоторое время они молчали.

— Я постараюсь привести его в чувство, — сказал Клейтон.

— Нет, — прошептала она. — Не делайте этого. Он убьет вас, как только дождь хоть немного восстановит

его силы. Если он находится при смерти, пусть себе умирает. Не оставляйте меня одну в лодке с этим зверем.

Клейтон колебался. Долг чести требовал, чтобы он попытался оживить Тюрана, но, возможно, Тюран уже не нуждался в помощи... Надеяться на такой исход не возбранялось никакими законами чести.

Клейтон медлил, борясь с самим собой. Но вдруг, отведя взор от тела Тюрана, он взглянул поверх борта и переменялся в лице. Шатаясь, он встал на колени, и из груди его вырвался крик радости.

— Джен, земля! Мы спасены! Земля!

Девушка посмотрела в направлении, куда он указывал, и увидела на расстоянии, не превышающем ста ярдов, желтый низменный берег, а немного дальше — роскошную листву тропического леса.

— Теперь вы можете привести его в чувство, — сказала Джен Портер, которая тоже испытывала угрызения совести с тех пор, как воспротивилась желанию Клейтона оказать помощь их спутнику.

Добрые полчаса пришлось возиться с Тюраном, пока, наконец, он не начал проявлять признаки жизни. Но и после того, как он открыл глаза, понадобилось много времени и усилий, чтобы довести до его сознания радостную весть. К тому времени лодка уже слегка поскрипывала, задевая песчаное дно.

Несколько глотков дождевой воды и радостные надежды настолько подняли дух Клейтона, что он оказался в состоянии добраться вброд до берега и привязать шлюпку к небольшому дереву. Он сделал это из предосторожности, опасаясь, как бы с наступлением отлива ее не отнесло обратно в море, так как в шлюпке должна была остаться Джен Портер, которую он, при всем своем желании, был не в силах доставить на берег в ближайшие несколько часов.

Затем он отправился, то ковыляя, то ползком, в лес, где, по некоторым признакам, рассчитывал найти в изобилии тропические плоды. Не так давно, бродя по джунглям в обществе Тарзана, он научился распознавать съедобные плоды. Его прежний опыт пригодился теперь: после часового отсутствия он вернулся на берег, неся большой запас пищи.

Дождь прекратился, и тропическое солнце стало так безжалостно припекать бедную Джен, что она решила во что бы то ни стало добраться до берега. Подкрепившись пищей, принесенной Клейтоном, все трое кое-как дотащились до дерева, к которому была привязана их лодка. Там, в тени, они уснули и проспали до наступления темноты...

Около месяца прожили они на берегу более или менее благополучно. Восстановив силы, мужчины соорудили первобытную хижину на ветвях дерева, чтобы оградиться от нападения хищных зверей. Днем они собирали плоды или ставили ловушки на мелких грызунов. Ночью ежились от страха в своем шатком убежище, прислушиваясь к зловещему вою диких обитателей джунглей.

Спали они на подстилках из травы. По ночам Джен укрывалась старым пальто Клейтона. Это было то самое памятное пальто, которое он носил во время поездки в Висконсинские леса. Клейтон соорудил из ветвей нечто вроде перегородки, делившей их жилище на две «комнаты». В одной спала девушка, в другой — Клейтон с Тюраном.

С первых же дней Тюран обнаружил все подлинные черты своего характера — эгоизм, грубость, трусость и чувственность. Дважды дело дошло у него с Клейтоном до кулаков, и оба раза поводом к столкновению служило его отношение к девушке. Клейтон не решался оставить их наедине ни на минуту. Совместная жизнь с Тюраном была для Клейтона и его невесты непрерывной пыткой, но они продолжали жить рядом в надежде на то, что когда-нибудь избавятся от него.

Джен Портер часто возвращалась мыслью ко времени

своего первого пребывания на пустынном берегу Африки.

О, если бы могучий лесной бог был среди них теперь! Он защитил бы ее не только от лесных хищников, но и от зверя в человеческом образе, с которым она вынуждена жить рядом.

Девушка невольно думала о том, что сделал бы на месте ее жениха Тарзан, если бы стал свидетелем наглого и угрожающего поведения Тюрана. Не вызывало сомнения, что под его опекой она чувствовала бы себя в несравненно большей безопасности, чем под ненадежной защитой Клейтона.

Однажды, во время отсутствия Клейтона, который ушел к ручью по воду, она высказала эти мысли Тюрану.

— Ваше счастье, мосье Тюран, — сказала она, — что с нами нет сейчас бедного Тарзана, который исчез с парохода в то время, когда вы и мисс Стронг плыли в Кейптаун.

— А, вы знали эту свинью? — спросил Тюран с усмешкой.

— Я знала этого человека, единственного человека — в настоящем смысле этого слова — из всех, кого я встретила на своем веку!

По ее тону Тюран сразу предположил, что она питает к его врагу чувство более нежное, чем дружба. Он воспользовался этим для того, чтобы лишний раз отомстить человеку, которого он считал погибшим, и опорожить его образ в глазах девушки.

— Он был хуже свиньи, — сказал Тюран. — Это жалкий трус. Спасаясь от справедливого гнева человека, у которого он соблазнил жену, он пытался свалить всю вину на опозоренную женщину. Когда ему это не удалось, он покинул Францию, чтобы избежать дуэли с оскорбленным мужем. Вот почему он и очутился на пароходе, на котором я и мисс Стронг направлялись в Кейптаун. Я хорошо знаю всю эту историю, так как женщина, о которой я говорю, — моя родная сестра. Мне известно одно обстоятельство, и я никому до сих пор о нем не рассказывал. Дело в том, что господин Тарзан бросился с парохода в море из страха передо мной. Я узнал его в то самое утро и потребовал удовлетворения. Я предложил ему драться со мной на ножах в моей каюте.

Джен Портер рассмеялась.

— Неужели вы даже на минуту можете себе представить, что хотя бы один человек, знавший Тарзана и знающий вас, поверит вашему совершенно невероятному рассказу?

— Но, в таком случае, почему он путешествовал под вымышленным именем?

— Что бы вы ни говорили, я не верю вам! — воскликнула Джен Портер, но семья подозрения упало в ее душу, так как ей было известно, что мисс Стронг знала Тарзана под именем Джона Колдуэлла из Лондона.

Джен не могла и предположить, что в каких-нибудь пяти милях к северу от них, в маленькой уютной хижине лежал в это время человек, о котором они говорили, — Тарзан.

А еще дальше, в нескольких милях от его хижины, расположились незатейливые, но надежно построенные жилища, в которых обитало восемнадцать человек.

Это были пассажиры трех лодок с «Алисы», потерянных из виду Клейтоном и его спутниками.

По невозмутимой поверхности моря они добрались до берега меньше чем в три дня, не испытав никаких ужасных последствий кораблекрушения, кроме потрясения, вызванного катастрофой, и тех суровых условий, в которых протекала теперь их жизнь.

Они утешали себя надеждой, что четвертая лодка подобрана каким-нибудь судном, и потому вскоре будут приняты меры к розыску остальных пассажиров.

Все огнестрельное оружие с «Алисы» было помещено в лодку лорда Теннингтона, он и его спутники были

снабжены всем необходимым для защиты и для охоты.

Профессор Архимед Портер был единственным виновником их тревоги. Не сомневаясь в том, что его дочь спасена каким-нибудь парходом, он совершенно перестал беспокоиться о ней и посвятил все силы своего могучего интеллекта изучению важных и еще неразрешенных научных вопросов. Ничто другое не доходило до его сознания.

— Никогда еще, — сказал лорду Теннингтону Самюэль Филандер, — наш профессор не доставлял окружающим столько забот. За ним надо все время присматривать. Сегодня утром я отлучился от него всего лишь на полчаса, — и, представьте себе, — он исчез. Как вы думаете, где я его обнаружил? В полумиле от берега, в одной из наших лодок. Непонятно, каким образом ему удалось отплыть даже на такое расстояние при наличии всего одного весла, которым он усиленно греб, кружась все время на месте. Когда один из моряков довез меня до него в другой лодке, профессор был до глубины души возмущен моим предложением вернуться на берег.

— Я удивляюсь, господин Филандер, — заявил он, — что у вас, человека весьма образованного, хватает дерзости мешать научным изысканиям. Из некоторых моих астрономических наблюдений, сделанных здесь в тропические ночи, я вывел совершенно новую гипотезу о происхождении туманностей. Она потрясет весь ученый мир. Мне нужна для справки одна превосходная монография о гипотезе Лапласа. Книга находится в одной из частных библиотек в Нью-Йорке. Своим вмешательством вы заставляете меня терять драгоценное время. Я торопился в Нью-Йорк за книгой.

— Мне стоило очень больших усилий заставить его, исключительно путем убеждения, без применения физической силы, вернуться, наконец, на берег, — заключил свой рассказ мистер Филандер.

Мисс Стронг и ее мать вели себя очень мужественно, несмотря на постоянную опасность нападения хищных зверей.

Ни мать, ни дочь, в отличие от всех других, совершенно не верили предположению, что Джен Портер, Клейтон и Тюрэн подобрались на море парходом.

Эсмальда день и ночь обливалась слезами по поводу того, что жестокая судьба разлучила ее с «бедной маленькой крошкой», как она называла Джен Портер.

Великодушие и доброта лорда Теннингтона не изменили ему и в этой обстановке. Он и здесь остался все тем же веселым и милым хозяином, который непрестанно заботится об удобствах и развлечениях для своих гостей. По отношению к матросам он был неизменно строгим и справедливым начальником. В джунглях, как и на борту «Алисы», все они твердо знали, кому принадлежит последнее слово в наиболее важных случаях жизни и в тревожных обстоятельствах, требующих спокойного и разумного решения.

Если бы эта прекрасно организованная и более или менее благополучно существовавшая группа людей могла увидеть своих прежних спутников, находившихся на расстоянии нескольких миль от них, — они вряд ли узнали бы в жалких, напуганных и исхудалых оборванцах веселую маленькую компанию, так радостно и беззаботно смеявшуюся на борту «Алисы».

Клейтон и Тюрэн ходили почти голые, — до того изорвали они свое платье о колючие кустарники джунглей, бродя в поисках скудной пищи.

Джен Портер, конечно, освободили от этой обязанности, — но и ее наряд был, тем не менее, в очень плачевном состоянии.

Клейтон от нечего делать стал подбирать шкурки убитых животных. Натянув их на пни, он усердно скоблил и таким образом предохранял от порчи. Поскольку сквозь его отшельничью начинала все сильнее проступать негодя, Клейтон решил сделать себе одежду из шкур. Шип тер-

новника служил ему иголкой, сухая трава и жилы животных — нитками.

Одежда получилась без рукавов, почти до колен. Так как она была сшита из множества шкурок различных пород грызунов, то вид имела чрезвычайно пестрый. А вдобавок издавала такой ужасный запах, что надевать ее было крайне неприятно. Все же настало время, когда ради соблюдения приличий Клейтон был вынужден надеть свой пестрый наряд. Джен, несмотря на тяжелое душевное состояние, в котором все время находилась, не могла удержаться от улыбки.

Несколько позже и Тюрэну пришлось позаботиться о своем гардеробе. Бородатые, в одежде из шкур, с обнаженными до колен ногами, оба они казались представителями доисторического человечества.

Спустя два месяца после поселения, люди подверглись первой большой опасности.

Тюрэн, одержимый припадками африканской лихорадки, лежал в хижине. Клейтон отправился в этот день на поиски пищи, в джунгли. Джен вышла встретить его.

За Клейтоном осторожно крался старый, с шелудивой шерстью лев. Его одряхлевшие мышцы были бессильны снабжать пищу огромный желудок: в течение трех дней зверь ничего не ел. В продолжение нескольких месяцев количество добываемой им пищи все уменьшалось, и он был вынужден предпринимать все более и более далекие прогулки в поисках легкой добычи. И вот, наконец, ему удалось найти самое слабое и беззащитное из всех созданий. Еще минута — и старый лев будет обедать!

Клейтон, не подозревая о том, что смерть следует за ним по пятам, вышел из джунглей, спеша навстречу Джен. Он отошел от кромки леса шагов на сто и успел приблизиться к Джен почти вплотную, как вдруг она заметила за его спиной бурую голову зверя и злые желтые глаза. Морда льва была опущена до земли, лапы ступали бесшумно.

Молодая женщина оцепенела от страха, как от мороза, и не могла издать ни одного звука, но ее застывший, полный ужаса взор сказал Клейтону об опасности яснее слов. Бросив беглый взгляд назад, Клейтон сразу понял всю безнадежность их положения. Лев был в тридцати шагах от них, такое же расстояние отделяло людей от жилища. В руках у Клейтона была только толстая палка — оружие столь же пригодное для защиты от льва, как игрушечная пушка, заряженная пробкой.

Старый лев давно понял, что, преследуя добычу, рычать бесполезно, более того, можно спугнуть ее, но на этот раз, уже осаяя у себя под когтями живое тело, он дал волю своей давно затаенной ярости и потряс воздух оглушительным ревом.

— Бегите, Джен, — крикнул Клейтон. — Скорей! Бегите домой!

Парализованные мускулы отказывались повиноваться женщине: она продолжала стоять, безмолвная и неподвижная, с ужасом глядя на воплощенную в звере смерть, которая осторожно подкрадывалась к ним.

Тюрэн, услышав рычание льва, подполз к выходу. Когда он увидел ужасную картину, то стал кричать:

— Бегите! Бегите! Бегите скорей! Если вы погибнете, я останусь один в этом ужасном месте!..

Голос его оборвался. Он заплакал.

На мгновение лев остановился, привлеченный звуком нового голоса, и бросил испытывающий взгляд на дерево. Клейтон не мог совладеть со своим волнением. Повернувшись спиной к хищнику, он закрыл лицо руками и стал думать, что будет.

Девушка с ужасом посмотрела на своего защитника. Почему он ничего не делает? Если смерти не миновать, отчего не встретиться с ней мужественно, лицом к лицу, — броситься на зверя и колотить его по свирепой морде хотя бы этой несчастной палкой, если нет другого оружия. Пусть это бесполезно, но нельзя же сдаваться без

Боя! Разве так вел бы себя Тарзан? Он бы погиб, борясь до последней капли крови!

Лев присел на задние лапы, готовясь к прыжку. Сейчас его страшные, желтые клыки вопьются в тело одного из них. Джен опустила на колени, закрыв лицо руками, чтобы не видеть того, что должно неминуемо произойти. Тюран, ослабленный болезнью, упал в обморок.

Секунды медленно ползли, образуя минуты, минуты тянулись бесконечно... Лев медлил. Клейтон, почти потеряв сознание, едва стоял. Колени его дрожали. Вот-вот он упадет...

Джен не могла дальше выдержать и открыла глаза. Что это? Неужели она видит сон?

Клейтон, немного овладев собою, поднял голову и повернулся в ту сторону, где стоял лев. Крик изумления вырвался из его горла. Почти у ног его и Джен лежал зверь, пронзенный копьем. Оно вонзилось ему в спину, выше правой лопатки, и прошло через все тело, задев сердце.

Джен встала на ноги. Когда Клейтон снова повернулся к ней, она зашаталась от слабости. Мужчина протянул к ней руки, чтобы поддержать, затем привлек девушку к себе и хотел поцеловать, чтобы выразить охватившее его чувство благодарности, но та мягко отстранила его.

— Не надо, Уильям. Я как будто пережила за несколько мгновений тысячу лет. Перед лицом смерти я поняла, как надо жить. Я не хочу причинять вам боль, но поймите: я не могу больше мириться с тем невыносимым положением, в которое я поставила себя, дав вам неосторожное обещание. Эти трагические минуты показали, что с моей стороны было бы преступно продолжать обманывать себя и вас мыслью о том, что я когда-либо стану вашей женой.

— Я не понимаю вас, Джен! — вскричал Клейтон. — Каким образом наше чудесное избавление могло изменить ваши чувства ко мне? Вы сейчас слишком взвинчены. Давайте отложим разговор до завтра.

— Сейчас я разбираюсь в своих чувствах гораздо лучше, чем год назад. Событие, которое только что произошло, напомнило мне, что я когда-то пользовалась любовью самого доблестного человека в мире. Я не понимала тогда своей любви к нему, и мы расстались. Слишком поздно узнала я о своем чувстве. Он погиб, и я никогда ни с кем не пойду под венец. Если бы я вышла за человека, уступающего ему в храбрости, я бы невольно презирала своего мужа, постоянно сравнивая его с погибшим. Понимаете ли вы меня, Клейтон?

— Да, — ответил он, краснея, и опустил голову.

На следующий день случилось большое несчастье. Еще одно...

XXII

Сокровища города Опара

Было совсем темно, когда Ла, верховная жрица, вернулась в покои Мертвых с пищей и водой для Тарзана. Она шла без света, ощупывая по пути потрескавшиеся стены, пока, наконец, не вошла в комнату. Тарзан сразу узнал ее шаги.

— Они все в страшной ярости, — сказала Ла. — До сих пор у нас не было случая, чтобы человек, назначенный в жертву божеству, уходил живым. Пятьдесят жрецов ищут тебя. Они успели обыскать все помещения храма, кроме этой комнаты.

— Почему они не решаются войти сюда?

— Это — покои Мертвых. Умершие возвращаются сюда для молитвы. Ты видишь этот жертвенник? На нем мертвые приносят в жертву живых, если встречаются их на своем пути. Вот почему народ боится заходить сюда. Если кто-нибудь заглянет — мертвые схватят его.

— А ты? — спросил Тарзан.

— Я — верховная жрица и не боюсь мертвецов. Время от времени я доставляю им живого человека для жертвоприношения.

— А почему они не набросились на меня? — спросил Тарзан, слегка издеваясь над странным суеверием. Жрица посмотрела на него испытующим взглядом. Потом ответила:

— Обязанности верховной жрицы — учить правилам, которые до нее установили другие, превосходящие ее мудростью. Но нет правила, которое обязывало бы ее безоговорочно верить им. Чем больше человек узнает, тем меньше он верит. А я знаю больше всех.

— Значит, помогая моему бегству, ты боишься только своих смертных собратьев?

— Только их. Мертвые — мертвы. Они не могут ни вредить, ни помогать. Поэтому мы должны надеяться исключительно на себя и, чем скорее будем действовать, тем лучше. Мне было трудно доставить тебе еду, избегая зорких взглядов жрецов. Было бы безумием повторить эту смелую попытку. Иди за мной.

Она повела Тарзана по одному из коридоров. Минут десять шли они извивающимися проходами, пока не наткнулись на запертую дверь. Спутница Тарзана повернула ключ, раздался стук железного засова. Дверь качнулась на скрипучих петлях.

— Ты можешь пробыть здесь в полной безопасности до завтрашнего вечера, — сказала жрица и заперла дверь за собой на ключ.

Тарзана окружил непроглядный мрак. Даже его глаза, привыкшие различать предметы в ночной темноте, сейчас не видели ничего. Осторожно пошел он вперед, пока не коснулся протянутой рукой одной из стен, потом медленно обошел все помещение.

Площадь комнаты была по его расчетам около двадцати квадратных футов. Стены сложены, очевидно, из небольших гранитных камней различной величины, искусно притесанных один к другому без применения цемента.

При первом обходе Тарзану показалось, что он обнаружил странное явление, которого не могло быть в комнате без окон и только с одной дверью. Он снова обошел комнату, двигаясь вдоль стен. Нет, он не ошибся! Тарзан остановился у середины стены, прямо против двери. Не могло быть никакого сомнения: в этом месте — и только здесь — чувствовался приток свежего воздуха, проникавшего через незаметные трещины в каменной кладке.

Тарзан попробовал вытащить несколько камней. Попытки увенчались успехом: один из камней легко поддался. Он был около десяти дюймов толщины, а поверхность, обращенная внутрь комнаты, — около шести дюймов длины и трех ширины. Тарзан извлек другой, третий, четвертый камень — все они оказались одинаковыми.

Стена состояла, очевидно, исключительно из таких камней почти правильной геометрической формы. В короткое время Тарзан вытащил их около дюжины, а затем хотел обследовать второй ряд кладки. Но, к его великому изумлению, рука полностью и свободно прошла в образовавшееся отверстие, не встречая на своем пути никакой преграды. Тарзану в несколько минут удалось проделать отверстие, достаточное, чтобы пролезть самому. Ему показалось, что прямо перед собой он видит слабый, едва различимый свет. Осторожно, на четвереньках продвинулся он чуть вперед, как тотчас обнаружил, что пол внезапно обрывается. Тарзан протянул руку, но ничего не мог нащупать. Тогда он спустил ноги и, повиснув на руках, вытянулся во весь рост, и все же не мог достичь дна. Случайно Тарзан посмотрел вверх и там, сквозь круглое отверстие, увидел небольшой клочок звездного неба.

Ощупав стены, насколько могла достать его рука, Тарзан обнаружил, что расстояние между ними постепенно суживается книзу. Размышляя об устройстве и назначении этого странного колодца, невольный узник увидел,

что луна поднялась над верхним отверстием, проливая янзиз потоки бледного серебристого света.

Тарзан сразу понял, что находится над водой. Глухо внизу она светилась, отражая лунные блики. Это был древний водоем. Но для чего он соединен с подземельем? Когда луна, поднявшись высоко над колодезем, осветила все вокруг, Тарзан увидел отверстие в противоположной стене. Не ведет ли оно в новый коридор, по которому можно выбраться на свободу? Он решил исследовать его. Однако прежде он вернулся к разобранной стенке и заложил отверстие камнями в прежнем порядке. Тарзану не составило труда совершить прыжок через колодез. В одно мгновение он оказался в узком туннеле. Дальше пришлось двигаться с осторожностью из опасения свалиться в скрытый колодез, подобный тому, который удалось благополучно миновать.

Пройдя около ста футов, беглец достиг небольшой лестницы, которая исчезла в непроглядном мраке. Двадцатью футами ниже туннель начинался снова. Некоторое время Тарзан шел свободно, пока не натолкнулся на массивную деревянную дверь, запертую тяжелыми деревянными засовами. Он подумал, что засовы с этой стороны означают, что дверь может вести либо на свободу, либо в темницу. На засовах лежал толстый слой пыли — доказательство того, что дверью давно не пользовались. Он отодвинул засовы, тяжелая дверь заскрипела на петлях, как бы негодуя на то, что нарушила ее покой.

Тарзан очутился в просторной комнате, вдоль стен которой громоздились слитки металла причудливой, но однообразной формы... Они были очень тяжелы. Можно было подумать, что это — золото, если бы не такое огромное количество слитков. Вряд ли где-нибудь — да еще в одном месте — могли быть собраны колоссальные запасы благородного металла! В противоположном конце комнаты Тарзан обнаружил вторую дверь, точно так же запертую изнутри. Опять проснулась надежда, что он нашел выход на свободу. За дверью, однако, снова начинался туннель, прямой, как полет стрелы.

Тарзан решил, что, пройдя значительное расстояние по подземелью, он миновал уже стены храма. Если — на запад, то он уже вышел за черту города. Окрыленный надеждами, Тарзан бежал по коридору так быстро, как позволяла осторожность, пока, наконец, не наткнулся на ступени, ведущие вверх. Внизу ступени были из алебастра, выше — из гранита. Видимо, верхние ступени были высечены в скале: на это указывало отсутствие щелей в промежутках между ними. Лестница несколькими крутыми поворотами привела его к узкой расщелине между двумя скалистыми склонами.

Прямо над ним сияли звезды, а впереди открывался крутой спуск. Тарзан поспешил спуститься и добрался до уступа огромной скалы. На расстоянии мили от него был расположен Опар, освещенный мягким светом луны. Несколько мгновений он стоял в задумчивости, затем, подняв голову, оглядел величавые руины древнего города.

«Опар, думал он, Опар — зачарованный город мертвого и забытого прошлого, город красоты и жестокости, город ужаса и смерти, город сказочного богатства». Беглец посмотрел на слиток, взятый им из подземелья.

Слиток был чистого золота!

Скала, на которой очутился Тарзан, находилась между городом и горой, по которой он взбирался со своими черными воинами накануне утром. Спуск по ее гладкому и крутому склону требовал больших усилий и был труден даже для него.

Наконец беглец почувствовал под ногами рыхлую почву долины и, не оглянувшись на город, пустился стрелой к горам, видневшимся вдали. Солнце только встало, когда он достиг плоской вершины горы, на западе от долины. Далеко внизу был заметен дымок, который вился над верхушками деревьев в лесу, у подножья гор.

— Люди! — пробормотал он. — Не те ли пятьдесят человек, которые отправились меня выслеживать?

Быстро спустился человек-обезьяна со скалы в узкий овраг, который привел его в лес. Осторожно продвигаясь вперед, Тарзан увидел между деревьями несколько больших костров, вокруг которых сидели на корточках его черные воины.

— Вставайте, дети мои, и приветствуйте своего вождя!

С криками удивления и испуга воины вскочили на ноги, не зная, обратиться ли им в бегство или оставаться на месте.

Ловко спрыгнув с ближней ветви, Тарзан очутился среди воинов. Когда те убедились, что это был их вождь, а не его воплотившийся призрак, то обезумели от радости.

— Мы оказались трусами, о Вазири! — воскликнул Бусули. — Мы убежали, оставив своего вождя на произвол судьбы! Но когда опомнились, то поклялись пойти назад и спасти тебя или отомстить твоим убийцам. Мы только что решили вернуться в ужасный город.

— Видели ли вы пятьдесят страшных людей, которые спустились со скал по направлению к лесу? — спросил Тарзан.

— Да, Вазири, — ответил Бусули. — Они прошли мимо нас вчера ночью. Мы издали услышали их голоса, свернули в лес и подождали, пока они пройдут. Преследователи быстро ковыляли на своих коротких ногах, а некоторые даже становились на четвереньки, как горилла Болгани. Да, это страшные люди, о Вазири!

Когда Тарзан рассказал о своих приключениях и сообщил о находке желтого металла, ни один из них не поколебался принять его предложение — проникнуть ночью в город и унести оттуда драгоценные слитки.

Сумерки уже легли на пустынную долину, когда отряд черных воинов направился быстрым шагом к мрачной скале, висевшей перед городом. Если спуск с нее был затруднителен даже для Тарзана, то о подъеме туда черным воинам, казалось, нелегко было и думать. Но Тарзан путем героических усилий помог им взобраться. Десять копий было привязано одно к другому, последнее — к поясу Тарзана. Взобравшись сам, Тарзан при помощи этой связки из копий втащил наверх сначала одного, а потом и остальные сорок девять воинов благополучно добрались до вершины. Тотчас же Тарзан повел их в комнату драгоценностей, где каждый взял по два слитка, общим весом в восемьдесят фунтов.

Только около полуночи отряд очутился у подножия скалы. Тяжелая ноша затрудняла подъем, путники добрались до вершины горы в середине следующего дня. Гордые воины не привыкли к обязанностям носильщиков и весь дальнейший путь проделали крайне медленно. Но никто из них не жаловался на тяжесть ноши. Наконец, на третий день утром он велел им возвратиться домой, оставив золото там, где они сложили его накануне вечером.

— А ты, Вазири? — спросили воины.

— Я останусь здесь на несколько дней. Спешите же к своим женам и детям!

Когда спутники скрылись, Тарзан подобрал два слитка и, вскарабкавшись на дерево, легко пробежал около двухсот шагов по верхушкам спутанного, непроходимого низколесья, пока не добрался до небольшой поляны, которую окружали, как стражи, деревья-великаны. Посередине ее была плоская земляная насыпь.

Сотни раз бывал в этом неприступном месте Тарзан в далекие времена. Огромные колючие кустарники и выходящие растения переплетались так тесно, что даже пантера Шита не могла, как ни извивалась, пролезть сквозь эту ограду. Слон Тантор был также бессилен преодолеть ее своим весом и силой. Только самые безвредные обитатели джунглей проникали в уединенное убежище больших обезьян.

Пятьдесят ходок в разных направлениях предпринял Тарзан, прежде чем сложил на землю свои золотые

слитки. Потом из дупла дерева он вынул ту самую лопату, при помощи которой откопал когда-то сундук профессора Архимеда Портера.

Этой лопатой он выкопал яму, в которую положил золотые слитки.

Ночь Тарзан провел на поляне, а на другой день утром поспешил к своей старой хижине. Жилище оказалось в том же виде, в каком он оставил его, Тарзан решил отправиться на охоту, а потом, вернувшись с добычей в хижину, устроить себе пир.

Человек-обезьяна прошел верст пять к югу, направляясь к берегам большой реки, которая впадала в океан верстах в шести от его хижины. Неожиданно его чуткие ноздри почуяли запах, который приводит в дрожь обитателей джунглей — запах человека.

Ветер дул с океана. Тарзан сообразил, что те, чей запах до него донесся, были к западу от него. К запаху человека примешивался и запах льва. Человек и лев!..

— Надо спешить, — подумал Тарзан. — Лев, должно быть, охотится.

Когда он достиг опушки, то увидел женщину, опустившуюся на колени, а перед нею — мужчину, закрывшего лицо руками. У мужчины был странный вид, напоминавший первобытного человека. Старый лев медленно приближался к своей легкой добыче. Лицо мужчины было обращено в сторону, лицо женщины опущено; Тарзан не мог видеть их черт.

Лев приготовился к прыжку. Нельзя было медлить ни одного мгновения! У Тарзана не было времени даже для того, чтобы изготовить к стрельбе лук и пустить в хищника ядовитую стрелу. И расстояние слишком велико, чтобы броситься с ножом. Оставалась одна возможность, один выход. В мгновение ока Тарзан перешел от мысли к действию.

Загорелая рука откинулась назад, одну сотую долю секунды над плечом великана трепетало копые, а потом могучая рука метнула древко сквозь листву деревьев и поразила прямо в сердце страшного хищника, поднявшегося для прыжка. Не издав ни звука, зверь повалился мертвый к ногам тех, кто за минуту перед тем был обречен ему в жертву.

Мужчина и женщина не шевелились. Наконец, женщина открыла глаза и с изумлением посмотрела на неподвижного хищника, который лежал за спиной ее спутника.

При взгляде на это прекрасное лицо Тарзан затаил дыхание от неожиданности и неправдоподобия того, что увидел. Вероятно, он бредит... Неужели это она, женщина, которую он любит? Да, это она, она!..

Но вот женщина поднялась, и мужчина привлек ее к себе для поцелуя. Красный туман ярости заволок в глазах Тарзана все происшедшее, старый шрам на его коричневом от загара лице налился кровью. Он вынул стрелу и приложил ее к тетиве, чтобы поразить человека, который стоял, повернувшись к нему спиной.

Но Тарзан не послал вестницы смерти. Острый конец стрелы медленно опустился. Шрам на загорелом лице побледнел. Печально склонив голову, Тарзан вернулся в джунгли, к своим черным воинам.

XXIII

Пятьдесят похитителей

Джен Портер и Уильям Сесиль Клейтон по-прежнему смотрели на труп хищника. После молчания, которое последовало за откровенным признанием Джен, она заговорила первая.

— Кто бы это мог быть? — прошептала она.

— Не знаю, — коротко ответил Клейтон.

— Конечно, это доброжелатель, но который почему-то

не хочет открываться нам. Давайте окликнем его и, по крайней мере, поблагодарим.

Клейтон громко крикнул, но ответа не последовало. Джен вздрогнула.

— Таинственные джунгли... Страшные джунгли! — пробормотала она. — Даже жест дружбы и тот выражен столь неприветливо и страшно...

— Давайте вернемся в шалаш, — предложил Клейтон. И добавил с горечью: — Я ведь плохой вам защитник.

— Не продолжайте, Уильям, — поспешила возразить девушка, глубоко сожалея о том, что причинила своему спутнику острую боль. — Вы сделали все, что могли. Вы вели себя благородно, самоотверженно и храбро. Вы не виноваты в том, что вы — не сверхчеловек. Я знала только одного человека, который сделал бы на вашем месте больше, чем вы... Под влиянием волнения я выразила свою мысль не теми словами, какие были нужны, поверьте, я не хотела причинить вам боль. Я хотела только одного, — чтобы мы оба поняли раз и навсегда, что я не могу быть вашей женой, что наш брак был бы преступлением.

На следующий день Тюрану стало еще хуже. Он бредил почти непрерывно, и ему ничем нельзя было помочь. К тому же Клейтон особенно и не старался облегчить его положение, надеясь в глубине души на смертельный исход. Если бы с Клейтоном что-нибудь случилось, Джен осталась бы наедине с Тюраном, в полной зависимости от него. Кто оградил бы тогда молодую девушку от его посягательств? Эта мысль гораздо больше беспокоила молодого англичанина, чем возможный роковой исход болезни Тюрана.

Клейтон извлек из тела льва тяжелое копые. Вооружившись таким образом, он отправился на охоту с ощущением некоторой безопасности. На этот раз можно отойти от жилья дальше обычного.

Не желая слышать безумный бред Тюрана, Джен спустилась с ветвей на землю, присела около примитивной лестницы, которую сделал для нее Клейтон, и стала смотреть на море. Она все еще лелеяла надежду увидеть на горизонте проходящее судно.

Девушка сидела к джунглям спиной и не заметила, как из зарослей выглянуло страшное лицо дикаря. Маленькие, налитые кровью глаза, расположенные близко один от другого, сначала уставились на девушку, а потом быстро оглядели местность, чтобы убедиться в отсутствии других людей.

Человек, лежавший в хижине на ветвях, опять начал бредить. Высунувшаяся голова скрылась так же быстро, как показалась. Но, заметив, что девушка не обернулась, когда раздалась стона большого, одна за другой из джунглей выползли причудливые фигуры людей.

Джен все так же неотрывно смотрела на море, не подозревая об опасности. Легкий шорох в траве привлек, наконец, ее внимание. Она повернулась и с криком ужаса вскочила на ноги. Поздно! Охватив девушку длинной рукой, похожей на лапу гориллы, один из дикарей потащил ее в джунгли. Грязная лапа легла на рот, чтобы заглушить крики. После нескольких недель тревог и мучений Джен не в силах была выдержать новое потрясение и лишилась чувств.

Придя в себя, девушка увидела, что находится в чаще девственного леса. Была ночь. Ярко пылал костер, разложенный среди небольшой поляны. Вокруг него сидело на корточках человек пятьдесят. И головы, и лица покрыты спутанными волосами, длинные руки покоились на согнутых коленях коротких и длинных ног. Странные существа что-то грызли. На костре грелся небольшой котел, в который дикари по очереди опускали заостренную палочку в поисках куска мяса. Страшные существа заметили, что девушка пришла в себя. Один из них поднес к ее рту грязную руку с куском вареного мяса.

Кусок упал на землю, а она закрыла глаза, чувствуя непреодолимую тошноту.

Много дней пробирался отряд сквозь дремучую чащу. Изнуренная девушка еле ступала израненными ногами. Дикари то толкали, то волочили ее. Когда она спотыкалась и падала, ее принуждали подниматься пинками и ударами. Обувь изнасилась, платье превратилось в жалкие отрепья, сквозь которые виднелось ее тело, когда-то белое и нежное, а теперь сплошь исцарапанное колючим кустарником.

В последние дни она до того устала, что даже пинки и угрозы не помогали. Силы настолько истощились, что при всем своем желании она не могла встать даже на колени. Похитители бормотали какие-то проклятия, били девушку кулаками, а Джен, закрыв глаза, продолжала лежать на земле, призывая к себе избавительницу всех мучений — смерть. Но смерть не приходила. Убедившись, что их жертва не в силах передвигаться сама, дикари понесли ее на руках.

Однажды, под вечер, Джен открыла глаза и увидела полуразрушенные стены большого города. Но она была так слаба и измучена, что неожиданное и волшебное зрелище не возбудило никакого любопытства. Куда бы ее ни принесли, она могла ожидать только одного исхода, находясь среди этих зверолодобных существ.

Пленницу отнесли в темную комнату, находившуюся в подземелье, положили прямо на голый пол и поставили перед ней металлический кувшин с водой. В течение недели она видела только несколько женщин, приносящих ей пищу и воду. Понемногу здоровье девушки восстанавливалось. Можно было надеяться на то, что скоро она совсем оправится и будет вполне пригодна для заклания на жертвеннике в честь огненного божества. К счастью, Джен не догадывалась, какая роль предназначалась ей в ближайшем будущем.

Тарзан медленно пробирался сквозь джунгли. С того дня как он спас Клейтона и Джен своим метким копьем, — он был переполнен мыслями о прошлом, которые вызывали мучительную боль, как прикосновение к незажившей ране. Он радовался только тому, что вовремя удержал свою руку от непоправимого поступка, на который был способен в минуту безумной ревности.

В нем проснулся тогда дикарь. Он видел женщину, которую желал, — самку, которую он избрал для себя, — в объятиях другого мужчины. Жестокие законы джунглей диктовали ему только один выбор — убийство соперника. Но в самую последнюю минуту врожденное благородство и человечность взяли верх над пылавшей в его сердце яростью и спасли от безумного поступка — блестящая отравленная стрела не пронзила сердце беззащитного соперника.

Мысль о предстоящей встрече с Бусули была противна: Тарзан больше не хотел видеть людей. Он останется один среди джунглей и подобно своим собратьям — диким зверям — предпочтет страдать в одиночестве.

Днем Тарзан охотился в джунглях, а ночевать возвращался всегда на круглую поляну — жилище обезьян. На третий день, после полудня, он рано вернулся на отдых. Лежа на траве, Тарзан услышал с южной стороны знакомые звуки. Несколько минут он чутко прислушивался: звуки становились все ближе. Тарзан медленно поднялся, перешел на другую сторону поляны и спрятался среди ветвей, чтобы получше разглядеть зверей, не привлекая к себе внимание. Ему не пришлось долго ждать.

Среди нижних ветвей деревьев, прямо против Тарзана, показалось свирепое косматое лицо. Маленькие глазки оглядели поляну. Вслед за тем послышалось бормотание. Тарзан понял его смысл: разведчик говорил своим спутникам, что все спокойно и они могут благополучно отдохнуть на поляне. Он первый и опустился на мягкий ковер травы. Затем, один за другим, появились

его спутники — человекообразные обезьяны, числом около сотни. Среди них были огромные старые самцы и совсем юные особи. Несколько грудных младенцев прижимались к мохнатым шеям своих матерей.

Тарзан узнал многих представителей этого племени. Некоторые из взрослых обезьян были маленькими детьми в то время, когда он и сам был ребенком. Помнят ли они его? Память у большинства обезьян очень короткая, и два года для них — целая вечность.

Из подслушанного разговора Тарзан понял, что обезьяны пришли сюда, чтобы выбрать себе нового вожака: прежний безвременно погиб, упав с верхушки дерева.

Тарзан вышел из своего убежища и предстал перед обезьяньим племенем. Быстрые, живые глаза резвой самочки заметили его раньше других. Лающими горланьями звуками она сообщила сотоварищам о появлении пришельца.

Несколько рослых самцов поднялись с земли, чтобы лучше разглядеть новичка. Взвешивая шерсть на затылке и показывая клыки, они медленно подошли к человеку, издавая глухое, зловещее рычание.

— Карнак! Я — Тарзан из племени обезьян, — сказал человек-обезьяна на языке племени. — Помнишь ли ты меня? Когда мы с тобой были маленькими, мы вместе дразнили льва, бросая в него палки и орехи с верхушек деревьев...

Самец, к которому он обратился с речью, уставился на него удивленными глазами.

— А ты, Магор, — продолжал Тарзан, обращаясь к другому зверю, — разве ты не помнишь вашего прежнего вождя, который убил огромного, могучего Керчака? Посмотри на меня! Разве я не тот самый Тарзан, который жил когда-то среди вас — самый ловкий на охоте, самый храбрый в борьбе?

Обезьяны столпились перед Тарзаном, побуждаемые не яростью, а любопытством. Они что-то бормотали в течение нескольких минут.

— Что тебе надо от нас теперь? — спросил Карнак.

— Я хочу мира, — ответил человек-обезьяна.

Снова обезьяны стали совещаться между собой. Наконец, Карнак опять обратился к человеку:

— Иди к нам с миром, Тарзан!

Тарзан ловко соскочил с ветки дерева на траву, в самую середину свирепого и безобразного стада.

В своем развитии он проделал полный круг и теперь снова вернулся, в облике зверя, к своим прежним собратьям — зверям.

Его не встретили здесь приветствиями, как люди встречают близкого им человека после двухлетней разлуки. Обезьяны занялись обычными делами, которые были прерваны появлением Тарзана. Они больше не обращали на него никакого внимания, как будто он никогда не покидал стада. Только один из молодых самцов, который еще не знал Тарзана, решил поставить новичка на надлежащее, как ему казалось, место. Если бы Тарзан в этот момент отступил, он уронил бы себя в глаза племени. Тарзан напряг всю силу своих могучих мускулов и бросил нападавшего на землю. Тот вскочил на ноги и снова кинулся на Тарзана. Человек и обезьяна, обхватив друг друга руками, катались по земле. Вдруг пальцы Тарзана впились в горло противника. Через несколько мгновений молодой самец прекратил борьбу и затих. Тарзан перестал душить его. Он вовсе не желал убивать своего врага, ему нужно было только показать всем, что он силен. Пример возымел действие. С этих пор молодежь да и старики считались с Тарзаном. Самки больше всех сторонились человека, боясь за своих малышей, но со временем и они привыкли. Тарзан охотился с обезьянами так же, как и в былые годы. Видя, что он благодаря своему более развитому уму находит лучшие способы добывания пищи, обезьяны стали смотреть на него с уважением и снова начали считать его своим вожаком.

Тарзан был доволен своим положением. Он не был и не мог быть счастливым, но зато чувствовал себя далеким от всего того, что могло напоминать ему о пережитых страданиях. Он не будет встречаться больше не только с белыми людьми, ему не хочется видеть ни одного человеческого существа вообще. Он начал жизнь обезьяной — обезьяной и умрет. От всего человеческого он должен отречься.

И все-таки, как ни убеждал себя Тарзан, он не мог забыть того, что любимая им женщина где-то поблизости. В том, что она находилась под ненадежной защитой, он убедился, увидав пассивность Клейтона. Чем больше он думал об этом, тем сильнее мучила его совесть. В конце концов он сделался противен самому себе — да, из-за своего себялюбия и ревности он бросил любимую девушку на произвол судьбы. Он уже был готов вернуться на берег, как вдруг неожиданное известие изменило его планы и побудило устремиться на восток, на встречу новым опасностям, а может быть, даже смерти.

Еще до возвращения Тарзана в стадо обезьян один из молодых самцов, отчаявшись в возможности подыскать себе самку из среды родного племени, отправился в джунгли, как странствующий рыцарь старинных времен на поиски дамы сердца.

Возвратившись в стадо с похищенной самкой, он поспешил рассказать сородичам о своих приключениях. И в числе других рассказал о встрече с огромным стадом странных обезьян.

— Лица у них всех, за исключением одной, — сказал он, — покрыты волосами. Обезьяна, непохожая на других, самка. Цвет кожи у нее даже бледнее, чем у него.

Рассказчик указал при этом на Тарзана. Тарзан настаивал. Он засыпал молодого самца вопросами, на которые тот еле успевал отвечать.

— Скажи, — спросил Тарзан, — эти обезьяны были низкого роста, на коротких ногах?

— Да, — ответил самец.

— Были ли на них надеты шкуры львов и леопардов? Держали ли они в руках палки и ножи?

— Да.

— А были ли у них желтые кольца на руках и ногах?

— Да.

— А белая обезьяна была небольшого роста, очень тонкая и белая?

— Да.

— Была ли эта обезьяна своей или чужой в стаде?

— Они волочили ее по земле то за руку, то за длинные волосы и все время били и толкали ее. Это было очень весело!..

— Боже мой! — воскликнул Тарзан. — А где ты встретил их, и куда они направились?

— Они были там, за второй водой отсюда, — молодой самец указал на юг. — А шли туда, откуда восходит солнце.

— Когда, когда это было? — нетерпеливо спросил Тарзан.

— Когда луна была видна наполовину.

Не сказав ни слова, Тарзан вскарабкался на деревья и, подобно бестелесному духу, понесся на восток, по направлению к развалинам города Опара.

сил его о девушке, Тюран не мог вразумительно ответить:

— Я ничего не видел и не слышал. Большую часть времени я пролежал без сознания.

Если бы Тюран не производил впечатления человека, совершенно обессиленного болезнью, Клейтон, пожалуй, заподозрил бы, что он умышленно скрывает какую-то роковую тайну. Но он видел, что у Тюрана не хватало сил даже на то, чтобы спуститься с дерева без посторонней помощи.

До наступления сумерек Клейтон блуждал по окрестной чаще в поисках следов Джен и ее похитителя.

Пятьдесят страшных человек были новичками в джунглях. По своей неопытности они оставили в лесу такие ясные следы своего пребывания, что любой из обитателей джунглей мог бы легко проследить их путь. Но Клейтон не обращал внимания на эти очевидные признаки. Он не переставал громко звать девушку, но этим только привлек внимание льва. К счастью, Клейтон вовремя заметил хищника и успел забраться на дерево. Лев до наступления сумерек бродил вокруг дерева, но и после ухода зверя Клейтон не решился спуститься в страшный лесной мрак. Он провел ночь в лесу и только на следующее утро вернулся на берег, потеряв всякую надежду на спасение Джен Портер.

В течение следующей недели силы Тюрана быстро восстанавливались. Он лежал в хижине, а Клейтон рыскал по лесу в поисках пищи для них обоих. Они никогда не разговаривали друг с другом без крайней необходимости. Клейтон занимал теперь тот угол хижины, который был предназначен для Джен Портер.

Судьба преподнесла горькую шутку. Когда Тюран настолько окреп, что мог отправиться на поиски пищи, Клейтон в свою очередь заболел лихорадкой. Целые дни метался он в бреду, но Тюран ни разу не подошел к больному. Особенно мучила жажда. Между перемежающимися приступами бреда Клейтон раз в день ухитрялся несмотря на крайнюю слабость зачерпнуть в кружку немного свежей воды из ближайшего ручья. Тюран наблюдал за ним издали: ему доставляло злобную радость видеть страдания человека, который так долго ухаживал за ним, преодолевая в себе отвращение к недавнему врагу.

Наконец, Клейтон ослабел настолько, что уже не мог спуститься с дерева. Он попросил Тюрана принести ему пить. Тот с наглой усмешкой протянул ему кружку.

— Вот вода, — сказал он. — Но прежде чем дать ее вам, я должен напомнить, что вы опорочили меня в глазах женщины, которую не хотели разделить со мною, а берегли только для себя!

Клейтон оборвал его:

— Замолчите! Как смеете вы, негодяй, бесчестить имя женщины, которая, вероятнее всего, уже умерла! Я был глуп, что оставил вас в живых. Вы недостойны жить даже в этой стране дикарей!

— Вот вода, — повторил Тюран. — Смотрите!..

Он поднес кружку к своим губам и, отпив, вылил остатки на землю. После этого повернулся и ушел. Клейтон закрыл лицо руками.

На следующий день Тюран решил отправиться вдоль берега на север, надеясь рано или поздно набрести на поселение цивилизованных людей. Перед уходом он готов был убить больного, если бы не считал убийство при таких обстоятельствах проявлением милосердия.

В тот же день Тюран дошел до маленькой хижины на берегу моря. В сердце его вспыхнула надежда при виде признаков цивилизации. Если бы он знал, кому принадлежит эта хижина, то бежал бы от нее, как от чумы. Но он не ведал этого и потому прожил там несколько дней, наслаждаясь безопасностью и сравнительным комфортом чужого жилища.

XXIV

Возвращение Тарзана в Опар

Когда Клейтон, вернувшись в хижину, не нашел там Джен Портер, он обезумел от ужаса и горя. Тюран к этому времени пришел в себя; лихорадка прошла у него внезапно, как это часто бывает. Он лежал слабый и изнуренный на своем ложе из травы. Когда Клейтон спро-

В лагере лорда Теннингтона по мере того, как шли дни за днями, не принося никаких утешительных известий, надежда на то, что Джен Портер, Клейтон и Тюран будут спасены, начинала угасать. Никто не заговаривал об этом с профессором Портером, а сам он был настолько погружен в свои ученые размышления, что не чувствовал, как шло время.

— Если бы я не знал старика так близко,— сказал Теннингтон, обращаясь к мисс Стронг,— то подумал бы, что он... немалого того...

— Если бы это не было так печально, это было бы смешно. Я знала его всю жизнь и поэтому уверена в его горячей любви к Джен. Но другим может показаться, что он совершенно безучастен к судьбе дочери. Это объясняется только тем, что он настолько непрактичен, что не представляет себе такой простой, реальной вещи, как смерть, пока не увидит ее воочию.

— Вы никогда не догадаетесь, что он вытворил вчера,— продолжал Теннингтон.— Я возвращался с охоты, когда профессор попался мне навстречу. Он быстро шел по лесной тропинке, по которой я возвращался в лагерь. Руки заложены за фалды сюртука, шляпа надвинута на лоб, глаза устремлены в землю. Он попал бы прямо в объятья смерти, если бы я не задержал его в пути. «Профессор»,— удивился я,— «чего ради вы здесь и куда идете?» «Я иду в город, лорд Теннингтон»,— ответил он вполне серьезно.— «Я собираюсь пожаловаться почтмейстеру, что до нас не доходит корреспонденция. Вы подумайте, несколько недель я не получаю ни журналов, ни писем! Я должен был получить уже несколько писем от Джен. О таком безобразии необходимо сообщить в Вашингтон».

— И поверите ли, мисс Стронг,— продолжал Теннингтон,— мне стоило большого труда убедить его в том, что здесь нет не только почты, но и города, что Вашингтон находится на другом полушарии. Только когда он понял это, вот тогда начал беспокоиться о судьбе дочери. Мне кажется, что теперь он представляет себе весь ужас нашего положения.

— Мне страшно даже думать об этом,— сказала мисс Стронг.— А между тем мои мысли все время возвращаются к отсутствующим друзьям.

— Будем надеяться на лучший исход,— ответил Теннингтон.— Ведь вы до сих пор были для нас блестящим примером стойкости, хотя ваша потеря, действительно, очень тяжела.

— Да,— ответила она,— я не могла бы любить Джен Портер сильнее, чем если бы она была моей родной сестрой.

Теннингтон не проявил своего удивления по поводу ее слов, хотя она ответила ему, по его мнению, несколько уклончиво. Он провел много времени в обществе этой прелестной девушки из Мериленда со дня гибели «Алисы», но только недавно почувствовал, что относится к ней настолько равнодушно, что начинает терять присутствие ему спокойствие. В последнее время он все чаще вспоминал откровенное признание Тюрана о том, что он и мисс Стронг обручены. Сейчас Теннингтон впервые усомнился в правдивости слов Тюрана.

— А если бы погиб мосье Тюран,— осторожно спросил он,— это было бы для вас тяжелой потерей?

Девушка с удивлением посмотрела на своего собеседника.

— Мосье Тюран был моим другом. Он мне очень нравился, хотя мы познакомились с ним совсем недавно.

— Значит, вы не были с ним обручены?— выпалил Теннингтон.

— Что вы!— воскликнула она.— Мне и в голову не могла прийти такая мысль!

Теннингтон хотел было что-то сказать Элоизе, хотя бы намекнуть, что ему необходимо сообщить нечто очень важное... но слова застряли у него в горле. Он закашлялся, покраснел и в конце концов свел разговор

к тому, что... хижины, пожалуй, будут построены до наступления дождей.

Разговор был прерван появлением в высшей степени странной и зловещей фигуры, которая вынырнула из джунглей. Теннингтон уже выхватил было револьвер, но в это время жалкое и полунагое существо окликнуло его по имени и бросилось к нему с восторженными восклицаниями. Никто не узнал бы в этом грязном, исхудалом субъекте всегда безукоризненно одетого мосье Тюрана, с которым они расстались во время крушения «Алисы». На вопрос о том, что случилось с его спутниками, Тюран в отчаянии заломил руки:

— Все они погибли. Мисс Портер унесена в лес каким-то хищником. Клейтон умер от лихорадки... Ах, если бы мы знали, что вы находитесь так близко от нас!

Джен Портер не знала, сколько времени пробыла она во мраке подземелья. Каждый раз женщина, приносящая пищу, знаками предлагала ей подняться, но Джен в продолжении многих дней лишь отрицательно качала головой. Понемногу силы восстанавливались, она могла уже кое-как передвигаться с места на место, держась за стену. Ее похитители были рады — жертва выздоровела, и, значит, день жертвоприношения приближался.

Наконец, этот день наступил. В темноту пришла женщина, началась какая-то странная церемония. Джен не сомневалась в том, что присутствует при религиозном обряде. Не подозревая ничего ужасного, молодая женщина охотно покинула темницу. Но, увидев каменный жертвенник в центре храма, обгащенный пятнами запекшейся крови, она содрогнулась от ужаса.

В одно мгновение ее связали и положили на жертвенник. Во время причудливого танца жрецов Джен, похолодев от ужаса, следила за тем, как тонкое лезвие в поднятой руке верховной жрицы начало медленно приближаться к ее груди...

Джен закрыла глаза и лишилась чувств.

День и ночь бежал Тарзан через девственный лес к городу, где томилась любимая женщина. За сутки он преодолел тот путь, который пятьдесят воинов Опара преодолели в течение недели. Поспел ли он вовремя? Надежда сменялась отчаянием... Если она погибла, он, по крайней мере, отомстит за нее! Ему казалось, что у него хватит сил стереть с лица земли все население страшного города!

Около полудня Тарзан достиг той скалы, где начался тайный ход в подземелье. Как кошка, взобрался он по отвесной скале и через несколько минут уже мчался по темным подземным переходам. Наконец, он добрался до колодца, на противоположной стороне которого находилась комната с отверстием в стене. Задержавшись на краю колодца, человек-обезьяна услышал смутный шум, доносившийся к нему сверху. Его чуткий слух разобрал, что это за шум. Это был танец жрецов, предшествовавший жертвоприношению... Тарзан даже узнал знакомый ему женский голос. Неужели началось то, чему он так хотел помешать? Не опоздает ли он всего на какую-нибудь минуту?

Как испуганный олень, перелетел Тарзан через пропасть, отделявшую его от продолжения туннеля. Одержимый единственным желанием — успеть, бросился он разбирать стену, и как только отверстие позволило просунуть плечи, юркнул в темную комнату. Одним прыжком очутился он у двери. Но здесь ему пришлось остановиться: дверь была заперта снаружи...

В один миг несчастный понял, что усилия открыть дверь ни к чему не приведут. Оставался только один выход — назад, через длинные туннели, проникнуть тем путем, каким он шел когда-то со своим отрядом. Но было очевидно, что, идя круглым путем, он неминуемо опоз-

здает — ведь девушка, судя по всему, лежит в эту минуту на жертвенном камне.

Монотонный голос жрицы, несущий смерть, подсказал безумный план: добраться до верхнего отверстия колодца и оттуда проникнуть в храм. Ах, если бы он мог забросить конец своей веревки вверх! А почему не попробовать? Схватив один из больших камней, Тарзан привязал к нему конец веревки и, взяв камень в обе руки, бросил изо всей силы вверх.

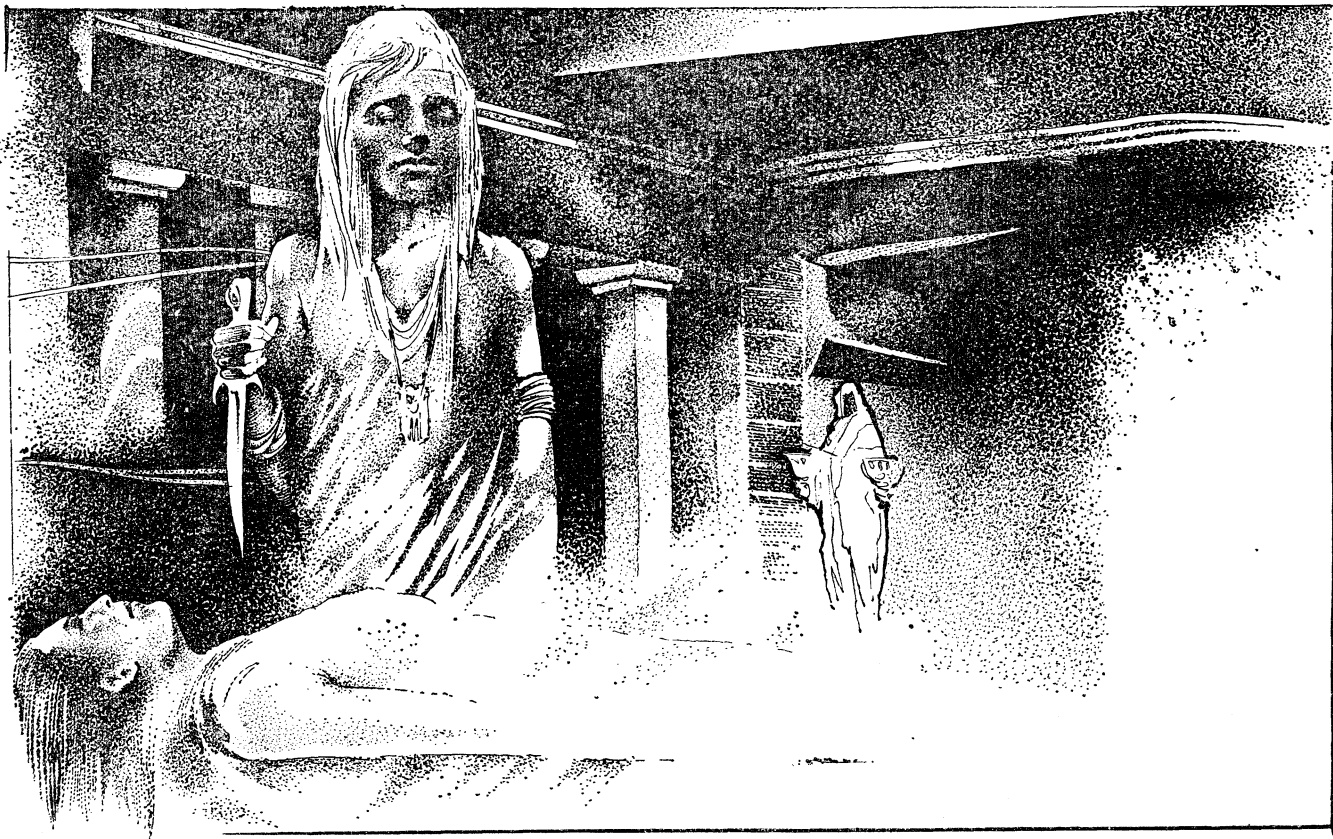
Камень не упал обратно в колодец, а остался где-то снаружи. Тарзан попробовал, крепко ли держится веревка, и через секунду уже повис над пропастью.

Тяжесть тела начала перевешивать камень. Тарзан почувствовал, что веревка опускается дюйм за дюймом. Успеет ли он достигнуть цели или упадет в неведомую глубину?

расположились жрецы и жрицы, которые, держа в руках золотые чаши, ожидали первых капель крови своей жертвы.

Рука Ла медленно опускалась над грудью тонкой, неподвижной фигуры, лежавшей на каменном алтаре. Тарзан с ужасом узнал бледные черты своей любимой. Кровавая пелена заволочла его глаза. С диким ревом, подобно льву, он бросился в самую гущу молившихся. Выхватив дубину у ближайшего жреца, человек-обезьяна расчистил себе дорогу к алтарю.

Рука Ла остановилась еще в тот момент, когда Тарзан показался в дверях. Узнав его, она побледнела: жрица никак не могла понять, каким образом ее белый пленник выбрался из тюрьмы, в которую она его бросила. Она не хотела отпускать Тарзана на свободу, потому что смотрела на его прекрасное лицо и мощную фигуру

XXV

В девственном лесу

Несколько мгновений Тарзан чувствовал, что веревка, на которой он висит, предательски скользит все ниже и ниже. Слышался даже звук трения камня о наружную поверхность стены. Наконец, благодарение богу, камень прочно застрял в какой-то расщелине. Тотчас же человек-обезьяна вскарабкался наверх и высунул голову над краем колодца. Двор был пуст. Все обитатели Опара пошли смотреть на жертвоприношение. Слышен был голос Ла, доносившийся из ближайшей части храма. Танец уже окончился. Наступило время появления на сцене ножа...

Счастливым случай привел Тарзана к самым дверям большого, открытого сверху зала. Между ним и алтарем

глазами женщины, а не жрицы. Она успела тогда придумать для своих соплеменников историю о том, что бог пламени сам приказал ей принять этого чужеземца как его посланца. Это удовлетворило бы всех, в том числе, конечно, и Тарзана. Он охотнее согласился бы стать ее мужем, чем лечь на жертвенный алтарь.

И вот, когда она собиралась в тот раз объяснить пленнику свой план, он исчез. Теперь чужеземец снова вернулся и ожесточенно напал на ее слуг, убивая их, как овец. Жрица забыла о своей жертве. Прежде чем она успела опомниться, пришелец уже стоял рядом с нею, держа на руках женщину, которую он поднял с алтаря.

— Берегись,— воскликнул он.— Ты спасла мне жизнь, поэтому я не причиню тебе никакого вреда: но не вмешивайся, не пробуй преследовать меня, не то я убью тебя!

Произнося эти слова, он направился ко входу в подземный коридор.

— Кто она? — спросила верховная жрица, указывая на лежавшую в беспмятстве женщину.

— Она — моя, — сказал Тарзан.

Несколько мгновений жрица смотрела на него широко открытым взором. Вдруг на ее глазах показались слезы, она протянула руки вперед и с криком упала на пол как раз в тот самый момент, когда оправившиеся от первого испуга жрецы бросились в погоню за Тарзаном.

Но Тарзана уже не было там, где они думали настичь его. Он исчез в коридоре, который вел к колодцу. Сообразив это, преследователи злобно рассмеялись. Они полагали, что нет иного выхода из подземелья, чем тот, у которого они стояли. Значит, беглецу не избежать их копий. Между тем Тарзан, неся на руках бесчувственную Джен, благополучно прошел по подземным ходам Опара, под храмом огненного бога, не слыша за спиной погони.

лицо девушки заставило его принять первое решение. Он не мог оставаться здесь с нею. Их могли окружить каждую минуту, а сопротивляться с хрупкой ношей на руках немислимо.

Спуститься по отвесной скале с бесчувственной мисс Портер было делом нелегким. Тарзану пришлось привязать ее к своей спине.

Тарзан успел пробежать около мили, когда появившиеся на вершине горы воины увидели его. С криком торжества они поспешили спуститься, надеясь быстро настичь беглецов. Но преследователи недооценили силы человека-обезьяны и переоценили свои.

Не особенно торопясь, Тарзан продолжал бежать, сохраняя устойчивую и безопасную дистанцию. Время от времени он с тревогой взглядывался в бледное лицо девушки. Если бы не слабое дыхание и тихое биение сердца, — можно было бы подумать, что она мертва.

Преследователи поздно вспомнили о том, что чужеземец один раз каким-то образом уже выбрался из подземелья. Они выслали отряд, человек пятьдесят, в долину.

После того, как Тарзан достиг отверстия в разобранной стене, он настолько уверился в благополучном исходе своего бегства, что перестал торопиться и даже позаботился поставить на место камни. Он боялся, что найденный им проход может быть обнаружен, и тогда ему не удастся еще раз вернуться в Опар за сокровищами.

Тарзан пробежал по подземному ходу, миновал дверь в сокровищницу и, наконец, очутился в длинном, узком туннеле, который вел на поверхность земли. Девушка все еще не приходила в себя. На гребне скалы человек-обезьяна остановился, чтобы в последний раз взглянуть на город. Внизу, в долине, он увидел отряд воинов. Несколько мгновений он колебался: попытаться уйти от погони или переждать ночь в укрытии. Мертво-бледное

Так Тарзан добежал до второй цепи гор. Ему было необходимо выиграть время, чтобы, взобравшись на вершину, сбросить на своих преследователей камни. План удался: он успел добраться до половины подъема на гору, когда воины Опара достигли ее подошвы.

С криками ярости воины устремились наверх, потрясая своими копьями и дрожа от бешенства. Тарзану удалось отбиться — позиция была выгодная для обороны. Затем Тарзан спустился по другой стороне утеса и скрылся в ближайшем лесу.

Он положил Джен на берег ручья и освежил водой лицо и руки, но и это не привело ее в чувство. Тогда несмотря на страшную усталость Тарзан снова взял ее на руки и где бегом, где скорым шагом устремился на запад.

Только к вечеру мисс Портер очнулась от глубокого обморока. Она не сразу открыла глаза, боясь увидеть снова страшную картину жертвенного обряда. Но вместо

храма и мрачного подземелья вокруг нее возвышалась сплошная стена зелени. Она почувствовала, что кто-то несет ее на руках, и услышала знакомый голос.

— Ты очнулась, Джен? — нежно спросил Тарзан.

— Да, — ответила она, и в первый раз за последний месяц улыбка осветила бледное лицо.

— Слава богу! — воскликнул он. — Кажется, я подошел вовремя.

— Вовремя? Что ты хочешь сказать?

— Вовремя, чтобы спасти тебя от смерти под жертвенным ножом, дорогая, — ответил он. — Разве ты не помнишь?

— Спасти меня от смерти? — растерянно спросила она. — Разве мы живы, Тарзан? Разве мы не умерли?

Он поспедел ее на траву, прислонив спину к дереву. Услышав ее странный вопрос, Тарзан пристально, с испугом посмотрел ей в лицо.

— Мне кажется, что я вижу сон, но скоро проснусь и снова увижу нож в руках жестокой жрицы. Поцелуй меня, прежде чем чудная греза исчезнет!

Ей не пришлось долго упрашивать Тарзана. Он обнял ее своими сильными руками и поцеловал не один, а сотню раз.

Несколько мгновений влюбленные молча смотрели друг другу в глаза, как бы еще не веря своему счастью. Прошлое, со всеми его ужасами, забыто, будущее скрыто от них, но настоящее всецело принадлежало им. Девушка первая прервала молчание.

— Куда же мы пойдем? — спросила она. — Что мы будем делать?

— А куда бы ты хотела идти? — спросил он, в свою очередь. — Что бы ты хотела делать?

— Идти туда, куда пойдешь ты, делать то, что ты будешь делать, — нежно прошептала она.

— Умерли? — повторил он и рассмеялся. — Нет, Джен. Мы живы, и, если ты пойдешь и спросишь об этом жрецов Опара, они подтвердят тебе мои слова.

— Но Элоиза и мосье Тюран сказали мне, что ты упал за борт в открытом море, далеко от земли, — сказала Джен, как бы стараясь уверить Тарзана в том, что он умер. — Они говорили, что это был несомненно ты и что вряд ли ты мог спастись.

— Как же мне убедить тебя в том, что я не призрак? — спросил Тарзан с улыбкой. — Да, милейший Тюран бросил меня за борт, но я не утонул. Я расскажу тебе все это когда-нибудь, только не сейчас. Я жив и снова стал тем же диким человеком, каким был когда-то.

Девушка медленно подошла к нему.

— Мне трудно поверить этому, — сказала она. — Трудно, после всех тех ужасов, которые я пережила со дня гибели «Алисы».

Джен положила свою нежную руку на его плечо.

— А Клейтон? — смущенно спросил он. Только теперь он вспомнил, что, кроме них, на земле существовал еще третий. — Мы забыли о твоём муже...

— Я не замужем, Тарзан, — тихо сказала Джен. — Я даже еще не помолвлена. Накануне того дня, когда эти отвратительные существа похитили меня, я рассказала Клейтону о моей любви к тебе — и он понял, что мне невозможно стать его женою. Это было сразу после того, как мы чудесным образом спаслись от нападения льва.

Она внезапно умолкла и вопросительно взглянула на него.

— Тарзан, это ты спас нас? Никто другой не мог бы этого сделать.

Он опустил глаза. Ему стало стыдно.

— Как мог ты уйти и покинуть меня? — сказала Джен укоризненно.

— Нет, Джен, нет, не говори так... Ты не знаешь, какие мучения я испытывал... Я ушел к обезьянам и в от-

чаянии решил никогда больше не видеть людей...

Он рассказал ей все: как он вернулся в джунгли, как стал вождем племени Вазири, как попал в город сокровищ.

Джен задавала ему множество вопросов и, наконец, робко спросила о том, что сообщил ей Тюрэн, — о женщине, оставленной им в Париже. Тарзан рассказал ей о происшедшем, ничего не пропуская, так как ему нечего было скрывать. Его сердце никогда не забывало Джен. Кончив рассказ, он посмотрел на нее, как бы в ожидании приговора.

— Я так и знала, что Тюрэн лгал, — сказала мисс Портер. — О, что это за ужасный человек!

— Ты не сердись на меня? — спросил Тарзан.

Ее ответ был истинно женским:

— Ольга де Куд красивая женщина?

Тарзан рассмеялся и снова поцеловал ее:

— Ты в десять раз прекраснее!

Джен положила голову ему на плечо, и Тарзан понял, что он прощен.

К ночи Тарзан соорудил на ветвях большого дерева шалаш, где и устроилась девушка. Сам он поместился в ближайшем дупле, готовый в любую минуту прийти на помощь.

Им понадобилось много дней, чтобы достичь морского берега. Там, где дорога была легка, они шли рядом; в труднопроходимых местах Тарзан брал любимую на руки. Дни казались им слишком короткими. Они были счастливы.

Уже находясь в одном переходе от берега, Тарзан почувствовал близость присутствия людей. Он сказал об этом девушке и попросил ее хранить молчание.

— В джунглях очень редко встречаешь друзей, — объяснил он ей свою осторожность.

Через полчаса показалось несколько черных воинов. Тарзан радостно вскрикнул. Это были его воины во главе с Бусули. Уже несколько недель они искали своего вождя и теперь были бесконечно рады неожиданной встрече. В сопровождении их Тарзан достиг берега моря.

Окрестности были пустынные, лишь невдалеке, на дереве, виднелся маленький шалаш. Тарзан подошел к нему, заглянул внутрь и, подозвав воинов, приказал одному из них принести свежей воды. Джен поднялась наверх и вошла внутрь шалаша. Оба они склонились над изнеможенным лицом Клейтона. Слезы показались на глазах девушки при виде впалых щек, потухших глаз и сухих, мертвенно-бледных губ.

— Он жив, — сказал Тарзан. — Мы сделаем все, что возможно, но боюсь, что мы опоздали.

Когда Бусули принес воды, Тарзан освежил лицо Клейтона и влил ему в рот несколько капель.

Клейтон поднял глаза. Слабый отблеск улыбки осветил его черты, когда он увидел склонившуюся над ним девушку.

— Ну вот и отлично, — сказал Тарзан. — Мы подошли как раз вовремя. Все устроится как нельзя лучше, и вы выздоровеете так быстро, что сами не заметите этого.

Англичанин слабо покачал головой.

— Слишком поздно, — прошептал он. — Я скоро умру.

— Где Тюрэн? — спросила Джен.

— Он покинул меня, когда я заболел. Это дьявол! Когда я просил у него воды, он выпивал ее у меня на глазах и смеялся прямо в лицо.

Вспомнив об этом, Клейтон словно ожил:

— Да, я буду жить для того, чтобы найти и уничтожить эту гадину.

— Не беспокойтесь, — сказал Тарзан, в негодовании сжимая кулаки. — Я не забыл Тюрэна и отомщу ему за все!

Долгое время Клейтон лежал спокойно. Несколько

раз Тарзан прислушивался к биению его сердца. К вечеру больной снова заговорил.

— Джен, — сказал он шепотом. — Я обидел вас и его, — кивок в сторону Тарзана. — Я не прошу прощения. Мне только хочется сделать то, что я должен был сделать еще год назад.

Он вытащил из своего кармана смятый листок бумаги желтого цвета и передал его девушке. Руки Клейтона опустились, он поник головой, и последний вздох вырвался из его груди.

Джен тихо шептала молитву. Слезы навернулись на глаза Тарзана. Он понимал, что значит страдание, и всегда болел душою при виде страданий других.

Сквозь слезы девушка дважды прочла послание на листе желтой бумаги, прежде чем поняла его странный смысл:

«Отпечатки пальцев доказывают вы Грэйсток. Привет. Д'Арно».

Она передала бумагу Тарзану.

— Он знал об этом и ничего не сказал тебе? — спросила она.

— Я знал это раньше него, Джен, — ответил Тарзан. — Я получил депешу еще в Висконсине.

— И после этого ты уверял нас, что твоя мать — обезьяна и что ты никогда не знал своего отца? — спросила она недоверчиво.

— Титул и богатство ничего не значили для меня без тебя, дорогая, — ответил он, — и если бы я отнял их у Клейтона, то ограбил бы тебя, Джен.

Казалось, он пытается оправдаться. Она протянула руки и обняла его со словами:

— Как я могла пройти мимо такой любви!

XXVI

Прощание с джунглями

Утром они отправились в путь к хижине Тарзана. Четыре Вазири несли тело умершего англичанина. Тарзан решил похоронить Клейтона рядом с последним лордом Грэйстоком.

Джен Портер одобрила решение Тарзана. Они прошли уже большую часть пути, и вдруг Вазири внезапно остановились, указывая на странную фигуру, бредущую навстречу им вдоль берега. Это был человек в блестящем цилиндре: он шел как сомнамбула, не замечая ничего, заложив руки за спину. Вглядевшись, Джен Портер радостно вскрикнула и бросилась навстречу. При звуке ее голоса старик поднял голову и вскрикнул облегченно и радостно.

Профессор Портер заключил дочь в объятия, на его глазах блеснули слезы, и он в течение нескольких минут не мог сказать ни слова.

Когда он узнал Тарзана, Джен пришлось потратить немало усилий, чтобы убедить в том, что радость не помутила его рассудка. Как и все, он был настолько убежден в смерти человека-обезьяны, что поколебать эту уверенность удалось только тогда, когда он хорошенько рассмотрел и оцупал «лесного бога».

Профессор был потрясен смертью Клейтона.

— Я никак не могу понять, в чем дело, — говорил он. — Мосье Тюрэн уверил нас в том, что Клейтон умер на его руках и им похоронен.

— Тюрэн — с вами? — спросил Тарзан.

— Да, он не так давно разыскал нас и указал дорогу к вашей хижине. Воображаю, как он будет рад видеть вас обоих!

— Рад и удивлен! — добавил Тарзан угрюмо.

Вскоре путники вышли на поляну, к хижине человека-обезьяны. Вокруг нее было много народу. Тарзан прежде всего увидел д'Арно.

— Поль! — воскликнул он. — Как вы здесь очутились? Неужели все это не сон, не галлюцинация?

Вскоре все объяснилось. Корабль под командованием д'Арно крейсировал вдоль берега, неся патрульную службу. По его приказанию судно стало на якорь у входа в бухту. Д'Арно высадился на берег, чтобы взглянуть на хижину, где два года назад было им пережито так много удивительных приключений. На берегу они нашли лорда Теннингтона с его спутниками. Д'Арно обещал взять их на борт корабля и доставить в цивилизованный мир.

Элоиза Стронг, ее мать, Эсмеральда и Самюэль Филадельфер были страшно обрадованы, увидев Джен Портера. Ее спасение казалось чудом. Все сошлось на том, что виновником его мог быть только Тарзан. Его осыпали таким множеством похвал и поздравлений, что гиганту захотелось бежать от людей обратно к обезьянам.

Все окружили носильщиков Вазири. Черные воины получили много подарков от друзей своего вождя. Они были искренне огорчены известием, что Тарзан собирается отплыть на большой лодке и не скоро вернется обратно.

Среди встречавших не было лорда Теннингтона и Тюрана. Рано утром они ушли на охоту и еще не вернулись.

— Как удивится этот Роков, как ты его называешь, увидев тебя, — сказала Джен Тарзану.

— Его удивление будет недолгим, — ответил человек-обезьяна, сжимая кулаки. На губах его мелькнула зловещая улыбка. Джен с тревогой посмотрела на него. Это лишь подтвердило ее опасения. Она взяла его за руку.

— В джунглях, — сказала она, — где нет другого права, кроме права сильного, — ты мог бы поступить с этим человеком так, как он того заслуживает, но всякая расправа с ним сейчас, когда у тебя есть возможность передать его в руки французских властей, была бы преступлением, которое повлекло бы за собою твой арест. Обещай мне, что передашь его капитану и предоставишь правосудию решить его судьбу. Он не стоит того, чтобы из-за него рисковать своим благополучием.

Тарзан понял все благообразие ее слов и дал требуемое обещание.

Через полчаса Роков и Теннингтон вышли из джунглей. Теннингтон первый заметил незнакомцев. Он увидел черных воинов, матросов, наконец, высокого, загорелого молодого человека, беседовавшего с д'Арно.

— Кто это такой? — спросил он Рокова. Тот взгляделся, и когда его глаза встретились с глазами Тарзана, задрожал и побледнел, как полотно.

— Проклятие! — воскликнул Роков, и прежде чем Теннингтон успел сообразить, в чем дело, вскинул ружье и, прицелившись в Тарзана, нажал собачку. Но англичанин стоял так близко, что успел вовремя ударить его по руке. Пуля, предназначавшаяся Тарзану, прожужжала над его головой. Прежде чем Роков успел выстрелить еще раз, Тарзан метнулся к нему и выбил оружие из рук. Капитан Дюфрен, лейтенант д'Арно и несколько матросов окружили их. Тарзан в двух словах объяснил им суть дела. Капитан приказал связать Рокова и отправить его на корабль.

Тарзан попросил позволения обыскать Рокова и, к своей радости, нашел в подкладке его костюма украденные документы. Проводив Рокова до лодки, которая должна была доставить его на корабль, Тарзан подошел к Теннингтону. Джен Портер представила его.

— Джон Клейтон, лорд Грэйсток.

Англичанину не удалось скрыть своего изумления под маской светской невозмутимости. Пришлось много раз повторять и объяснять ему все происшедшее, прежде чем он убедился в том, что его не дурачат.

С заходом солнца они похоронили Уильяма Сесила Клейтона рядом с могилами его дяди и тетушки, лорда и леди Грэйсток.

Профессор Портер произнес краткое надгробное слово и совершил все требуемые обрядом церемонии. У могилы, с обнаженными головами, стояла чрезвычайно странная компания: французские офицеры и матросы, два английских лорда, американцы и отряд черных воинов.

После погребения Тарзан попросил капитана отсрочить отплытие корабля на пару дней, так как хотел пробраться в глубь страны, чтобы найти там свои «пожитки». Капитан согласился на задержку.

К вечеру следующего дня Тарзан в сопровождении своих воинов вернулся с первым грузом. Когда глазами присутствующих явились слитки чистого золота, всеобщему удивлению не было границ.

— Я оставил там еще тысячи и тысячи таких слитков. Когда я истрачу эти, то вернусь за новыми.

После того как золото было погружено на корабль, капитан Дюфрен сказал, что теперь он чувствует себя командиром испанского галеона, возвращающегося из золотоносной страны ацтеков.

— Я боюсь, — добавил он шутиливо, — что команда в один прекрасный день выбросит меня за борт и завладеет кораблем со всеми его богатствами.

Когда все было готово к отплытию, Тарзан сказал Джен Портеру:

— Говорят, диким зверям не свойственна сентиментальность, но я, тем не менее, хотел бы венчаться в хижине, где увидел свет и провел детство и юность.

— А разве это осуществимо? — спросила Джен. — В таком случае, я не знаю лучшего места для нашего венчания, чем дикая чаща, в которой явился мне мой лесной бог.

Спутники нашли, что такое венчание вполне законно и явится достойным завершением необычайного романа.

Все собралось в хижине. Д'Арно был шафером, Элоиза Стронг — прелестной шаферицей. Профессору Портеру предложили совершить обряд венчания.

Теннингтон и на этот раз остался верен себе: ему пришла в голову одна из его обычных «блестящих идей».

— Если мисс Стронг ничего не имеет против, — сказал он, взяв за руку стоявшую рядом с ним Элоизу, — мы просим заодно обвенчать и нас.

На следующий день корабль покинул берега Африки.

Тарзан и его жена посылали прощальный взгляд диким, девственным джунглям, постепенно исчезающим вдаль. На берегу черные воины, потрясая копьями, отдавали последние почести покидавшему их вождю.

— Мне было бы больно, — сказал Тарзан, — расстаться с родными джунглями, если бы я не знал, что вступаю в новый, счастливый мир, где ничто не разлучит меня с тобою, моя дорогая Джен!

Сказав это, он наклонился к молодой жене и нежно поцеловал ее.

КОНЕЦ ВТОРОЙ КНИГИ

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Третья книга известного американского писателя Эдгара Берроуза «Тарзан и его звери» будет опубликована во второй половине 1991 года.

По согласованию со Свердловской «Союзпечатью» подписка восстанавливается и принимается вновь всеми органами «Союзпечати» страны. Индекс «Уральского следопыта» в каталоге РСФСР — 73413.

РИСУНКИ ДМИТРИЯ ЛИТВИНОВА

**Психотерапевт из г. Орска
Всеволод Тихонов:**

«ЗАЩИЩАЮ ВАС ОТ... ВАС САМИХ»

— Скажите, Всеволод Николаевич, перестройка отозвалась каким-то резонансом в вашей врачебной практике?

— Не резонансом, а прямым действием. Во-первых, появилась возможность создать свою клинику. Когда мы с другом вложили деньги от проданного имущества и гаражей, все говорили: «Вот два дурака!». Теперь, когда дело пошло — смехи прекратились. Наша клиника — при нефтеперерабатывающем предприятии. Она платная. Но в ней никогда не будет порочной «затратной экономики»: сколько лекарств израсходовали — столько и дадут; будет столько, сколько надо, и такие, какие надо (хотя я лично лекарств стараюсь избегать). Мы закупили современное оборудование и приборы, и если кто-то пришел лечиться от депрессии, а у него сахарный диабет, или вместо невроза псориаз — пациент об этом узнает, не мотаясь по кабинетам и не сдавая многочисленные анализы. Мы всеми силами избежим порочной практики, идущей от заматанности и перегруженности советских врачей, когда силою всех обстоятельств и нудным неэффективным лечением они невольно вынуждены внушать болезнь, а не избавлять от нее; а когда врач внушает болезнь — это ужасно.

Во-вторых, появились сеансы, которых никогда не было. Пригласили меня в древесностружечный цех на комбинате строительных материалов. Цех приватизирован. Обстановка нервная, идет период притирки, женщины с детьми становятся обузой, 400 человек в замкнутом круге... И я его разрываю. Потом пригласили в горком партии. Невротизация такая, что все сидят, как на пороховой боч-

ке... Люди смотрят каждый в себя. Я защищаю их от самих себя, объясняя, что не нужно видеть врага друг в друге, отгоняю отчаяние, развеиваю их душевные страдания.

— Вы — и психотерапевт, и психолог?

— Я защищал диссертацию по социальной психиатрии. Для меня даже руководителя не нашлось: вместо психолога назначили социолога, хотя в нашей медицине нет специалистов разве что по левому и правому глазу... Мое счастье: никто ничего не понял, ни одного вопроса не было. А неплохо было бы к такому кризису, как у нас в стране, даже прежде экономистов, подготовить кадры социальных психiatров.

— Кого легче лечить: начальников или подчиненных?

— Для нас они все пациенты. Трудно лечить одержимых идеей. У меня был такой пациент, из правдоискателей — по собственной инициативе все везде контролировал, и однажды, на молокозаводе, он так «внушил» свои ревизорские функции, что была уничтожена огромная партия сметаны. Он оказался просто больным человеком, который решил, что в одиночку может все исправить. Так что и правдолюбцы — это не однозначно. Мой пациент, очевидно, смотрелся на плохих начальников.

— А вы что сами предпочитаете: быть начальником или подчиненным?

— Я никогда не был подчиненным, мне кажется, я уже в три года чем-то руководил. Это не спесь — просто я могу все. В шесть лет начал рисовать, сначала акварелью, потом

Время чудес пришло, хотя... все старо, как мир. Сегодня мы верим в телекинез и биоэнергетику, в бесконтактный массаж и магнитные браслеты, в инсплантаты и полтергейст, пытаемся разгадать секрет знахарей и гадалок, вдумываемся во всяческие поверья, которые раньше считали бабушкиными сказками. Еще вчера большинство людей не связывали свое бытие ни с астрологами, ни с магнитными бурями, ни с солнечной активностью, ни с полнолунием... Наше невежество было потрясающим. А ведь в то же полнолуние врач прошлого века никогда не рискнул бы пустить кровь пациенту, и еще средневековые медики именно полнолунием объясняли беспокойство у психобольных или, например, увеличившееся количество родов.

В теснины нашего разума направлена нынче и психиатрия — не на борьбу с «политически неблагонадежными», а на защиту нас и в помощь нам. Сегодня мы, с точки зрения этой науки, больны все, потому что вокруг нас — кризис, и он не может не быть внутри нас. Ну, что ж. Вспомним древнего философа Августина, раз все старо, как мир: «Люди испытывают страдания настолько, насколько поддаются им» — и начнем разговор.

маслом, темперой. В 12 лет летал на планерах. В 16 стал чемпионом по штанге. В 19 меня выгнали из летного училища, кстати, как раз за неподчинение.

— Откуда это в вас, можете объяснить?

— Могу. Дед у меня был неконформист. Он дал клятву самодержавию, но внутренне всегда чувствовал себя свободно — мог, будучи в небольших чинах, выставить из дома генерала. Вопросы долга и чести для него имели смысл. Отец попал в струю утопической идеологии, но я ему всегда говорил: «Отец, ты «язычник», но спасибо, что никогда ничего не украл на заводе». Когда я в первый раз подражал в песочнице, отец надолго отбил у меня это желание. Но жизнь есть жизнь: в 1949-м я умел обойти, пролезть через очередь, в отрочестве много раз пробивался домой на кулаках. Я — сильный, я выжил и остался внутренне свободен, как дед.

— Вам приходится лечить многих людей. Приходилось ли лечить себя?

— Может быть, и пришлось бы, если бы я кое-чего не понял сам. Была история... За три дня до поступления в аспирантуру я попал в аварию, был очень сильный испуг. Последствия сказались через полгода: я сплю, но хватает воздуха, ощущение — сейчас умру. Состояние было очень опасным, оно доводило меня до рефлекса — снять я его не мог. И вот однажды я решил пойти на браконьерскую рыбалку (грешен!). После нее вся моя болезнь ушла, и я долго ничего не мог понять. Интуитивно дошел до разгадки, читая ро-

ман Д. Келлера «Что-то случилось». На рыбалке я нес сети, рыбу и очень боялся инспекторов рыбоохраны. От страха произошел перелом. В народе про такое говорят: чем ушибся — тем лечись. Во всякой болезни не нужно, прежде всего, паниковать. В человеческом организме сокрыты такие силы, что надо всегда уповать на себя как на первого врача. Конечно, хорошо, когда человек сам может разложить в уме все по полочкам, соединить все обстоятельства, установить причину — но, как говорится, умны только боги... В прошлом, например, были священники: исповедь — это ведь избавление от страданий. И вся нынешняя психотерапия направлена на причины, из-за которых идет угасание защитных свойств — нервной системы и иммунных сил, на то, чтобы убрать тревогу, страх, волнение. Чтобы не возник невроз навязчивости, чтобы не впадал человек в отчаяние.

— Вы не могли бы рассказать о некоторых своих пациентах?

— О тех, которые приходят на сеансы?.. Ну вот, в Свердловске, у вас, на Уралмаше, привел муж жену, оба преклонных лет. Женщина полгода маялась — рвота, никакие диеты ее не помогают. Муж буквально принес ее на себе — она могла только сидеть. Домой она пошла сама, и в тот день съела картошки с помидором — без всякой рвоты. Чудо?.. Никакого чуда. Женщину, что называется, «залечили». Конечно, чтобы знать дальнейшее, надо было ее наблюдать, у меня такой возможности не было; но я надеюсь, что все хорошо, раз была такая реакция. Нам дан колоссальный запас сил — даже в больном, измученном организме он есть. Я всегда вспоминаю Веру Фигнер: сорок лет просидев в Шлиссельбургской крепости, она дождала до ста лет. В самом человеке должно быть чувство протеста против недугов и вера в то, что не это, так то обязательно поможет. Нельзя падать духом — вдумайтесь в эти слова!

— Вам самому тяжело бывает на сеансах?

— По-всякому. Бывает, что больные нейродермитом уходят спокойно, а я начинаю чесаться. Все сеансы я провожу голодным — вся энергия должна идти в зад, так что «бумеранг» случается.

— Вот такой вопрос. Сейчас наблюдается массовое обожание кумиров, особенно рок-звезд и особенно среди девочек из ПТУ. Если бы вас попросили поставить диагноз этому явлению, какое заключение вы бы дали?

— Давайте логично рассуждать. Рок-музыка — это своего рода ша-

манство, влияние ритмов — ну, это не ново. Дальше. Ограниченность, ущербность индивидуума ведут его к стадности. Стадность создает эталон поведения. Стадность всегда рядом с серостью. Я называю это «синдром оловянных солдатиков». Согласитесь, что диагноз скорее социальный, чем медицинский.

— А вы могли бы справиться с таким диагнозом?

— Вылечить одного, двух, группу?.. Думаю, что мог бы, только вряд ли это нужно. У большинства из этих девочек любованье со стороны чужой красивой жизнью — единственный смысл их собственной жизни. А мне нечего дать им взамен.

— Ваше отношение к области таинственного, от телесеансов до заговоров?

— Вы знаете, в народе всегда есть склонность к мистике. Бабули тоже действуют на невротические центры — иногда удачно, иногда впустую, а иногда бывает опасно. Параноидальную истерию бабулям вылечить не под силу. Что касается телесеансов... Поставьте перед сессией Верховного Совета, хоть СССР, хоть РСФСР банку с водой — уверяю вас, она намагнитится «погуше», чем Чумаков это делает, что все объясню. Единственный раз я выступал на телевидении (на сцену вообще не пойдю) и понял: это цирковое — это не врачебное. При всех возможностях психодисперсаторов эстрадные гипнотизеры, например, в большинстве своем работают на обывательский интерес в 5 рублей. Хирургу вы же не скажете: покажи сначала фокус, а потом режь... Согласен, что-то должно быть на обочине науки, но я — сторонник чистых опытов.

— Вы никогда не думали: есть ли у вас коллеги в других областях, не имеющих отношения к медицине?

— Да-а. Я считаю очень тонким психологом Булгакова. Он дал точный политико-психологический диагноз обществу. Правда, в сталинскую эпоху он не мог этого сделать напрямую, но историю одного больного шизофреника, рассказанную ему профессором Краснушкиным, он прекрасно воплотил в «Мастере и Маргарите». Я думаю, и пьеса — не фильм, а пьеса — про Ивана Васильевича, который меняет профессию, современна и сегодня.

— Вы сказали: «больной» шизофреник, а бывают «здоровые»?..

— Вот одно очень интересное высказывание — доцента из Иркутска Владимира Андреевича Хмурова — я вам приведу: «Если бы не было маниакальных больных — не было бы юмора; если бы не было депрессив-

ных — не было бы совести; не было бы шизофреников — не имели бы мы физиков и математиков». Шизофреники придумали первую цифру и первое колесо. вспомните, как в народе в старину опекали блаженных? И постерегитесь бросаться словом «чокнутый» сегодня... Погружение в себя, которое часто сопутствует психическим заболеваниям, раскованность, откровенность от правил, свобода от комплексов рождают в человеке иногда способности великие. Здесь грани очень тонкие, чем, кстати, пользовались преступные врачи, сажавшие в психушки людей по чьему-то указу. Наша задача — «здоровых» шизофреников не лечить, а держать их в рамках.

— Как вы думаете, чего в жизни больше — зла или добра?

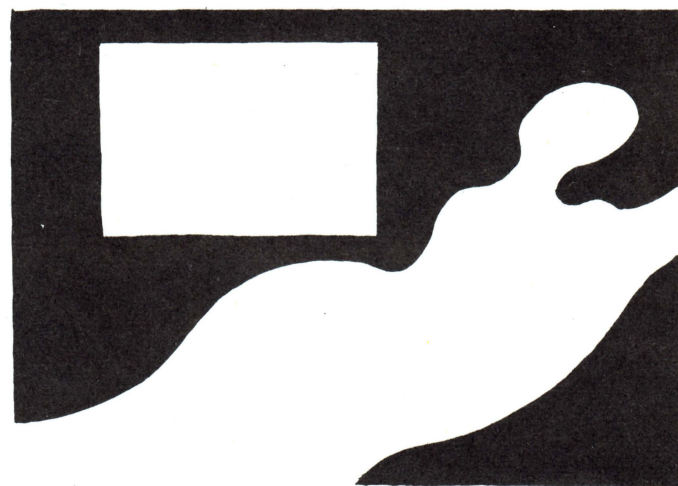
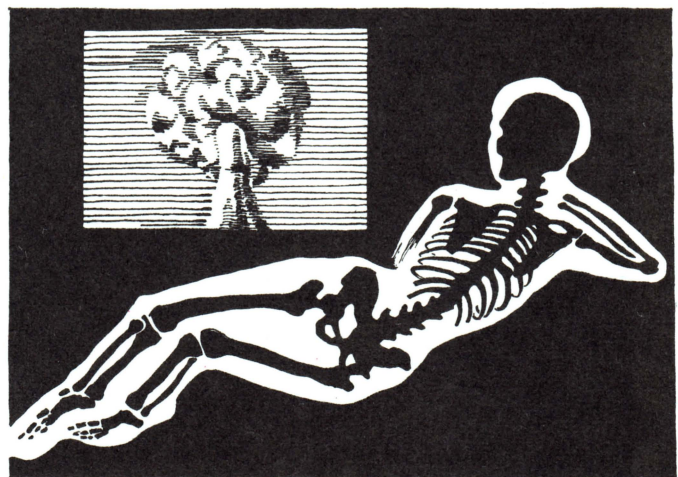
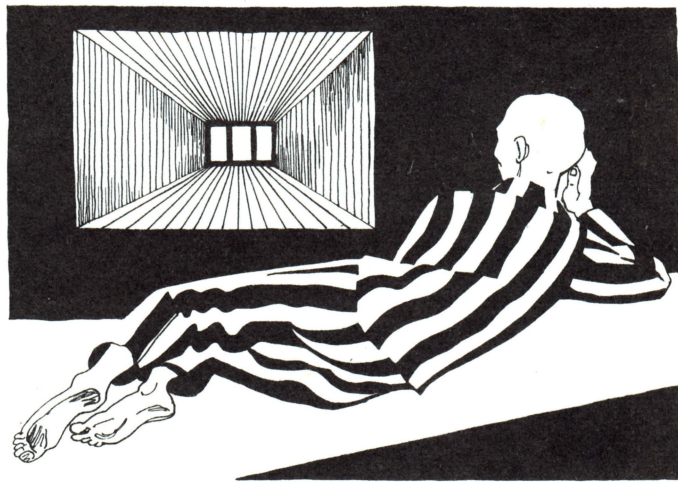
— М-м... Без боли здоровья не бывает. Я думаю, в жизни — как в сказке: зло всегда заплатит. Жадный заплатит дважды, неискренний тоже.

— Всеволод Николаевич, вы справляетесь с большими аудиториями, персонально с каждым пациентом, но вот вам дана аудитория в 250 миллионов. Если бы вы были главным психиатром страны, какую задачу вы бы себе поставили?

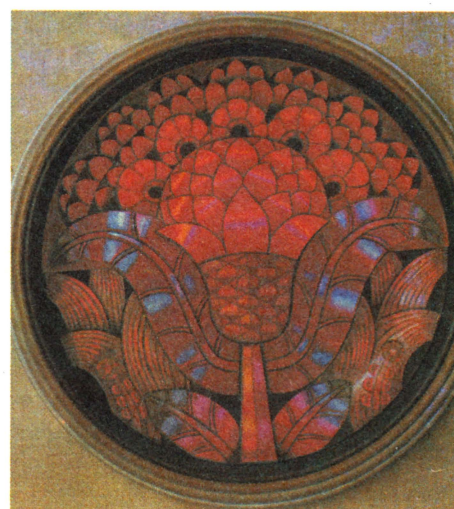
— Вы знаете, я всю жизнь думал над формулой Маркса «сначала бытие, потом сознание». Она не безупречна, Маркс вывел ее, основываясь на опыте западных цивилизаций. Но есть народ, который всем своим опытом — безоглядной склонностью к подвигу, терпением, самопожертвованием, верой — доказал обратное. Это русский народ. И первое, что бы я сделал — вернул бы его к своей, православной вере, природа которой больше гармонирует с духовным, а не с мирским. Пока на нас шквалом идет что-то из католицизма — с новыми формами хозяйствования, с новыми определениями культурных ценностей; мы становимся изнеженными, что нам не свойственно, склоняемся к рационализму в распределении даже личных сил. Эта «аннексия» не пройдет даром. Конечно, надо прежде всего устранить вешизм, потребительский ажиотаж, надо накормить звериные инстинкты, которые в нас проснулись. Но потом вернуться в свое, веками нам привычное состояние. А русская нация — это состояние души.

— Спасибо вам за беседу.

Интервью вела Н. ШИРОКОВА

Рыжков Алексей родился в 1961 году. В 1982 году окончил Свердловское художественное училище. В 1985—1987 г. был вольнослушателем в институте им. Репина. С 1987 года участник городских и областных выставок.

Модели мира НА ТАРЕЛКАХ

Майя
МАРЬИНА

Николай Игнатьевич только что закончил очередную свою работу. Двенадцать больших расписных гипсовых тарелок скоро уедут куда-то в Казахстан, в детский сад. Конечно, название «тарелки» достаточно условное — это очерченные по кругу формы, на чуть вогнутой поверхности которых оживленные кистью художника разворачиваются волшебные цветы, плавно двигаются рыбы, покачиваются травы... Там, куда их увезут, они сначала всех удивят, потом примелькаются. Потом их перестанут замечать совсем, вспоминая время от времени, когда придет пора вытирать пыль, и будут равнодушно водить по ним тряпкой, как по всякому другому неодушевленному предмету. Но, может быть, какой-нибудь ребенок остановит на них свой задумчивый взгляд, смутно догадываясь о чем-то таинственном и прекрасном. Пока же двенадцать ступков теплоты, двенадцать мерцающих проявлений жизни освещают строго, даже суровую мастерскую художника Золотухина. Я рассматриваю их, греюсь в их свете и думаю, как мне начать свой рассказ о художнике...

Может быть, сообщить сразу же, что он монументалист и работает в Свердловске с 1966 года, после окончания Ленинградского высшего художественно-промышленного училища им. Мухомовой, и оформил уже немалое количество интерьеров детских садов, столовых и прочего; что он участник многих выставок и местного, и более высокого ранга. А может быть, сосредоточить внимание на том, что это художник очень серьезных формальных поисков, разрабатывающий в своем творчестве проблемы взаимоотношений формы и среды, движения и жизни формы в пространстве. В первую очередь — в малом пространстве изображения... И достигающий в этом значительных успехов... И влияющий на современное развитие пластических идей в художественной жизни города. Или, быть может, поразмышлять о том, что он малоизвестен даже среди своего брата художника, хотя о нем довольно часто пишут газеты, искусствоведы отмечают его работы в обзорах больших выставок; его имя упоминается и в столичных изданиях о советском монументальном искусстве... О том, что малая известность, это, наверно, общий удел монументалистов сегодня... что же касается Золотухина, то, возможно, причина еще и в том, что в контексте разрабатываемых сегодня советским искусством проблем сюжеты его кажутся слишком простоватыми, к тому же и техника, в которой он работает (и в которой сделал лучшие свои вещи) — роспись и резба по гипсу, — воспринимается как несерьезная. Хотя это техника сложная и чрезвычайно трудоемкая. Может быть, кажется странной его слишком большая сосредоточенность на своем деле — такая большая, что переходит в замкнутость. Может быть, кажется непонятной и неприемлемой его упорная последовательность в отношении темы, которую он разрабатывает в течение своей творческой жизни — когда цветы, травы, рыбы, птицы, варьируясь, бесконечно сменяют друг друга... и снова цветы, травы... «Все это профессионально, и красиво, но сколько же можно? И где же здесь Человек?» — слышала я такие отзывы.

И вот тут я понимаю, с чего надо начинать — с самого,

как мне кажется, важного сегодня. С очень большой сегодняшней проблемы: взаимоотношений Художника и Зрителя, Художника и Общества.

Наблюдения показывают, что общество проявляет определенный интерес, предъявляет требования, но воспринимать пока не способно. Да и художник не знает сегодня, как говорить на языке этого огромного, многоликого, непонятного и, в общем-то, загадочного субъекта; да и считает, видимо, что это не его проблемы. Художник существует в одной системе художественных ценностей, потенциальный потребитель его — в другой, скорее, даже в других — потому что таких систем несколько. Развитие этих культурных «систем» и «подсистем» происходит довольно самостоятельно, по своим внутренним законам. И неясно, может ли когда-нибудь возникнуть между ними взаимопонимание. Примеры, когда кто-то из художников достигает «всеобщего признания» и «горячей народной любви», показывают, что для этого ему приходится «выходить» из области художественной культуры, перемещаясь в культуру «псевдохудожественную», как называют ее специалисты. Современные экспрессивные, трагические, с элементами разрушения пространства и формы (хотя и не обязательно) направления тоже имеют своего преданного зрителя — но это в количественном отношении небольшая социальная группа, представляющая, в основном, интеллигенцию. Зрители этих групп никогда не понимают друг друга, категорически не принимая «чужих кумиров». Эти группы выражают наиболее четко оформившиеся зрительские привязанности. И все-таки есть одна область в искусстве, в которой могут пересечься художественные интересы и понимание разных существующих сейчас культурных систем. Это фольклор, структуры фольклорных ценностей. Николай Золотухин работает именно в этой области. Его цветы, травы, рыбы, птицы — это разработка близких к народному пониманию идей пространства, формы, цвета и вообще смысла этого мира.

Тут уместно сказать, что родом Николай Золотухин из небольшого украинского поселка Снежное, туда и поныне приезжает он каждое лето, там делает свои карандашные зарисовки, там изучает движение и жизнь листьев, сообщества листьев; там светят ему во множестве яблоки, сливы, груши; там переносит он на бумагу шуршание травы и дрожание воздуха след пролетающей птице... Оттуда, с родных мест, принес художник свойственную украинским народным росписям избыточную насыщенность цвета, повышенное внимание к цветам и травам — как выражению богатства и торжества жизни.

И создание через декоративное, знакомое, что в то же время странно преображенное — глубокой и емкой модели мира.

Этот мир самодостаточен и прекрасен, и все его части соединены в гармонии и порядке. И хотя этот мир существует безотносительно к человеку и независимо от него, и человек совсем не является центром его, — гармония и порядок этого мира и есть благо для человека. Это древняя, идущая из глубины веков философская концепция. Концепция упорядоченного гармонического мира, который, однако, доступен не каждому. Который можно пытаться деформировать, но, тем не менее, он сохраняет свою устойчивость.

...В этом разумном и упорядоченном мире, как полагал древнегреческий философ Платон, существуют «идеи» всех вещей, которые стремятся воплотиться в форму и стать вещью. У Золотухина «идеи» останавливаются где-то на полпути. Они уже воплотились, но остались еще как бы идеями. Это и придает странную загадочность его работам, сближает их с фольклором, в котором не столько изображается, сколько выражается смысл предмета, превращая все изображение в отпечаток не определенных словами, изначальных, затаенных смыслов.

Воспринимая мир упорядоченным и эстетически окрашенным, Художник и Зритель могли достичь взаимопонимания. Могли бы. Может быть, это и будет?

ВОКРУГ ПАЛЬЦА

Повесть-пародия

Сергей
СИЛИН

Рисунки
Игоря Кожевникова

1. Секунда молчания

— А, Джеймс,— бурчит шеф. Мое появление его ничуть не радует.
— Шеф, не хочется мне никуда,— говорю я с порога, намекая на то, что вчера вернулся из Парагвая, а позавчера из Венеции.

— А мне хочется? Думаешь, мне не надоело плести нити заговоров?

Мы закуриваем, глядя друг другу в глаза.

Шеф у меня замечательный. Какие бы катаклизмы не сотрясали наше управление, он неизменно спокоен, как лесной сугроб.

— Как у тебя в смысле прочных знаний по научному коммунизму? — спрашивает, наконец, шеф.

Я поднимаю и опускаю брови.

— Ясно,— укоризненно произносит шеф и достает из сейфа папку с грифом «суперсекретно». В папке, как водится, шифровки, донесения, фотографии.

— Сколько у меня будет времени? — тоскливо интересуюсь я.

— Три дня.

— Обижаете, шеф.

— Справишься. Мы что, зря тебе по ставке супер-агента платим?

Вопрос риторический, поэтому я на него не отвечаю.

Честно говоря, давно мечтаю оставить грязную ниву разведки. Но пока на что-то надо вести буржуазный образ жизни, да и просто жить.

Выйсняется: моя задача — установить истину в первой инстанции. То есть, узнать, что случилось с неким Джордано, нашим глубоко законсервирован-

Действующие лица:

Джеймс Бомж — эмиссар иностранной разведки,

Максим Исаевич Тихов — начальник местной контрразведки,

Элеонора — резидент иностранной разведки и другие.

Действие происходит на территории невидимого фронта.

ным резидентом, попавшим в сумасшедший дом русских.

— Может, и необязательно посылать тебя, но Фрэнк в тюрьме, — без тени смущения оправдывается шеф. — Представляешь, его выдали шнурки на ботинках!.. Приехал, дурак, в страну, где должен был осесть, со шнурками, завязанными бантиком. А тамошние мужики имеют обычай завязывать их морским узлом. Ну и... нашелся бдительный чистильщик обуви, который на эти шнурки обратил внимание. А ведь сколько раз я его предупреждал: не покупай ботинки со шнурками...

Мы встаем и секундой молчания чтим память Фрэнка.

2. За железным забором

Вечером я покидаю Центр с головной болью от консультаций наших советологов.

Спешу сесть в машину, в свой в меру приметный «Форд», но слух о моей новой шашке, как всегда, опережает. Терпеть не могу слухи и сплетни!

— Опять к русским, Джеймс?! — заискивающе кричит через дорогу знакомый негр-киоскер, трудящийся на корейскую разведку.

Но не так-то просто получить от меня несанкционированный Центром ответ. Не проронив ни слова, я открываю дверцу машины и, подождав, пока она взлетает в воздух, сажусь в запасную. Я всегда езжу на двух машинах сразу.

Дома я ужинаю, достаю мешок. Вытряхнув пыль, укладываю в него зубочистку, джинсы, жевательную резинку, туалетную бумагу.

А с первыми пегухами, если можно так выразиться про наш утренний смог, дежурный техник диверсионного отдела привозит старый унитаз с искусно нарисованными трещинами и пятнами.

Мэри с детьми на Багамах, теща на Таити, и на этот раз меня никто не провожает.

Часа через два мягкого автобусного покачивания и ходьбы по пересеченной местности я останавливаюсь у ржавого забора, ограждающего лагерь социализма от внешнего мира. Скрытно перебрасываю мешок с вещами, выкуриваю последнюю сигару на родной капиталистической земле и перебираюсь сам.

Внизу меня встречает первое непредвиденное обстоятельство: я не нахожу мешка.

Но так как настоящий профессионал всегда готов к незапланированным случайностям, то я не расстраиваюсь, а выхожу на тропинку, сплошь усеянную окурками, шелухой от семечек и еще бог знает чем.

За первым же поворотом мне встречается прилично бритый мужик с авоськой.

— Слушай, друг, — говорит мужик. — Я по этой тропинке на Даунинг-стрит выйду?

— Это в Лондоне, — укоризненно говорю я.

— Да ну! — удивляется мужик. — А мне бабы сказали, прямо идти.

— До забора прямо, там налево.

— Ясненько, — улыбается мужик. — Вообще-то, я мир посмотреть пошел. Тоска. А ты к нам с какой целью?

— С разведывательно-подрывной.

— Но! — не верит он.

Я показываю ему справку из Лэнгли.

— Первый раз живого шпиона вижу, — удовлетворенно говорит мужик. — Не страшно?

— Привык, — успокаиваю его я. — Мусорят-то ваши? Или наши следы заметают?

— Наши! Наши! — радуется мужик. — Но ты не сомневайся, народ у нас душевный. Нигде в мире больше такого народа нету, токо у нас...

В последнем я все же сильно сомневаюсь, но молчу. Дураку ясно, что самый лучший в мире народ — американцы.

Через час я украдкой вхожу в город N., покрытый лозунгами, как больной — сыпью, отыскивая нужный мне оборонный объект и, предъявив фальшивый пропуск, оказываюсь на его территории.

3. Операция «Картошка»

Вскоре я уже шагаю по стружке мимо работающих станков и валяющейся в лужах воды ржавой оснастки, окруженный непривычными моему шпионскому уху звуками: гулом, ревом, шипением, визгом, скрежетом и крепкими выражениями.

Курилку, этот центр местной информации, я захожу в конце цеха. Заведение представляет собой огороженную небольшим барьером скамейку, над которой красуется устрашающе черная надпись: «Не курить!». Рядом с ней висит потрепанный жизнью плакат с превращающимся в змею окурком и заботливым предупреждением Минздрава о вреде курения.

Под всей этой агитацией добросовестно вредят своему здоровью сразу три человека. Двое в кирзовых сапогах и пьяном виде на одном конце скамьи, третий, в куртке мастера и трезвом состоянии, на другом.

Я подсаживаюсь к третьему и интересуюсь, где мне найти лучшего пропагандиста цеха товарища Лапко.

— Много их, — неохотно отзывается мастер, не поворачивая головы, — всех не упомянешь...

Кирзовые сапоги на другом конце скамьи Лапко также не знают. Не знают Лапко на участках и в диспетчерской, в кладовой и бензопромывке. Табельная оказывается закрытой, красный уголок пуст. Не остается ничего другого, как идти к руководству.

Дверь в кабинет начальника цеха открыта настежь. Из нее валит в коридор густой сигаретный туман.

Вхожу внутрь и, держась за косяк двери, чтобы не потеряться, кашляю.

— Вы к кому? — спрашивает туман.

— Из редакции, — вру я. — Хотелось бы написать положительный материал о пропагандисте Лапко.

— Это пожалуйста, — милостиво разрешает туман. — Правда, в данный момент он на картошке. В Одуванчиково.

— Как на картошке? — нагло удивляюсь я. — Скаких это под картошка стала важнее пропаганды?

— Нет, нет, — слегка теряется туман. — Товарищ Лапко направлен на уборку именно с целью пропаганды. Все-таки наше подсобное хозяйство...

Я ухожу, не дожидаясь, пока туман разойдется.

4. На конспиративной квартире

Служба службой, а дружба дружбой. После обеда звоню в местную контрразведку Максиму Исаевичу Тихову, Макс, моему лучшему другу в лагере социализма. Тем более, что вечерней электрички в колхоз, где находится Лапко, нет.

Макс сердится и радуется одновременно.

— Ты что, Джеймс! — шипит он. — Моя смена еще не окончилась. До пяти вечера мы враги, а ты... Где находишься?

Я даю Максу свои координаты, и вскоре он незаметно садится мне на хвост. Я вспоминаю, что тоже нахожусь при исполнении, и начинаю бесцельно бродить по городским улочкам, пытаюсь оторваться от слежки. Но Макс следит толково, и я никак не могу от него избавиться.

Ровно в пять мой друг заканчивает свое грязное дело. Мы обнимаемся.

— Постоим в пивной? — предлагаю я.

— Что ты! — пугается Макс. — Там полно наших людей. К тому же все стойки прослушиваются.

И вот я снова на его конспиративной квартирке. Макс ставит на стол бутылку отменного самогона, кладет два огурца, приносит стаканы.

— Неужто прошло много лет, Джеймс? — вздыхает он.

— Представь себе, много, дружище.

— Где же ты побывал за это время, если не секрет?

— Раз десять в Японии, раз восемь в Швейцарии, раз пять во Франции и ФРГ. По два раза — в Греции, Испании, Португалии. Все остальное время не вылезал из вашей нечерноземной зоны...

— Небось скучал по Америке, Джеймс?

— Ничуть, Макс!

— А я когда хожу за кордон, дак от тоски по родине ночами вою. В Вашингтоне вашем едва не пристрелили: думали — койот! Галлюцинирую пейзажами родной области почему зря.

Голос Макса выдает истинное волнение.

— Налить еще? — спрашивает он.

— Черт его знает! — Вообще-то я пью только на службе.

Мы выпиваем за нашу трудную и опасную работу. Макс жалуется мне на свою судьбу и на свое начальство. А я ему на свою и на свое. Нам хорошо друг с другом.

Мы выпиваем за дружбу.

Я осматриваю комнату. Ничего в ней не изменилось. Те же невыразительные обои, тот же старенький диван, те же потеки на потолке. На столе книжка. «Семнадцать мгновений весны», — читаю я.

— Ты увлекся природоведением?

— Джеймс! — обижается Макс. — Это любимая книга всего советского народа. Когда я иду на опасное дело, всегда беру ее с собой, чтоб не украли.

Я вспоминаю о своей пропаже. Макс слушает, качает головой.

— Может, в милицию позвонить?

Макс снисходительно улыбается, идет к телефону, набирает номер управления и приказывает капитану Андриюхину срочно собрать оперативников.

Через четверть часа наш «Жигуленок» останавливается у леса.

Обочина дороги заполнена толпой крепких парней с горячими сердцами, чистыми руками и холодными, как лед, головами. Макс предлагает капитану построить людей в три ряда и, когда это сделано, встает перед ними.

— Товарищи чекисты, — начинает он. — Сейчас перед вами будет поставлена дьявольски ответственная задача... Слушайте внимательно! Видите этот дремучий лес?.. Вчера в этом большом и непроходимом массиве у одного хорошего человека украли мешок с унитазом и другими личными вещами. Вы должны будете его найти...

— Человека? — спрашивает кто-то из чекистов.

— Унитаз.

— А человек-то нездешний?

— Ясное дело, не наш, — коротко отвечает Макс, поеживаясь от прохладного ветра. — Будете осматривать лес, прочесывая частой цепью. На грибы не отвлекаться... не курить... анекдотов не рассказывать... Обнюхивать каждый кустик, каждую травинку...

Чекисты украдкой мрачнеют.

— Может, не надо обнюхивать? — предлагаю я.

— Надо, Джеймс, надо, — сурово отвечает мой друг.

5. Покажите ваши зубы!..

Домой мы возвращаемся в одиннадцатом часу. Макс идет в ванную, а я устраиваюсь на раскладушке. Ворочаюсь с боку на бок, пытаюсь уснуть. Отчего-то возникает смутное предчувствие беды.

В жизни разведчика интуиция играет особую роль. Шпион без интуиции — что едок без ложки. Вот почему я отправляюсь на поиски Макса. Тем более, что слышу какие-то подозрительные голоса.

— Не упирайся, ты все-таки наш, советский человек, чего от своих-то скрывать... Объясни, как он там тебя вербанул? — требует один.

— Я не понимаю, к чему вы это клоните? На что намекаете? — гундосит другой.

— Не притворяйся, советую рассказать обо всем честно.

— Мне нечего больше скрывать...

На краю раковины устало сидит генерал Серегин, превосходный логик, отменный интеллектуал, крайне опасный противник. В углу пристроилась стенографистка. Два кубоплечих, кругоголовых крепыша в штатском держат Макса за локти. На руках Макса наручники, под глазом синяк.

— Покажите-ка зубы, голубчик, — командует мне генерал, едва я появляюсь в ванной.

— Что?!

— Зубы.

Я повинуюсь.

— Американская стоматологическая школа, — удовлетворенно констатирует он. — Ни у кого из русских таких хороших зубов нет. Значит, агент ЦРУ. Нет?

— Да.

— Мы давно это подозревали.

— Вам угодно упрятать Макса в тюрьму?

— Нет. Сколько государственных секретов он успел выдать?

— Пока ни одного,— нагло вру я.

— Вы говорите правду?

— Абсолютную. Я порядочный человек и честный разведчик.

— Ладно,— угрожающе говорит генерал.— Все равно это ему не поможет.

Он поворачивается к помощникам.

— Все готово?

— Все чин чинарем, шеф,— усмеваются крепыши.

— Только без шума,— предупреждает генерал.

— Какой может быть шум, шеф?! Сначала ванна, потом река. Попробуй докажи, что сначала дома утонул...

Пока Макс топится, я успеваю позвонить в милицию, а та успевает приехать.

Входят трое: один в милицмейской форме, двое с повязками. Милиционер изучает обстановку и, обращаясь к генералу, подзывает его властным жестом:

— А ну, подь сюда! Ты главарь банды?

— Мы не бандиты!— с пафосом возражает генерал.

— Тогда что все это значит?

Милиционер смотрит на голого Макса. Макс не смущается. Похоже, ему часто приходится стоять как бы обнаженным перед начальством.

— Репетиция самодеятельного народного театра,— коротко поясняет генерал.— У нас и справка есть.

Он торопливо достает из кармана мятую справку,

В ванной и в самом деле все готово: ванна наполнена мутной водой, на змеевике висит рюкзак, в который, видимо, и засунут незагорелое тело моего друга.

— Снимите с него наручники,— приказывает генерал.

С Макса снимают наручники и необдуманно засовывают ему в рот кляп. У Макса сильный насморк после нашей поездки за город, так что утопить его с кляпом во рту будет мудрено.

— Топись, предатель,— говорит генерал, и Макс лезет в ванну.

— А ты выйди,— обращается генерал ко мне.

— Между прочим, я ценю вежливость,— бурчу я себе под нос, но выхожу.

робко протягивает ее милиционеру. Крепыши заботливо вынимают изо рта Макса кляп.

Милиционер вертит бумажку в руках и вопросительно смотрит на Макса.

— Да, у нас, кажется, действительно репетиция,— говорит Макс в нос.

— Так и быть!— пожимает плечами милиционер.— Но еще один ложный вызов, и вам несдобровать.

Он делает знак дружинникам и вместе с ними покидает нас.

— А ты скотина!— говорит мне генерал, задумчиво почесывая крепкую задницу.— Мы сообщим о твоём поведении в Лэнгли.

Генерал с помощниками уходит. Стенографистка задерживается.

6. Внимание, женщина!

— А ты что же, Сонечка? — спрашивает Макс, натягивая брюки.

Стенографистка опускает глаза.

— У меня, товарищ подполковник, боевое задание.

— А-а,— устало говорит Макс.— Тогда я покурю. Он выходит на лестничную площадку. Мы с Соней остаемся наедине.

Соня не выпячивает свои богатые формы, но и не прячет их. Ей нечего выпячивать или прятать.

Наверное, нет на белом свете разведчика, которого бы не соблазнили в чужих краях.

Один мой знакомый болгарин, например, только и делал, что спал со всеми красотками, которых ему коварно подсовывали наши люди. Едва он пересекал государственную границу, как тут же оказывался в постели, из которой почти не выбирался на протяжении всей своей секретной командировки. А если и выбирался, то лишь для того, чтобы тут же попасть в другую, еще более широкую постель. Таким образом наши люди хотели лишить его сил.

Вообще, работа разведчиков лагеря социализма у нас на Западе крайне опасна. Того и гляди подцепишь дурную болезнь или СПИД.

Впрочем, болгарина наши люди тогда недоценили: он не только умудрился выполнить ответственное задание, но и наставил рога целой группе болгарских эмигрантов, не считая наших людей.

Что касается меня, то я, увы, ничего не могу с собой поделаться. Интересы семьи у меня на первом месте, а жену я люблю больше ни к чему не обязывающих минутных удовольствий.

Поэтому Сонино ожидание никак не затрагивает мою гормональную систему.

Соня удивленно дергает меня за рукав и медленно гладит свое колено.

— У меня неплохой загар, не правда ли, милый?

Я бросаю косой взгляд на ее кривую ногу и, не удержавшись, зеваю:

— Вы правы, загар недурен.

— О-о,— недоуменно произносит Соня. Уставившись в пространство, она как бы мысленно советуется с генералом. А может, с чувством долга. И, видимо, получает совет включить музыку.

Я беру Соню за прямую, как рейка, талию. Минут пять мы топчемся с ней по комнате, пока мой слух не улавливает оканчание песни.

— Обожаю Кобзона,— томно замечает Соня.— И еще Лещенко...

Но послушать Лещенко мы не успеваем. Возвращается Макс и выключает радиолу.

— Ну что? — мрачно спрашивает он Соню.

— Пока не соблазняется, товарищ подполковник,— виновато докладывает Соня.

— Тогда спать,— говорит Макс.

— Нет,— качает головой Соня.— Вы должны покинуть эту квартиру. Навсегда. Приказ товарища генерала. Здесь будем жить мы с Джеймсом.

— А я где буду жить? — озадаченно спрашивает Макс.

— Не могу знать, товарищ подполковник!

Макс страдальчески хмурит брови.

— А не пойду! — вдруг отчаянно говорит он и высоко поднимает голову. В глазах его плещется вызов.

Соня со вздохом скидывает туфельки.

— Я-я-я! — кричит она по-японски и бьет Макса пяткой в челюсть.

Макс пулей вылетает в окно.

Но звона разбиваемого стекла не слышно, треска выбиваемых рам тоже. Окно, как назло, открыто.

Я ныряю вслед за моим бедным другом.

Когда я прихожу в себя, в голове у меня позванивают маленькие электрические звоночки. Жаль только, что этаж всего-навсего третий, а не седьмой.

Выползаю из палисадника на асфальт, выплевываю изо рта сухую листву, привожу в себя Макса.

После перекура мы ловим такси, ибо в «Жигуленке» Макса нас ждет засада. Лицо таксиста не вызывает у нас недоверия.

7. Ничто человеческое...

На вокзале полно людей. Половина пассажиров мудро спит. Оставшаяся половина следит за своими вещами и читает детективы.

Я тащу Макса в вокзальный ресторан.

Там шумно и душно. В хмуром полумраке тонут столики. В углу не томится саксофон, а спит жирная кошка.

По полу бредет в нашу сторону толстый таракан. Со стены смотрят суровые строчки, видимо, очень популярного на Руси поэта: «Хлеба к обеду в меру бери, хлеб драгоценность, им не сори»...

Мы с Максом выбираем столик почище, садимся.

Через полчаса как из-под земли вырастает официант в мятном смокинге. Макс заказывает салат оливье, немного лимбургского сыра, бутылку старого бургундского, сухого и достаточно холодного, ананасы...

— Макс, дружище,— умоляю я своего друга.— Если б ты знал, как все это мне надоело. Не поверишь, годами мечтаю о манной каше, куске черствого хлеба с плесенью и холодном чае...

Макс чему-то тяжело вздыхает, облизывается и меняет заказ. Я смотрю на его понурое лицо, и мне вспоминается наше знакомство.

В жизни каждого агента есть волнующие даты. В моей темной биографии я выделяю два светлых момента: мой первый нечестно заработанный доллар и знакомство с Максом.

Макс родился на берегу широкой русской реки (в России все реки широкие), в бедном бараке, но от честных родителей. Жизнь наградила его развитым чувством долга, тонким умом, склонностью к разведывательной работе. Природный ум Макса не был отягощен грубым воспитанием.

Педагоги пророчили ему большое будущее физика, живописца, лингвиста, философа и шахматиста. Поэтому никто в области не удивился, когда после окончания вуза Макс предложил работать в КГБ.

Макс не был идейно опустошенным человеком, любителем легкой жизни.

— Надо, значит надо,— сказал он и, взвалив на свои крепкие плечи нелегкий груз ответственности за судьбы государственной безопасности, бодро побрел по пути к коммунизму.

Он с отличием закончил среднюю разведшколу

№ 376 и получил первое важное задание: покинуть родную страну и проникнуть под чужим именем в гнилые недра радиостанции «Свободная Европа». В крайнем случае, «Голос Америки».

Но... однажды среди резких контрастов Нью-Йорка молодой чекист помог перейти улицу бедной старушке.

Как известно, в мире капитала не принято помогать друг другу из чистых побуждений. Только из корыстных. Вот почему полицейский, наблюдавший эту странную сцену, тотчас понял, ху из ху. Ибо только советский человек мог помочь старушонке, не ограбив ее при этом. А Макс даже дал ей три доллара на чай. В итоге — провал...

— Да, Джеймс. Скажи ей, чтобы она их убрала.

— Может, лучше пригласить ее за наш столик, — коварно предлагаю я.

— Ни в коем случае! — пугается Макс. — А то меня больше за границу не пустят. Я и так слишком много себе позволил... Валенки вот деду купил. С тобой, цэрэушником, познакомился без санкции руководства...

— Ты сможешь позволить себе еще больше, если будешь работать на нас, — уверенно улыбаюсь я. — Счета в банках, виллы на берегах морей и океанов, не говоря об озерах, шикарные машины, личные яхты и самолеты... Не будь дураком, соглашайся!

Но Макса не охватывает волнение.

Вечером я получаю задание завербовать неосторожного русского.

Вербовка проходит в одном из наипрефешенебельнейших ресторанов. Серебро, золото, красивые, как лошади, женщины, ледяное шампанское.

Заведение тонет в розовом полумраке. Как водится, в углу сладострастно стонет блюз. В облаках сигаретного дыма, как всегда, движутся силуэты танцующих пар. Кельнер с чистыми ногтями приносит две головки лука, подает квашеную капусту и открывает бутылку водки. Затем он уходит. Это этикет.

Макс косится на молодую женщину за соседним столиком. Ее стройные ноги скромно закинута одна на другую. Так принято в наших ресторанах.

— Твое здоровье, — киваю я Максусу и отпиваю из бокала. — Тебя что-то беспокоит?

— Вот эти длинные ноги...

— Уж не задел ли они твой миокард?

— Как не стыдно, Джеймс, — огорчается он. — А на вид ты порядочный парень. Я работаю только на патристической основе. И давай не будем больше об этом.

— О'кей, — говорю я потрясенно.

Впервые за время моей службы в ЦРУ мне встречается человек, легко и непринужденно отказывающийся от красивой жизни. Вот она — загадочная русская душа!

— К тому же я мечтаю стать генералом КГБ, — извиняюще добавляет Макс. — Знаешь, как хорошо быть генералом?!

Мне эта мечта кажется несколько детской. Генералов у человечества и так слишком много, а в России их, по-моему, больше, чем крестьян! Но я лишь вымученно улыбаюсь и наполняю бокалы водкой.

Через неделю я получаю свой первый выговор за срыв вербовки. Меня лишают премиальных и пере-

носят отпуск на зимнее время. Макса выдворяют из страны. Американские тюрьмы, как всегда, переполнены.

После возвращения на родину Макса, как человека политически созревшего, испытанного и проверенного в деле, направляют на своевременный срыв замыслов империалистических разведок. Он занимается слежкой за иностранцами и инакомыслящими, проводит большую общественную работу.

Мы тайно переписываемся.

8. На запад

Вскоре на столик вокзального ресторана шлепаются два блюда с манной кашей.

Однако приступить к трапезе мы не успеваем. Как раз в ту минуту, когда мы беремся за вилки, в заведение стремительно входят трое совершенно трезвых мужчин с профессионально безэмоциональными лицами.

Они быстро приближаются к нам, хватают Макса за руки, суют ему под нос нож. Макс дергается и кричит. Я тотчас наношу ближайшему ко мне верзиле хороший удар в живот и ничуть не удивляюсь, что грубиян летит на соседний столик, который с треском ломается пополам. Другой верзила, оставив Макса, бросается на меня, но получает в физиономию блюдо с кашей и, обливаясь, отступает назад.

— Не надо, Джеймс! — кричит Макс, но я уже выкидываю наемных убийц из заведения. За соседними столиками мне бурно аплодируют.

— Я все равно обречен, — продолжает Макс.

— У тебя есть выход — Запад! — говорю я. — Устроишься к нам в ЦРУ, контрразведчик ты крепкий.

— Без трудовой книжки?

— Выдадут чековую.

— Джеймс, — вздыхает Макс, — почему я должен тебе верить?

— Потому что у тебя нет другого выхода.

Макс задумывается.

Мы по-братски делим то, что осталось от ужина, расплачиваемся за погром и уходим черным ходом.

Купив в киоске вчерашние газеты, ложимся на пол в общем зале. Свободных мест на скамье нет.

Я, правда, предлагаю проникнуть в депутатскую комнату, благо фальшивых документов у меня полные карманы, но Макс честно отказывается.

9. Дай закурить, парень!

— Вставайте!

Голос идет откуда-то издалека, мы с Максом не обращаем на него внимания.

— Вставайте!

Голос становится более властным. Мы с Максом слышим его и ощущаем пинки в бок. Значит, мы не ошиблись. Едва успели забыться, как нас уже будят.

Мы открывает глаза. Усталый милиционер ласково попинывает нас сапогом.

— Документы!

Документов у нас при себе, естественно, не оказывается. У Макса потому, что нет, у меня потому, что выкрали во сне.

— Чтобы через минуту духу вашего здесь не было, — говорит нам милиционер и удаляется.

Мы с Максом бредем на привокзальную площадь, берем такси. Едем в мучуринские сады, в надежде забраться в какой-нибудь домик и выспаться там без помех.

Но фортуна не улыбается нам. Когда Макс перелезает через забор, звучит выстрел.

Подобно спелой груше, Макс тяжело падает вниз, стонет. В саду слышатся торжествующий вопль и нелитературная речь.

Я взваливаю Макса на спину и бегу в темноту, куда глаза глядят. Как вскоре выясняется, глаза мои глядят в сторону цыганского табора.

На звук моих шагов и жалобные стоны Макса из палатки выходит старая женщина.

— Мы охотники, — говорю я. — Мой друг нечаянно нажал на спусковой крючок и упал с забора.

— Дай рубль, парень, — отвечает цыганка.

Я даю ей рубль.

Цыганка прячет его в складки одежды и меряет меня оценивающим взглядом.

— Дай закурить, парень.

Я достаю сигареты. Цыганка закуривает, забирает пачку и жестом приглашает нас в палатку. В палатке темно. Слышится храп нескольких человек. Пахнет казармой и вольным образом жизни. Я кладу Макса животом вниз на старое одеяло. Макс постанывает и поскуливает.

Цыганка идет в угол палатки, возвращается оттуда с большим тазом, наливает в него воду и ставит на керогаз. Затем надевает на себя шапку-ушанку, начинает ждать. Сигарету изо рта она не вынимает.

Когда вода вскипает, цыганка приказывает мне снять с Макса брюки и посадить его в магический таз.

— Незримая сила излечит его, — говорит она. — Дай три рубля, парень.

Я достаю трешку и сажаю Макса в кипяток. Макс скрипит зубами, но мужественно терпит. Цыганка, впившись пронзительно-черными глазами в переносицу моего друга, начинает раскачивать его из стороны в сторону и что-то быстро-быстро шептать.

На лбу Макса медленно, но неуклонно выступают кристаллики поваренной соли. Цыганка берет Макса за нос, мотает его голову против часовой стрелки. Затем она аккуратно сметает соль на бумажку, сворачивает ее, прячет под подушку и целует Макса.

— Хочешь узнать свою судьбу, парень? Дай руку!.. О! Ты служишь!.. У тебя важная должность... Тобой довольно начальство... Ты скоро...

— Достаточно, — прерывает ее Макс и убирает руку.

— Но будущее, — продолжает цыганка, — определено прошлым. Дай пять рублей, парень.

Макс хмуро сует пятерку цыганке, и мы выбираемся из гостеприимной палатки.

10. Путешествие вокруг собственного пальца

На остановке мы расстаемся. Макс торопится в осенний лес обдумать мое предложение, а я на главпочтамт,

Выстояв очередь, я отправляю шифротелеграмму в Центр, звоню в подсобное хозяйство, предупреждаю о приезде товарища из Центра, прошу встретить без формальностей, визит неофициальный. Затем покупаю газету, выхожу на людную улицу, проверяюсь и... вижу Макса.

Случайности любят играть в жизни разведчиков роковые роли.

Макс энергично направляется в глубь сквера. Он бодр и весел. Осенний лес подействовал на него положительно. Но хотя я радуюсь за него, сердце предсказывает мне что-то ужасное. Я осторожно иду следом и неожиданно замечаю на скамейке генерала Серегина.

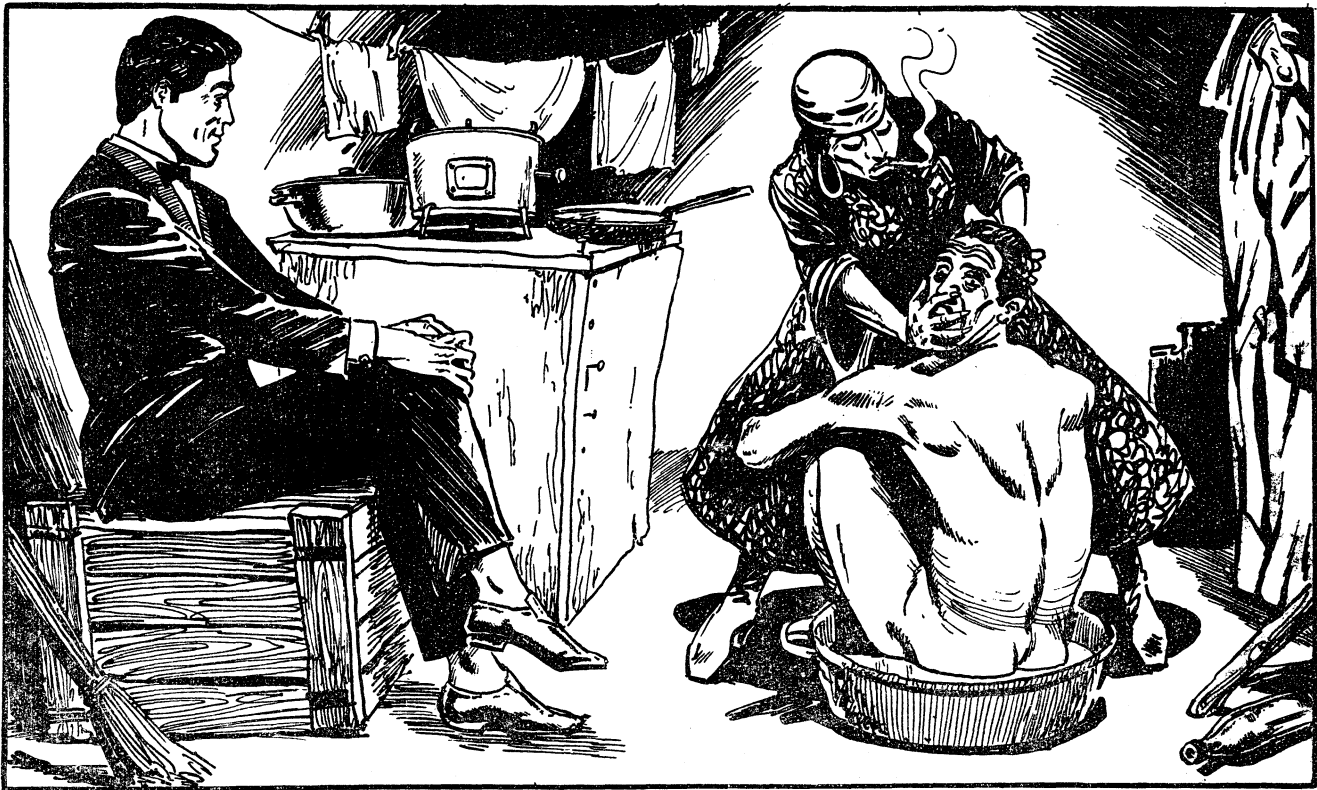
Генерал сидит ко мне спиной.левой рукой он

Ты умница! Понимаю, как нелегко тебе осваивать высшую чекистскую математику. Не все идет гладко, не все получается. Но ты не поддайся провокации опытного и коварного разведчика, а это главное. Мы доверяем тебе...

Макс медленно краснеет.

— Ну, ну,— ласково говорит генерал.— Мешок вернешь Джеймсу, как и задумано. Глаз не спускай с этого «друга». Нам крайне важно узнать его подлые замыслы — куда он направляет свое жало и с какой целью. Пришло время внести ясность в эту неясную историю. И это сделаешь ты!..

— Не сомневайтесь, товарищ генерал, не подведу! Я не верю своим ушам. Как ловко они обвели меня вокруг пальца!..

пишет документальную повесть о чекистах, правой редактирует сценарий нового художественного фильма. У его ног лежит мой без вести пропавший на границе мешок.

Я ныряю в кусты и подползаю поближе к скамейке, не забывая делать вид, что читаю газету.

— Здравствуй, дружище! — радостно говорит генерал, увидев Макса.

Макс присаживается рядом и в целях конспирации начинает кормить голубей.

— Товарищ генерал,— тихо говорит он.— Джеймс был мне другом и у него нет устойчивых антисоветских убеждений. Но он наш враг. В этом я убеждаюсь все больше и больше.

— Я рад за тебя, Максим,— отвечает генерал.—

II. Смотрины в Одуванчиково

Ночуем мы с моим предателем в чужом подъезде, у чужой квартиры, на чужом ковре, рядом с какой-то собакой. А с утра пораньше отправляемся на местную барахолку.

Как известно, в отличие от советских разведчиков, разведчики стран НАТО никогда не забывают о собственной выгоде, счете в банке и тому подобном, охотно используют служебное положение в целях личной наживы.

Торговля джинсами и жевательной резинкой идет бойко, без осложнений. Затем мы едем на вокзал. Сдав мешок с унитазом в камеру хранения, са-

димся в электричку. Поездка проходит в полном молчании, каждый занят своим делом. Макс будто бы смотрит в окно, я подсчитываю выручку и распрямляю мятые рубли. Остальные пассажиры читают журнал «Человек и закон».

На полустанке нас встречают два «газика»-вездехода. В первую машину садимся мы с Максом и председателем.

— Эх, покажем мы наше хозяйство! — испуганно говорит председатель.

Путешествие по деревне занимает полдня. «Газики» то и дело застревают в грязи, и нам приходится их толкать.

Наконец машины выползают из деревни на бугор, останавливаются возле коровника. Нас встречают и ветеринар, и фельдшер, и ясноглазые доярки-молочницы в белоснежных халатиках, молодые и румяные, как на подбор. Все они зазывают нас в конторку на душистый цейлонский чай с медовыми пряниками.

Я без опаски заглядываю в светлое окошко коровника. Внутри уютно, приветливо. Пол выложен кафелем, стены — среднеазиатской майоликой. Мне еще как-то не приходилось бывать в Дании, этой стране высокого молочного производства. Поэтому блестящие чистой стены, смонтированные без явного перекося, производят на меня впечатление, которым я спешу поделиться с Максом.

Председатель доволен.

— Хм, — веско произносит он, и мы возвращаемся к машинам.

В сельсовете нас ждет общественность колхоза. Первую часть своего выступления я посвящаю международному положению. Разрядка напряженности дает плоды, но и враги не лыком шиты. Партия множит военную мощь страны. Прошли времена диктата империализма, который не хочет сокращать вооружения.

Затем я касаюсь внутренней политики. Достижения наши огромны. По углю и цементу, к примеру, мы переплюнули саму Японию, не говоря об Америке. А по малосольным огурцам весь мир отстает от нас лет на двести, как минимум. Придет время, переплюнем капиталистов и по морской капусте.

Под конец своего выступления я делюсь впечатлениями о пребывании в Одуванчиково, заверяю собравшихся, что Центр и впредь будет внимательно следить за состоянием дел на всех оборонных объектах страны.

Макс тайком думает о чем-то постороннем.

Попрощавшись с руководством колхоза, мы направляемся к избе, где квартирует Джордано-Лапко.

12. Тайна старого унитаза

Макс остается курить на завалинке, а я вхожу в избу.

На лавке дремлет кот, с печки свисают три пары черных пяток и доносится приятный женский голос, который кажется мне знакомым.

— ...он нашел красивых, молодых жен дипломатов и высших военных, женщин, которые были утомлены одиночеством (их мужья проводили дни и ночи в совещаниях, разъезжали по Германии, вылетали за границу). Женам было скучно, женам хотелось

развлечений. Они находили эти развлечения в салоне Кити, где собирались дипломаты из Азии, Америки и Европы...

На печке завистливо вздыхают.

— Джордано! — зову я. — Товарищ Лапко!..

Чтение прерывается. С печки спускается растрепанная женщина, из глаз которой навстречу мне льются лучи радости.

— Джеймс!

— Элеонора?!

Мы обнимаемся, забыв про обмен паролем. У нас, разведчиков, всегда так: никогда не знаешь, с кем встретишься.

На Джордано-Лапко-Элеоноре платье бесформенного покроя, на ногах туфли без каблуков и отделки. Чувствуется, что в легенду свою она вжилась великолепно.

— Двум провалам не бывать, одного не миновать, — смеется Элеонора. — Пойдем, Джеймс, на сеновал, подышим ароматом русской земли.

Я не возражаю.

Элеонора влюблена в меня много лет. Как сейчас стоит перед глазами тот вечер.

Лэнгли. Пустые кабинеты. Мой стол, заваленный секретными документами. Веселый стук каблучков с двойным дном по тайному коридору. Тонкий запах французских духов. Бесподобно стройная фигурка. Золотистые волосы. Нежный голос.

— Джеймс, посидеть с тобой можно? Хочется возле тебя побыть.

— Ребячество это, Элеонора. Я люблю Мэри.

— Я могу быть тебе и любовницей. Пусть все ЦРУ знает: люблю!.. Люблю!..

— Спокойно, Элеонора, — говорю я. — Пожалуйста, возьми себя в руки, приведи в состояние уравновешенности и работай.

— Хорошо, Джеймс... Я постараюсь... Хотя и трудно, хотя и тяжело, Джеймсушка...

Элеонора смотрит на меня долгим, фотографирующим мой облик взглядом и выходит из кабинета нетвердыми шагами. А я бреду советовать к начальнику особо особого отдела Фигдаилу, человеку, знающему женщин не понаслышке.

Но предварительно смотрю личное дело Элеоноры. Ей двадцать семь. Окончила университет в Италии. По специальности агроном. Но в провинцию не поехала. Работала гидом в Риме. Хобби — русская литература. Язык знает превосходно. Обожает няню, которая рассказывает ей на ночь по телефону сказки великого русского поэта Пушкина. Глупая мечта пожить в пушкинской России и толкнула ее в наше осиное гнездо.

Фигдайл уже в курсе.

— Элеонора хороший работник, — озабоченно говорит он. — А что касается любви... Брось терзаться, Джеймс. У нас сотни женщины работают и многие из них по тебе сохнут. Нестарый еще, супермен. Возле такого даже на скамье подсудимых посидеть приятно. Бесится Элеонорка!.. Суперагентов не хватает, а тут еще наркомания мужиков на нет сводит. Подойдем к вопросу по-деловому. Страсть Элеоноры так или иначе скажется на нашей разведывательно-подрывной деятельности, а нам это ни к чему. Придется забро-

свить ее в Россию годиков на пять — семь. Авось, пройдет дурь.

- А если не согласится?
- Напомним о дисциплине.

И Элеонору забросили в страну промышленных гигантов...

На сеновале пахнет навозом и ядохимикатами.

— Неужто мы встретились, Элеонора?

— Боюсь поверить, Джеймс!

— Сколько лет прошло!..

— Шесть лет три месяца девять дней четыре часа одиннадцать минут сорок две секунды, Джеймс!

— А ты по-прежнему хороша... хм...

— Увы, уже не та, Джеймс.

— Но почему ты не в дурдоме, Элеонора?

— Я в дурдоме, Джеймс. Так мы нашу общагу называем. Кто в ней живет, те дурнеют, замуж не выходят... Отсюда и дурной дом. Стосковалась я по тебе, Джеймс! Русские мужики совсем разучились любить. Они все говорят, говорят... И ничем их не соблазнишь, проклятых! Все силы на собраниях оставляют. Ах, Джеймс, если б ты знал, как мне тяжело здесь. Поговори с шефом, чтобы меня отозвали!.. Я согласна на любую работу в любой другой стране. Тут я или сопьюсь, или повешусь от скуки. Ни рулетки, ни кегельбана, ни путешествий. Читать и то нечего. Который раз Юлиана Семенова смакуем. А еще чекисты совсем обнахалились. Все зырят и зырят...

— Вот негодяи!

— Но я не переживаю. Ты унитаза привез, Джеймс?

— Привез, Элеонора. Но что за странный заказ?

Центр в полном недоумении. Дурдом, унитаза...

— У нас в общаге последний туалет закрыли. Другого выхода не было. Надеюсь, ты установишь сантехнику, Джеймс?

— Что за вопрос, Элеонора,— говорю я потрясенно.

Многие первоклассные разведчики отдали лучшие порывы своих душ проникновению в психологию женщин. И все-таки женщина остается загадкой, над которой будут вечно ломать головы тысячи агентов всех спецслужб мира. Ни один разведчик-мужчина не додумался бы до такого.

— О, как я тебя люблю, Джеймсусушка!..

— Спокойно, Элеонора,— говорю я.— Возьми себя в руки и приведи в состояние равновешенности. Мы на службе. Кстати, я тут не один...

Элеонора догадливо вздыхает:

— Не люблю я этого типа, Джеймс. Обидел он меня...

13. Такая работа

Я спускаюсь с сеновала, огибаю дом и молча беру Макс за грудки. Макс вздрагивает и тушуетя.

— Извини, что подслушивал. Работа такая.

— Макс,— говорю я.— За что ты обидел Элеонору?

— Не обижал я ее, Джеймс! — удивляется Макс.— Честное чекистское слово! Я приказ выполнял, а она...

— И как же ты его выполнял?

— Хорошо выполнял. Как получил сигнал, сразу приехал с парнями. Всю комнату на месте преступ-

ления взяли. Запрещенную литературу читали. Хорошо, твоя Элеонора у нас под колпаком. Только поэтому и выпустили.

— Черт возьми, я и забыл, что у вас всё можно...

— Не всё, Джеймс, не всё.

— Но зачем вы у ней библиотеку забрали, Макс?

— Не забрали, Джеймс, а изъяли. Как идейно ущербную и политически вредную литературу клеветнического характера, порочащую наш строй.

— А ты здорово изменился за последнее время,— говорю я.— Давай поговорим честно, как профессионал с профессионалом. Ты ведешь двойную игру, дружище.

Макс бледнеет и опускает голову.

— Пойми, Джеймс,— говорит он тихо.— Коммунист должен вести борьбу с чужими взглядами, проявлять бдительность. Я поддался эмоциям, подружившись с тобой. Но долг призывает меня забыть о себе. И я забываю.

— Обо мне тоже...

Макс поднимает голову и замечает слезы обиды в моих глазах. Доброе его сердце не в силах перенести горести друга. Он рыдает и бросается мне на шею.

— Прости меня, Джеймс! — кричит он.— О, прости меня! Я чувствую, что виноват перед тобой! Но ты... ты являешь собой угрозу коммунистическим цивилизациям. Джеймс! Наша дружба с самого начала была лишена исторической перспективы!.. Забудь, что я был тебе другом! Отныне мы враги навеки!..

— Тебя позабыть! — всхлипываю я.

Мы обнимаемся, слезы наши смешиваются.

Но я, разумеется, менее мягкосердечен, более расчетлив и поэтому быстро беру себя в руки.

— Ты меня удивляешь,— холодно говорю я.— Я не сделал вашим цивилизациям ничего плохого. Я просто выполняю приказы...

— Нет, ты враг, Джеймс, ты враг,— как безумный твердит Макс.

14. Тайный агент в действии...

Вот так ливень! Ветер льет на меня цистерны воды, но я рад. Что может быть лучше плохой погоды в России?!

Полночь. Вокруг ни души. Этот суровый край не живет ночной жизнью. Я останавливаю «Жигуленок» Макса у общаги-дурдома. Задуманная операция не имеет ничего общего с моей основной профессией, но чего не сделаешь ради женщины!

В дурдом я проникаю традиционным путем местных аборигенов — через окно. Макс в это время сладко спит в садах. В наших лабораториях делают неплохое снотворное. Помнится, однажды в Африке я усыпил случайно упавшей в реку каплей все деревья внизу по течению.

В моем мешке гвоздодер, цемент, унитаза.

В коридоре мертвая тишина. Чиркнув спичкой, я обнаруживаю прямо перед собой закрытый туалет. Отдираю гвоздодером доски. Операция длится не более минуты и осуществляется почти бесшумно.

Вступаю в тьму санузла. Тщательно закрыв за собой дверь, приступаю к установке унитаза. Сквозь мутное окно в помещение льется смутный сумрак.

Заодно я ремонтирую душ, смесители, прочишаю колено раковины.

Светящиеся стрелки часов показывают ровно три, когда до моего слуха доносятся знакомые шаги. Резко вспыхивает свет, и я вижу на пороге моего бывшего друга. В руке Макса пистолет с усилителем.

Глаза предателя закрыты, он крепко спит и даже слегка похрапывает. Такой силы воли мне еще не приходилось встречать. Спать и в то же время действовать!

— Руки вверх, подполковник! — сонно командует Макс.— Всякая попытка бежать будет стоить вам жизни!

15. ...адцать лет спустя

Прошло много лет. Я уже не работаю в ЦРУ. Генерал Серегин сдержал свое слово: накатал на меня большую телегу. Меня с позором выгнали из разведки. Теперь я, как и все оказавшиеся не у дел разведчики, пишу детективы и сценарии для Голливуда, мечтая о специальной премии нашего главного шпионского ведомства для произведений на античехистскую тематику.

Мой шеф вероломно ушел на пенсию.

Генерала Серегина перевели на партийную работу.

У меня легкое тело, светлая голова и нет желания оставлять семью без кормильца,

— О! Какой сюрприз! — восклицаю я с необыкновенным радушием.— Но почему же вот так, тайком?

— Помолчи! — сонно предупреждает Макс.— Тайник ты оборудовал в унитазе. Это я уже понял. А теперь выкладывай остальное.

В это мгновение за спиной Макса бесшумно открывается дверь и появляется Элеонора. Даже телогрейка не портит ее красоты! Что за женщина!..

Элеонора ободряюще улыбается мне, поправляет локон и аккуратно опускает на голову Макса чугунную стиральную доску. Макс молча валится на пол.

— Прощай, друг! — говорю я со вздохом, подтаскиваю его поближе к унитазу. Разряжаю пистолет, смываю патроны. Унитаз работает хорошо.

Элеонора с тоски вышла замуж за тракториста, отошла от секретной деятельности, научилась материться и работает в Одуванчиково телятницей.

Мечта Макса сбылась: его сделали генералом. Живет он по-прежнему в садах: с жильем у русских туго. Однажды мы с ним встретились в Берне. Заметив меня, Макс смутился и перешел улицу в неподобающем месте.

Унитаз, который я установил в общега-дурдоме, был в ту же ночь арестован. Говорят, все управление КГБ три дня и три ночи искало в нем хорошо замаскированный тайник с контейнером, но не нашло.

Что касается радиопередатчика, то я без зазрения совести спрятал его Макс у в зуб мудрости, и теперь нашим людям известен каждый вздох генерала Тихова...

А СУДЬИ КТО?

Николай ИЗЮРОВ, адвокат

С 1864 года в России существовала судебная система, о которой мы, к сожалению, знаем очень мало. В архивных фондах Екатеринбурга я нашел несколько дел, рассмотренных судом присяжных в разные годы. Надо сказать, что Екатеринбургский окружной суд был учрежден в сентябре 1874 года и рассматривал уголовные и гражданские дела об убийствах и разбоях, изнасилованиях и клевете, возмещении ущерба и взыскании долга и многом другом. За 25 лет работы им было осуждено 34249 человек. Об убийствах за этот период было рассмотрено 2009 дел, т. е. на 1 год примерно приходится по 80 дел, о разбоях — 265, грабежах — 1300, кражах — 4400 дел.

С данными Свердловского облсуда это просто несопоставимо (даже с поправками на изменение демографического положения). Только за 1988 год в Свердловской области осуждено 17834 человека.

Листая пожелтевшие от времени протоколы и приговоры. Вот дело о разбое. Два приятеля Вершинин и Демин в мае 1907 года заметили в Ирбите простоватого крестьянина, приехавшего из деревни продать 3 пуда овса и разменять крупные ассигнации. Разговорились, выпили, а затем вывели его за город, избili и похитили 200 рублей. Под утро потерпевший ползком добрался до караульных и заявил о случившемся. Городовые в течение дня нашли обидчиков, началось следствие, а затем — суд с участием присяжных заседателей. Несмотря на то, что подсудимые отрицали вину, присяжные вынесли решение: виновны, но заслуживают снисхождения, и разбойникам было назначено наказание: Вершинину — 2 года 8 месяцев лишения свободы, Демину — 4 года. Опять для сравнения: наш уголовный закон за аналогичное преступление (ч. II ст. 146 УК РСФСР) лишает свободы на срок от 6 до 15 лет. Информация для размышления тем, кто критикует наши якобы мягкие и излишне гуманные законы.

А вот еще одно дело, рассмотренное Екатеринбургским окружным судом с участием присяжных — по обвинению крестьянина П. Залесова. После выпивки в компании с малоизвестным человеком молодая замужняя женщина обратилась к властям с заявлением об ограблении и изнасиловании. Заявление подтверждалось косвенными доказательствами: показаниями свидетелей о совместном уходе обвиняемого и потерпевшей из дома и т. д. Суд присяжных выслушал всех и после напутственного слова председательствующего удалился в совещательную комнату. Перед присяжными был поставлен вопрос: виновен или не виновен Залесов в изнасиловании и грабеже. Все 12 присяжных заседателей ответили: не виновен. И судья написал приговор:

«Екатеринбургский окружной суд... ввиду отрицательного ответа на вопрос о виновности определил крестьянина Петра Залесова по суду оправданным». Так в Екатеринбурге в 1903 году совершалось правосудие.

Кто же выносил такие вердикты, каков был социальный состав суда? Иными словами: а судьи кто? К материалу каждого дела подшит лист, в котором это разъясняется. Из 12 присяжных заседателей, рассматривавших дело П. Залесова, 10 человек — крестьяне, 1 купец и 1 мещанин. Состав присяжных заседателей в деле Вершинина и Демина: крестьян — 6 человек, мещан — 4, 1 купец и 1 чиновник. Вообще, отбор присяжных для рассмотрения дела происходил из 30 кандидатов. Подавляющее большинство — крестьяне, реже — мещане, чиновники.

Процедура осуществления правосудия присяжными заседателями была отрегулирована статьями 801—828 Устава Уголовного судопроизводства и предусматривала возможность свободного решения ими вопроса о виновности или невиновности подсудимого в инкриминируемом деянии.

Об оправдательных приговорах стоит поговорить отдельно. В обозначенный 25-летний период Екатеринбургский окружной суд, осудив 34249 человек, при этом оправдал 10896. Цифры говорят сами за себя и свидетельствуют, что оправдание невиновного было нормальным явлением.

Кстати, это ведь даже не совсем юридический вопрос, а во многом нравственный, свидетельствующий об уровне правовой культуры правосудия, о готовности государства признать суд не органом борьбы, а органом установления истины. Отсутствие оправдательных приговоров — это не всегда результат хорошего следствия. Оно показывает также уровень нашей правовой культуры, когда человека проще осудить, чем оправдать.

Мы не знаем, какой был судья по делу Залесова: добрый или злой, как он смотрел на борьбу с преступностью. Присяжные заседатели не дали ему возможности проявить этих качеств. Они вынесли вердикт — не виновен, и судье ничего не оставалось, как написать оправдательный приговор. Как видим, суд присяжных сводит к минимуму влияние субъективного начала на постановление по делу. Он недостижим для других властей. Мафии, бюрократии практически невозможно взломать совещательную комнату, в которой заседают 12 народных представителей, или каким-то образом повлиять на их решение.

Не парадоксально ли, что в XIX веке крестьяне, которых мы считали неграмотными или полуграмотными, напрямую участвовали в отправлении правосудия, а сегодняшние народные заседатели могут делать это только под надзором судейского чиновника?

Конечно, и у суда присяжных, видимо, есть недостатки, и есть сложности в его восстановлении, но я убежден: из всех возможных способов осуществления правосудия лучшего, чем суд присяжных, пока не существует.

Приведу еще дело, обстоятельства которого созвучны нашему времени.

В начале января 1891 года на шахте Богословского рудника начались массовые беспорядки. Рабочие прекратили работу, собирались толпами по 200—300 человек, требовали повышения заработной платы, кричали, повергли в панику руководство горным округом, которое обратилось к приставу Верхотурского уезда с просьбой о проведении дознания о беспорядках. Пристав так и сделал. Дознание было проведено, перечисленные обстоятельства установлены, но... 27 июля 1891 года Екатеринбургский окружной суд рассматриваемое дело производством прекратил за отсутствием факта преступления...

По учебникам истории мы знаем другое. Но может быть, нам пора посмотреть на историю не однобоко, а видеть ее во всем многообразии.

В апреле 1989 года Общее собрание адвокатов Свердловской областной коллегии обратилось к Съезду народных депутатов СССР с предложением о восстановлении суда присяжных.

г. Свердловск

ЗАЛОЖНИК

Юрий
ШИНКАРЕНКО

Рисунок
Сергея Григорькина

Мой светлый кумир пришел ко мне глухой ночью. Явился осторожно и нешумно, как в палату к больному.

Я набросил на плечи фуфайку и вышел из жарко натопленной избы. Промороженное пространство наполнилось хрупкой тишиной, неверной, ненадежной. Я шумно вздохнул, чтобы хоть так показать пришельцу: он не один, его встречают. И тут же тишина раскололась: в домах зазвенели, забили, заурчали настенные часы, отмечая очередной миг безвозвратного времени. Ленивые петухи, давно утерявшие природный инстинкт, сориентировались на часовые механизмы, переломно зауукали в разных концах поселка, словно поприветствовали моего гостя. А тот невозмутимо, как и подобает настоящей «звезде», спускался со своих головокружительных высот — на зябкую землю, на заборы, на сухоручины карагача. И нарочком исполнял все мои ожидания, наводнял душу светом и чистотой.

Мой кумир — первый снег — принес мне то, что я потерял в лабиринтах мегаполиса... То, за чем приехал теперь, тревожно спохватившись, в родительский дом...

Осторожно, стараясь не следить первого снега, я бродил по тропинкам огорода и мысленно выговаривался перед ним, моим наивным и мудрым кумиром. А он — никак не однозначный! — то успокаивающе зеленел отсветом незрелого, оставленного на кусте помидора, то ласкал оранжевым светом, упавшим из окна, то тревожно качал на себе красные блики — это шевелился над ним листик калачика с примерзшей «божьей коровкой»... А потом из-за степной сопки кольнуло лучами солнца, и я попросился со своим праздником. В поселке просыпались люди, раздвигали занавески на окнах, скрипели дверьми, и первый снег стал общим. А еще лучи солнца, похожие на лазеры эстрады, напомнили мне, что пора сворачивать отпуск: в Свердловске начинаются гастроли Юрия Шатунова, а редакционные папки с читательскими письмами, споры с подростками, собственные размышления о нынешних ребятах — все это давно уже образовало жирную стрелку, указывающую на популярного солиста эстрады.

Почему я вновь пишу о «Ласковом мае», рискуя снизить себе сомнительную репутацию «маеведа»?!. Не потому же, что есть нужда влести свой голос в дружный хор коллег: «Ну и гадость, эта ваша заливная музыка!»?. Об уровне творчества «ЛМ» можно говорить миллионы раз, но напрасны надежды что-то этим изменить. Карфаген был разрушен не потому, что о том много говорили, но потому, что о том много слышали... Шатуновские же поклонники музыковедческих доводов слушать не хотят. Казалось бы, на нет и суда нет...

Но... Но почему тогда второй год не поднимается моя рука снять шатуновский портрет со стены в кабинете? Почему кажется преждевременным стереть кассету с первой, еще оренбургской, записью группы? Почему все чаще и чаще раскрыта на моем рабочем столе папка с газетными вырезками о компании Разина? Что не дает мне права молодежато выкрикнуть: «О «Ласковом мае» не пишу!»?

Трагедия. Вернее, все возрастающее ощущение ее.

Наш мир абсурда облачил эту трагедию, это скорбное аутодафе, в веселый карнавал, куда нарасхват билеты и где жертвы берут автографы у жертв. Наш мир абсурда вовлек в эту трагедию миллионы участников, тем самым устранив сторонних свидетелей. Наш мир, вывернутый наизнанку, явил то, с чем общество еще не сталкивалось.

Юрий Шатунов — первый из советских подростков прославился столь широко. Были, конечно, и Сергей Парамонов из Большого хора Центрального телевидения и Всесоюзного радио... Были юные актеры из популярных кинофильмов... Те же братья Торсуевы — «Электронники». Но их слава не затевалась на дрожжах коммерции. Их успех у публики не был столь жестко запрограммирован

С Шатуновым получилось по-другому. Его славу «ста-

вли» ребята — «миллиметровщики», воспитанные той эстрадой, когда на ней царил взрослый образ «швого парня». «Швой парень» — это было безошибочно, шло у зрителей на расхват. Но взрослые «швои парни» сходили с эстрадных подмостков и обращались в культурных, интеллигентных людей, уже сформированных. Да, впрочем, и на эстраде они были такими же, игра, ирония никого не вводила в заблуждение.

Юра Шатунов вышел на эстраду, никого не играя. Он был самим собой. Он был одним из миллионов. Он был воплощением поколения. Современное отрочество признало в нем себя.

Итак на сцену вышел свой. Прозвенел звонок — нет, не о начале трагедии, о ее продолжении, ибо пролог уже свершился: он начался во многих городах и всях страны в середине семидесятых, когда родились нынешние поклонники «ЛМ», и шел много лет, которыми будущие поклонники учились первым фальшивым словам, потом — учились бороться с фальшью, а заодно — с родителями, с офиснозом, с культурой, в оципаных ростках которой новым жителям страны тоже чудилась ложь... Прологом трагедии оказалась, по сути, «массовка», во время которой будущие участники трагедии сформировали свои взгляды, вкусы, претензии, свою этику и эстетику. И приготовились к первому действию...

Обычно в спектаклях массовку не представляют, но нам необходимо это сделать, потому что она — полноправный, а может, даже главный участник описываемого нами спектакля жизни... Как коротко и внятно отрекомендовать ее? Да очень просто, голосом Шатунова... Голосом Юры отрекомендуется та часть поколения, которая узнала в Шатунове себя и вознесла его до высот Олимпа.

Попробуем в самохарактеристике Юрия Шатунова узнать каждого «актера массовки»?

ИЗ БЕСЕДЫ С ЮРИЕМ ШАТУНОВЫМ И ЕГО АДМИНИСТРАТОРОМ, 3—4 НОЯБРЯ 1990 г., СВЕРДЛОВСК:

— Какая у тебя любимая книга?

Ю. Шатунов: — Я в последнее время не читаю, — занимаюсь музыкой. А вообще люблю сказки, фантастику, приключенческие вещи. Недавно мне подарили «Детскую библию», только что выпущенную. Начну знакомиться по-немножку.

— Юра, а твои пристрастия в кино?

Ю. Шатунов: — Боевики, мультики, фильмы ужасов. В общем, вся зарубежная продукция, преимущественно — американская. Очень интересно смотреть музыкальные клипы, видеозаписи музыкальных клубов, американских молодежных дискотек.

— Вопрос, может быть, запрещенный, потому что избитый, но тем не менее — твое отношение к классической музыке?

Ю. Шатунов: — Даже не знаю... Я не любитель классики. Интересную музыку люблю послушать, но не симфонию, не оперу, а совсем легкую, чтобы вдохновляла, чтобы было приятно слушать, чтобы от нее возникала в сознании какая-нибудь картинка...

— Собираешься ли продолжать музыкальное образование?

Ю. Шатунов: — Вообще-то...

Аркадий Кудряшов, администратор студии «ЛМ»: — Нет! Наши музыкальные заведения гробят людей, которые имеют свой образ на сцене, свои взгляды. С каждым человеком надо заниматься отдельно, а не загонять толпы в музыкальные заведения.

— Юра, не хотелось ли тебе заняться политикой?

Ю. Шатунов: — Боже избавь!

А. Кудряшов: — У нас в политику очень вдался А. Разин. Глядя на его политическую активность, я на полном серьезе предложил бы рассмотреть такой вопрос, как выдвижение А. Разина в президенты страны... Ну, хотя бы в министры культуры. А нынешнего министра нужно срочно менять. Почему нами пытаются управлять театралы?!

Где эстрадники?! Почему бы на эту должность не выдвинуть Пугачеву, Леонтьеву, Разина? Тогда бы не было такого бардака в культуре, который там сейчас. Понимаете, театралы — народ пассивный, очень такой важный, солидный. А сейчас нужны активные люди...

Ю. Шатунов: — Которые лидируют...

А. Кудряшов: — Нет, неправильно! Надо выдвигать тех, кто ведет активный образ жизни, то есть эстрадников. А может представителей цирка. Мы циркачей поддерживаем. У нас все едино. А театралов мы не поддерживаем. Они больше о театральной деятельности пекутся, чем об эстрадной.

— Юра, в театры ходишь?

Ю. Шатунов: — Нет, там не на что смотреть.

— Интересно, есть ли кумиры у кумира?

А. Кудряшов: — Если брать наше время и наше искусство, то это, конечно, Алла Борисовна Пугачева. Это глобально. Это останется надолго. А из политиков назвать некого. Даже Ленин не глобален.

Ю. Шатунов: — Мы стараемся брать пример с Пугачевой. Она — актер. Ее песню услышишь — и сразу запомнишь. Вот к этому мы и стремимся. С Пугачевой я пока не встречался, но хотелось бы

— Многих интересует, веришь ли ты в бога?

Ю. Шатунов: — Верю. 1 мая принял крещение в кафедральном Владимирском соборе города Киева.

— По чьей инициативе?

А. Кудряшов: — По собственной...

Ю. Шатунов: — Инициатива наша была...

А. Кудряшов: — Это была инициатива настоятеля Владимирского собора, как его зовут... забыл. Именно он предложил нам дату крещения.

— Нет ли здесь рекламной подоплеки?

А. Кудряшов: — Почему... Да, в принципе, есть. Понимаете, все опять упирается в уничтожение культуры. Ведь раньше крещение было великим праздником в семье. Надо этот праздник, эту культуру возродить.

— Чем заполнен твой досуг?

Ю. Шатунов: — Спортom занимаюсь в полный рост. Люблю все подвижные игры. Хоккей, футбол, волейбол, баскетбол... Не прошло мое увлечение картингом. Люблю лес, рыбалку, охоту, подводную охоту. Нравится охотиться дома, там, где я раньше жил. Птички летают, выстрелишь — и все... На зайцев, на лису — тоже интересно.

— Юра, начинаются вопросы, которые я «выудил» из почты твоих поклонниц «Как называется твоя прическа?»

Ю. Шатунов: — Да так, шалам-балам. Я ее сама делаю, как уляжется, так и уляжется. А название? «Развернись на мне бульдозер» — подойдет?

— «Жаргон хорошо знаешь?»

Ю. Шатунов: — Да, в полный рост. Чухан, фуфло, чмо, урюк... Много новых слов рождается у нас в группе, только их никто не запоминает.

— «У тебя была кличка? Какая, если не секрет».

Ю. Шатунов: — Просто Шатун. Еще звали Василис. По отчеству.

— Юра, как бы ты охарактеризовал свое поколение?

Ю. Шатунов: — Оно в полном развале. Слошь и рядом наркоманы, проститутки. Вон в газете опубликовано, что девочки с 11 лет за 10 рублей в ночь...

— Светлых сторон у нынешних ребят вообще нету, на твой взгляд?

Ю. Шатунов: — Ну, я не замечал. С кем ни встречался, с кем ни общался — нет ни культуры, ничего!.. Кто-то приходит цветы подарить, заходит, развалится на кресле, сигарету вынимает...

— Насколько ты типичен для своего поколения?

Ю. Шатунов: — Такой же, как все! Отличаюсь только тем, что популярен, и в силу этого могу хорошо одеваться. А если одеть, как всех, — никакой разницы!

— Что же получается? Поколение постарше было чище?

Ю. Шатунов: — Наоборот! Грязнее!

Ну вот, основные «герои» печального спектакля охарактеризованы. Кумир юных представил и себя и, сам того не ведая, своих поклонников. Репликой же о «поколении постарше» воздал должное и моим ровесникам. Стоит ли защищаться? Стоит ли отводить от себя обвинения в том, что именно мы не смогли передать идущим следом культуру отцов и дедов?

Возьмем хотя бы культуру музыкальную. Что мы слышали, те, кто на поколение старше Шатунова, Пахомова, их поклонников? Что возникает в моей памяти?

Вспомнился дедок Данила, односельчанин. Он пришел кланчить у мамы валерьянку «на опохмел». И почему-то запел: «Звенит звонок насчет поверки, Лонцов задумал убежать...» Хотя, уже вру. Меня тогда интересовало, расщедрится ли мать для соседа или нет, а песня прошла фоном, запомнилась лишь фамилией героя да сюжетом. А текст я восстановил позже, из сборника уральского краеведа Бирюкова, досаждая на свою память, которая не сохранила звонкого зачина деда Данилы: уж точно, не корявое и казенное «насчет» там было...

Еще праздник вспомнился: «зубок» — негромкий, как сам мартовский день, которым родилась моя младшая сестренка. Она косила глаза на застолье и не могла, конечно, понять, кто плачет, а кто поет. Плакал наш дед, не умея развернуть от стола непослушное тело, потому что мешал протез, «подаренный» войной. А пела Нинкина хрестная. Мне запомнилось всего лишь две строчки:

«И может, ствол винтовки ржавой

Из-за куста убьет меня...»

Сегодня, на изломе времен, особенно потрясают эти слова. Атмосфера рока (в первоначальном значении) в них. Убьет-то не человек, а ствол. Может, и сейчас вот, за каким-то кустом, притаился, самозванец, и готов пальнуть. Это потом историки будут разбираться, кто прав, кто виноват в нынешней заварухе, потом пристроят к кустам хозяина ствола, обрисуют его политические взгляды, дадут личную характеристику в зависимости от того, кто он — победитель или побежденный... Но что мне до этих борзописцев! Мою спину холодит СТВОЛ! Мне не по себе от того, что винтовка — р ж а в а я. Точные слова единят далекие времена. Разве нынешние автоматы, стрелявшие в Тбилиси и Вильнюсе, я не представляю ржавыми, вторгшимися в мирную жизнь из какого-то политического мезозоя?..

Жаль, не знаю я этой песни, она силится о чем-то предупредить меня, нас, — но не может из-за нашего пренебрежения к опыту, к творчеству дедов и прадедов...

Можно еще вспомнить какие-то осколки звучания, но уже ясно: той полнозвучности моей родной степи, которая, знаю, была... — мне уже не восстановить.

А что мы пели сами?

«Коричневая пуговка валялась на дороге...» — раз!

«Телефон нам проводили, а его все нет и нет! Пам-пам! Пам-па-ра-ра пам-пам!» — на мотив «Летки-Еньки» самодельные пионерлагерные стишки, рассчитанные на «высокого» гостя, который должен растрогаться и провести в «Чайку» телефон. Два!

Ну и, конечно, романтическая застойная: «Над Звездным кружит наш вертолет, а мы утюжим топи болот...» Три! Продано! Все продано маскультуре. С нашего молчаливого согласия...

Прав Юрий Шатунов, мы — тоже участники трагедии, участники ее пролога.

В отличие от пролога исследуемой нами трагедии, начало первого действия пришлось на конец 80-х годов и было более стремительным. В 1988 году Андрей Разин, которому не грех отдать лавры режиссуры всего происшедшего, случайно узнает о существовании перспективного исполнителя незатейливых песенок и увозит его в Москву. Умело закрепляет проклюнувшийся еще в Оренбуржье образ Шатунова — образ «швоего парня». И сводит их

вместе, солистов студии «ЛМ» (Шатунова, Пахомова... кто там еще?) и «массовку». Действие начинается.

Растет число поклонников группы. Одни объединяются в фанклубы, другие действуют в одиночку, но всех сближает характер взаимоотношений с любимой группой. В основе этих взаимоотношений отнюдь не «ласковомаевское» творчество, ибо всерьез обсуждать литературную основу «Белых роз», искать исторические параллели «Седой ночи» или дискутировать о достоинствах музыкальной части — дело изначально бесперспективное...

Несколько исповедей поклонников и поклонниц, думая, пояснят нам, как складывались и складываются отношения между «ласковыми» и «обласканными», какой сценарий был сочинен для разочаривающегося действа.

«Мне пятнадцать лет. «ЛМ» я восприняла не сразу. Меня интересовала более серьезная музыка. Но «война» вокруг нашумевшей группы заставила присмотреться, прислушаться, кое-что открыть для себя. Я стала собирать все, что касается «ЛМ» — магнитоальбомы, пластинки, фотографии, значки, публикации из газет и журналов, записывала на магнитофон информацию из телепередач...

Однажды на концерте Шатунова я решила побывать в «пекле», в первом ряду от сцены. Не помню, как я туда добралась, да и это ли главное. Я увидела там не людей, а зверей, у которых одна цель — добраться до сцены, протянуть руку Юрочке, чтобы он ее пожал. А затем эту руку не мыть, целовать и вспоминать о самом счастливом моменте в своей жизни. Из прыгающих от перенапряжения колонок доносились «розовые вечера» и «белые розы». Ошалевшие девчонки кричали: «Юра, я тебя люблю!», «Хочу от тебя ребенка!». Хотелось развернуться и врезать этим дурам по морде (извините за грубость, других слов не нахожу). Со всех сторон доносились запахи пота, кому-то оторвали рукав рубашки, кому-то разбили нос.

Потом в СКК «Юбилейный» я услышала Костю Пахомова. Он мне сразу понравился, но многие мои подруги во все горло требовали Юру. Мне стало обидно. Разве он хуже Шатунова или Разина? Я купила два его сольных концерта. Послушала. И решила, что теперь буду следить за его творчеством. Я не считаю, что это плохо. У человека должна быть цель. Не важно, какая, лишь бы была. Ведь так интереснее жить».

«Звезды недостижимы и далеки. В них нельзя разочароваться. Нельзя, потому что нет общения с ними, нет возможности поговорить, познакомиться поближе. Часто я думаю, что бы спросила у своих кумиров...»

«Я очень, очень, очень, очень, очень, очень и очень люблю Юру Шатунова. Его одного и больше никого, никого. Я хочу, чтобы у меня, когда я вырасту, было два сына. Первого я назову Юрочкой, а второго Андрюшкой (в честь А. Разина). Мэй Юрочка будет петь, будет таким же красивым, как Юрочка Шатунов, и будет любить меня. Я уверена, многие девчонки назовут сыновей Юрами, и несколько лет у нас в изобилии будут имена Юра и Андрей. Думаете, когда я вырасту, вся любовь к Ю. Ш. пройдет? Нет! Юра заразил нас такой любовью, что мы уже не в силах его разлюбить».

«Мне неинтересно с одноклассниками. Все разговоры на тему, кто сколько в субботу выпил, кто какие сигареты достал, у кого кто есть... Чтобы не было скучно, я придумала образ человека, который мне нужен, и условно назвала его «мой парень».

«С Юрой секрет прост — он симпатичный да и противоположного пола! Мне просто жалко его, как человеку женского пола».

«Когда я была в Сочи, Юрий Шатунов приезжал со своей группой на гастроли. Вот там все и началось. Когда он пел, я не отрывала от него глаз. И вдруг он посмотрел на меня, но я почему-то испугалась и сразу же опустила глаза. Когда я приехала домой, я начала резать вены, вырезать его имя на руке. Даже не знаю, что я дальше с собой сделаю...»

«Я очень хочу, чтобы С. Кузнецов послушал меня,

мой голос. Он у меня красивый (это не только мое мнение, но и мнение преподавателей в музшколе). Я спокойно могу брать три октавы. В школьном хоре я пел и 1-м, и 2-м, и 3-м голосом, но чаще пел сольные партии. Мой голос выше, чем у Юры, и немного звонче. Понимаю, что выгляжу нескромным, но, поймите меня, я очень хочу убедить вас, что талантлив не меньше Юры. Но ведь Юра поет на сцене, поет с музыкальным сопровождением, а я... в квартире, под удар ноги».

И еще одна небольшая цитата. Стиль по возможности сохраняем:

«От «Ласкового мая» осталась лишь кучка шарлатанов, которые не хотят работать, а купаются в деньгах. Место Разина — в зарешетенной комнате и полозатой одежде. Разин с Шатуновым думают, что им все дозволено, пусть придут к нам, мы из них сделаем (...). Чего они (...), наверное, считают нас за низший класс. Мы долго терпели, но всему приходит конец. Мы не хуже их, фразеров хоть ж... жри, и в заграничку по путевкам часто ездим...»

Последнее письмо из «ласковомаевской» почты мы привели потому, что кому-то может показаться некорректным знак равенства между всем поколением и поклонниками «ЛМ». Как раз это письмо из Соль-Илецка, подписанное «Все от 15 до 18 лет», говорит, что режиссеры трагедии вовлекли в действо всех без исключения. Ведь отрицательное отношение к группе — это тоже взаимоотношение с группой. Это тоже ожидание чего-то, пусть и несбывшееся.

Итак, «массовка» в лице горячо влюбленных поклонниц, потенциальных последователей и необузданно гневных хулителей выстроилась в хоровод, в центре которого оказался... нет, не Шатунов, не Пахомов, не Разин, а — образ... Не ждите родительского падежа. Просто образ. Образ как пустая ночная пижама, в которую может влезть любой, если приблизительно сходится размер. Образ как пустые рыцарские панцири, как пустые рясы святого на графических листах свердловского художника Виталия Воловича. Но пустые панцири и рясы, созданные фантазией известного графика, в своей выразительной пластике взаимодействуют на листах с одухотворенными героями, трепетными юношами и девушками, и ждут, когда проснутся наши эмоциональные глубины и обнаружат собственное отношение к сгусткам Добра и Зла. Образы же «Ласкового мая» самодостаточны. Им не нужна форма, оболочка какого-либо искусства. Собственно, «искусство», в маскультурном своем проявлении, возникает не тогда, когда «ласковые юноши» что-то поют, а тогда, когда их имиджи взаимодействуют с поклонниками. Кто-то сжимает кулаки и мечтает о славе Герострата... Кто-то рыдает над судьбами всех детдомовцев мира, ощущая себя вождем милосердия... Кому-то приспел срок влюбляться, — и не утруждая себя эмоциональной работой, умением понимать непохожесть, прощать недостатки, девочки «вторяиваются» в идеальный образ (он податлив в своей недостижимости и умеет подчиняться любым капризам и желаниям)...

ИЗ БЕСЕДЫ С ЮРИЕМ ШАТУНОВЫМ И ЕГО АДМИНИСТРАТОРОМ, 3—4 НОЯБРЯ 1990 г., СВЕРДЛОВСК:

— Очень трудно уследить за составом вашей группы. Каков он сейчас?

А. Кудряшов: — Начну с того, почему часто меняется состав «ЛМ». Мы просто очень требовательны...

Ю. Шатунов: — Отношения с С. Кузнецовым испортились потому, что он любит выпить, а я не любитель этих дел. Хотя чисто по-человечески мне его жаль. Личные контакты у нас сохранились. Я иногда звоню ему в Оренбург спросить, как жизнь, как дела.

А. Кудряшов: — Кроме того, Кузнецов продолжает писать для Юрия песни. Ему просто некуда деться, — у него ведь нет хороших солистов. Такая форма сотрудничества, на расстоянии, нас устраивает. На сегодняшний день у нас

возникла напряженка с Олегом Крестовским. У парня — головокружение...

Ю. Шатунов: — Как говорят артисты: звездная болезнь.

А. Кудряшов: ...если оно не пройдет, то мы поставим вопрос, чтобы его выгнать.

— Юра, а у себя ты не чувствовал симптомов этой болезни?

Ю. Шатунов: — Нет, я вообще-то парень простой. Мне все без разницы, где жить (где постелить — там и сплю), что есть (лишь бы раз-два в день перехватить что-нибудь)... Я знаю только свою работу, остальное меня не волнует.

А. Кудряшов: — А человека начало на этом клинить. Требуется астрономических сумм зарплаты...

Ю. Шатунов: — Чтобы одевали его за счет студии...

А. Кудряшов: — ...чтобы встречали, как президента, чуть ли не к самолету «Чайку» подавали, чтобы номера гостиницы были не хуже министерских. Я немножко преувеличиваю, конечно, но все идет от звездной болезни. Это же мания величия. С такими нам не по пути. Если у Крестовского это пройдет — будем продолжать с ним работу, если нет — то в ближайшее время никакой новый альбом писать ему не будем. Пусть сам собой занимается.

А состав у нашей студии, работающей сейчас при «Союзциркконцерте», таков: Андрей Разин, Юрий Шатунов, Андрей и Юрий Гуровы.

Готов поспорить: иной состав у группы... «Ласковый май» — это вовсе не компания солистов. «Ласковый май» — это все поколение «надцатилетних». В его составе все те, кто водит хороводы вокруг умело поданных имиджей. И поклонники, и хулители. Они — не сторонние наблюдатели. Они — со-творцы, со-участники. Они, повторюсь, вступают в разнообразные отношения с манящими своей похожестью образами «ЛМ» и наполняют их собственным содержанием. Именно здесь, на ниточке из зрительного зала к солисту, завязан узелок нового вида искусства, вернее — маскультуры, более того — нового образа жизни. «Ласковый май» рожден отрочеством не как доля досуга, не как потребность духа, он — суррогат жизни. «Ласковый май» дает иллюзию красивой, романтической сказки, которой нет и быть не может в жизни реальной. И вот в этом-то понимании «ЛМ» и есть трагедия. Ее первое действие, ее первый пласт. Но есть еще действие второе в этой трагедии и более глубинные слои...

ИЗ БЕСЕДЫ С ЮРИЕМ ШАТУНОВЫМ И ЕГО АДМИНИСТРАТОРОМ, 3—4 НОЯБРЯ 1990 г., СВЕРДЛОВСК:

— Юра, вновь вопросы твоих почитателей. «Ты не боишься покушений из-за своей популярности?»

Ю. Шатунов: — Кто этого не боится? Все боятся. И в первую очередь — завистников, именно от них ждешь нападения (не обязательно в физическом смысле). Некоторые думают, что я живу в золотых хоромаш... Много завистников в музыкальном мире, особенно среди профессионалов, и это объяснимо: им, которые много вкалывают, но ничего не получают, — обидно.

— Наверное, твои знакомые — это привилегированные девушки?

Ю. Шатунов: — Вот еще... Общаюсь с тем, с кем интересно. А не люблю нудных, тех, которые достают целыми днями, торчат под окнами. Вон одна легка на помине, посмотрите... Как чертик из табакерки.

— Женишься не собираешься?

А. Кудряшов: — Напишите: «Я еще маленький...»

Ю. Шатунов: — Да ладно...

А. Кудряшов: — Что ж ты ей ответишь?

Ю. Шатунов: — Многие хотят, скажу. А выбирать не из кого: кто курит, кто пьет...

А. Кудряшов: — А найдется такая, что скажет: я не пью и не курю...

Ю. Шатунов: — Ну и нас... на нее. Вот будет лет 25 — тогда и выберем. А мне пока 17...

— «На концертах вам дарят много детских игрушек. Что вы с ними делаете?»

А. Кудряшов: — Если по-честному, отдаем своим собакам играть. У нас есть маленький щенок. Красивые игрушки дарим детям. Бывает, что к нам на концерты приходит воспитанники детских домов — им игрушки...

«Как вы поступаете с нашими письмами?»

Ю. Шатунов: — Интересные читаем (интересные — это необычные, например, недавно получили письмо от целого трудового коллектива — «Ассоциации проституток» из Целинограда; интересные — это с деловыми предложениями, с предлагаемыми текстами песен, — кое-что из текстов берем в работу, сейчас по таким зрительским письмам готовим песни «Снежинки», «Новый год», «Осенний блюз». Музыку делаю я. Когда ваш журнал с интервью выйдет — будет уже известно, кто их исполнит). А от остальных писем — их большинство — пользы мало.

— «До каких пор ты будешь оставаться Юрой, Юрой, Юрочкой?»

А. Кудряшов: — Он уже Юрий Васильевич.

Ю. Шатунов: — Не знаю. Для своих поклонников я, наверное, всегда Юрой останусь.

По этим ответам трудно было различить, относится ли Шатунов к своим поклонникам как к со-творцам. Вроде бы — и нет. Вроде бы — вся игра, которая ведется вокруг имиджей «Ласкового мая», одному из творцов этих имиджей, что называется, «до фени». Так ли это?

...После разговора с Шатуновым я пробрался в зрительный зал. Потолкался среди юных. Они с возрастающим напряжением ожидали выхода своего кумира. Своего! Похожего!.. Прежнего!.. Узнаваемого!.. Появился Шатунов на сцене во фраке, заведи вдруг нечто оперно-романсовое, — поклонники в щепки разнесли бы монолит Дворца спорта, отомстили бы за измену. Но Шатунов вышел к своим прежний. Ничто не изменилось в его образе. Даже наоборот, некоторые детали уточнили, подчеркнули этот образ. Белый костюмчик в аккуратных, сделанных костюмером прорезях должен был символизировать рванье люмпен-подростка... Фонограмма, сохранившая еще «летушко-вый» голос Юрия Васильевича, несла в подтексте: ничего не изменилось, никто не вырос и не покинул вас, друзья... Уровень текстов и музыки свидетельствовал: мы вместе, никто не обогнал вас, милые поклонники, на пути совершенствования, никто не свернул украдкой на ту малохоженную тропку, что ведет к седым кручам по имени «Культура».

Поклонники ответили несдержанным ревом, каждый из них затеял с имиджем на сцене свою собственную игру, радуясь ей и ею довольствуясь. Трагедия продолжилась.

И, выбираясь из разгоряченной толпы, я уже знал, как можно проанонсировать второе действие этой трагедии: пристальное внимание Юриных ровесников к своему кумиру сформировало и продолжает формировать самого кумира, заставляет отказываться от того, что вышло бы его из стройных рядов генерации, сделало бы непохожим на других, нарушило бы сценический образ. Поклонники не дают расти Юрию Шатунову, а Шатунов, в свою очередь, неся поклонникам лишь тот минимум духовных потребностей, что они сами определили для себя, не спешит и, наверное, уже не может увлечь, увести за собой хоть часть поколения — к истинному, к глубинному, к вечному... Замкнутый круг! И непонятно, кто у кого в заложниках.

Хотя Шатунову, наверное, сложнее. Ведь вокруг него — новые воспитатели. Я догадывался, что они озачлены тем, чтобы их воспитанник был точным отражением миллионов мальчиков и девочек. И не более. Я не надеялся, что творцы студии «Ласковый май» приоткроют мне секреты «педагогического мастерства», объяснят, как лепят они из своих солистов то, «что нужно народу»... Но эти незамысловатые секреты вдруг выплыли сами, совсем неожиданно. Я в десятый раз прокручивал запись нашей бе-

седы, пытаюсь отыскать там хоть каплю надежды, не только для Юры, — для всего поколения. Я пробовал определить, что же мне нравится в моем собеседнике, что не дает окончательно разочароваться в нем. И вдруг понял — угловатость характера. Эта шебуршность, рожденная вольницей детства, проглядывала то в реакциях на вопрос, то в оговорках... Но отчетливее всего «де-мювский» стержень Шатунова отразился в... Аркадии Кудряшове, администраторе «Ласкового мая».

Как короля играет свита, так угловатость Юры играл Аркадий, сам того, может, не замечая. Говоря о других «ласковомаявцах», бывших и нынешних, он был уверен, категоричен, не стеснялся в выражениях — и казался моему воображению небрежным скульптором с пластилиновыми фигурками в пальцах. Но переводилась речь на Шатунова — и администратор становился осторожнее. Так осторожничают мастер, если в его руках не пластичный материал, форму которого всегда и легко можно исправить, а, например, гранит (чуть не рассчитал удар, — и заготовка непоправимо испорчена)... Еще осторожнее и взвешеннее становился старший Юрий товарищ, когда брался поправлять ответы поп-звезды или торопился ответить первым...

Поправки и суфлирование Кудряшова сначала мне очень мешали. А потом я понял: кудряшовские вмешательства в беседу — это не только помощь Юре. Это воспитание Юры. Да, да... Это продолжение той лепки подросткового характера, которая денно и нощно идет в недрах «Ласкового мая».

Пробегите еще раз глазами те фрагменты беседы, где между солистом и его администратором возникают водовороты несогласия, попытайтесь понять смысл кудряшовских поправок, и, думаю, вы сами сможете ответить, — удастся ли Юрию Шатунову выбраться из кокона своего имиджа. Я на этот вопрос ответить не берусь, слишком сильно во мне впечатление от одной маленькой мимолетной картинки: колкие лучи лазера на мгновение вспыхнули за спиной Юрия Шатунова, когда он стоял на сцене, дожидаясь первых звуков фонограммы, и образовали над его головой подобие тернового венца...

ИЗ БЕСЕДЫ С ЮРИЕМ ШАТУНОВЫМ И ЕГО АДМИНИСТРАТОРОМ, 3—4 НОЯБРЯ 1990 г., СВЕРДЛОВСК:

— Юра, есть один вопрос, который я давным-давно собираю тебе задать... Нет ли у тебя желания наплеватель однажды на свою популярность, на толпы поклонников, выбраться в какую-нибудь глушь, похожую на места твоего детства, выйти на какую-нибудь ребячью компанию и спеть только для них, для трюх-пятерых-шестерых? Спеть что-то такое, что требует не эстрадный рынок, а просит твоя душа?

Ю. Шатунов: — Нет, такого желания нету.

— Почему же?!

Ю. Шатунов: — Понимаете, престиж, имидж... Чтобы сохранить имидж, не нужно показываться на людях, нужно вести замкнутый образ жизни, больше сидеть дома. Как Алла Борисовна делает.

— Но если однажды все же захочется, что споешь?

Ю. Шатунов: — Какую-нибудь «подворотную» песню... «Голуби летят над нашей зоной», хотя бы... Но потребность вряд ли возникнет: имидж...

Слово «имидж» Юрий Шатунов выговаривал робко и неверно. Получалось у него: ИМИЖ... И эта упрямость неба и языка оставляла маленькую надежду...

В Свердловске тоже шел первый снег. Ложился на пустынную площадь перед Дворцом спорта, повисал на рекламном щите группы «Ласковый май», пытался устлать шумный дорожный перекресток. Но мне не хотелось с ним общаться: слишком много чужих следов проглядывало на нем.

НАРОДНОЕ ПОГОВОРЕДИЕ

Георгий
РЫЖЕНКОВ

Рисунок
Николая Мооса

СОЛНЦЕ — ЦАРЬ НЕБА

Вешнее солнышко землю вос-
крешает.

В облачный день, если вре-
менами солнце печет, вечером будет
дождь.

Если на солнцеворот солнце за-
глядывает в лес, то осыплет деревья
иной; по реке пойдет — скует воду
на три аршина.

Если круг очень близко от сол-
нца — ненастья не будет.

Если около солнца «уши» зи-
мою — будет холодно, летом — жарко.

Если от солнца идут лучи пуч-
ками вниз, летом — к дождю.

Если при восходе или закате
солнца бывают около него столбы,
то летом будет страшная жара, а
зимою — сильный мороз.

Если зимою появятся три сол-
нца — будет холодно.

Если солнце восходит в тумане —
днем будет тихо и душно.

Если при ясном небе в полдень
или пополудни около солнца появит-
ся кольцо из небольших облачков,
напоминающих радугу, — то на сле-
дующий день будет дождь, или же,
если явление происходит зимой —
снег.

Если после дождя солнце ярко
сияет-печет, то до завтра опять пойд-
ет дождь.

Если тихо и солнце очень печет,
будет гроза.

Если летом с утра солнце силь-
но жарит, то к вечеру дождь.

После солнцеворота хоть на ку-
риный шаг, да прибудет дня.

Солнце за тучку садится — к
дождю.

Спроси у волка: когда самые
сильные холода? Скажет: на солнце-
ворот.

ЗВЕЗДЫ — ДЕТИ СОЛНЦА

В летнюю ночь много звезд на
небе — день будет жаркий.

Если звезды очень частые, зи-
мою — к холоду, летом — к ясной
погоде.

Если звезды редки — к ненастью
и вьюге.

Если звезды блестят ярко — ле-
том предвещают зной, зимой — сту-
жу.

Если звезды кажутся маленьки-
ми — будет дождь, зимой — снег.

Если звезды кажутся высоко и
светят тускло, зимой — к оттепели,
летом — к дождю.

Если вечером на небе много
звезд — жди на другой день мороз.

Если около большей части звезд
круги кажутся темно-зеленого и блед-
ного цвета, будет дождь.

Если Млечный путь на небе по-
лон звезд и светел — к вёдру.

Звезды чистые летом — к ясной
погоде, зимой — к холоду.

Звезды яркие и пляшут — зимою
к морозу, летом — к зною.

Звезды очень блестят, мерцают —
зимою к холоду, летом — к жаре.

Звезды видны плохо или совсем
не видны, мерцают красноватым или
ярко-синим светом — к ненастью.

Звезды прыгают — к холоду.

Когда кажется, что звезды в не-
бе как бы бегут — ветер будет.

Мутны звезды — к дождю, мало
звезд — тоже к дождю.

Млечный путь тусклый — к нена-
стью, ясный — к вёдру.

Попрятались звезды — жди дож-
дя.

Темные круги около звезд пред-
вещают дождь, а красные и белые —
вёдро.

НЕБО — СИНЯЯ КРЫША

Когда припарит солнце — небо
отпарит, станет с него дождь ка-
пать.

Небо голубое — к теплу, свет-
лое — к морозу, темное — к бурану.

Небо красное — либо дождь, ли-
бо ветер.

Небо кажется высоким — к вёд-
ру.

Небо в барашках — дождь на по-
роге.

Перед дождем или перед снегом
небо раскрывается.

Ясное небо — к морозу.

Продолжение. Начало в № 3, 1991 г.

ВЫСОКИЙ СВЕТ ДУШИ

Перед вами, дорогие читатели, необычная публикация. Мы даем все как оно есть, как происходит сегодня... Наверняка завтра мы будем иначе относиться к тому, как мыслим и чувствуем сейчас. А сейчас есть конкретный человек, чуткая душа, экстрасенс Н. Ширяева, есть ее немислимая запись из другого мира якобы монолога Александра Невского и даже Иисуса Христа... Было бы легче всего со смехом отмахнуться от таких чудес. Но есть и другая реальность, точнее сказать, ирреальность. Это наше повсеместное равнодушие, например, к тому, что летом прошлого года исполнилось 750 лет Невской битвы. У других, хотя бы у поляков, было бы в связи с подобной датой заметное национальное оживление. Мы же, русские, почти не пошевелились! Лишь на Неве были кое-какие костюмированные действия.

И вот нам показалось важным дать на страницах нашего журнала все эти странные материалы с берегов Невы, как бы для искупления тяжкого греха беспамятства, в коем большинство из нас все еще пребывает. Нам думается, что стоит опубликовать эти духовные монологи во имя надежды, что другой юбилей — юбилей битвы на Чудском озере (он будет в 1992 году) — мы отметим с большей благодарностью к деяниям предков.

Призыв Александра Невского к людям Русской земли

Мне жаль видеть сейчас русских людей, потерявших былую гордость, честь, ясность душ, чистоту помыслов.

Вы погрязли в заботах о деньгах, еде, а где же дело? Русский человек славился делом, смекалкой, был не ленив, трудился в поте лица своего с радостью. С радостью шел в бой защищать свою землю, свой покой, жену, детей, стариков, считая это само

собой разумеющимся, не щадя живота своего.

С уважением относился к обычаям инородцев, не нарушая их, с охотой перенимал все новое и обучал без спеси тому, что знал сам, готов был без корысти помочь другому. Смолodu старшие учили хранить честь свою. Строгость была, но насилия не было.

Для женщины запретов не было. Они были полноправны и любимы. Блюди честь, любили и уважали своих мужей. И храбрости у них было не меньше, чем у мужчин, даже у слабых детей и девушек.

Вольные люди были и сильнее духом. Любили землю свою и волю.

Русь всегда была матерью для всех народов, ее заселяющих. Всякий, кто приходил на нашу землю не с мечом, становился полноправным хозяином ее и сотоварищем всем людям, живущим на ней. Кто вкладывал душу в труд свой, был славен на Руси, независимо от того, какого он рода-племени.

Каждый мог сохранить свою веру и свои обычаи, не теряя уважения своих сограждан. Позором считалась не другая вера или обычаи, а лень, предательство, корысть, сеяние раздоров.

Человек славился делами своими. Любовь к воле и ненасилие с радостью принимались и впитывались другими народами. Живите дружно, гордясь другими, и вместе возрождайте свою Родину.

Невская битва, 1240 год

Рассказ князя

Александра Ярославича

Пришло раннее утро четвертого дня шестого месяца. Наши стояли на берегу реки, которую вы называете Невой. В нашей войске было четыре

Рисунок
Николая Мооса

тысячи воинов, шесть тысяч конных. Мы ждали у излучины, где Нева разделяется на два рукава. Враг появился на легких ладьях вскоре после восхода солнца. Их было много. Они заполнили всю Неву. Мои воины перегородили Неву плавучими плотами. Они шли по ближайшему к нам рукаву. Их ладьи остановились у запруды, и воины стали выходить на берег.

Берег был топкий. Мои войска спрятались в низкорослом кустарнике. Иноземцы галдели и пытались развязать бревна запруды. Мои воины выпустили огненные стрелы, которые подожгли их ладьи. Они вплавь кинулись на берег. Некоторые утонули в Неве. Кто выбрался, вступил в борьбу с моими воинами. Конники не понадобились.

Некоторые ладьи, которые не успели высадить воинов, повернули обратно. У меня были спрятаны ладьи в другом рукаве. Иноземцы шли по левому рукаву. Мы выпустили стрелу с оперением в сторону второго рукава. Это я дал знак ладьям идти в залив и разбить ворогов. На топком берегу было трудно бороться. Конница моя увязла. Со мной были новгородцы с князем Святополком. Они проявили героизм, не щадя себя, защищая своих жен и детей, свои селенья от чужеземцев. Были володимирцы и всякая пошехонь.

Я — князь Володимирский.

Не посрамили мы земли русской, защитили ее. Ладьи наши вышли в море и разбили не ожидавших нападения неприятелей. Защищались они яростно. Они умелые бойцы, но жестокие. Многие мои воины оказались

изуродованы и в жутких страданиях умирали. Мне было горько и больно это видеть. У нас было не принято помогать раненым на поле боя.

К полудню бой закончился. Я был молодым, сильным и жалостливым. Мне было жаль погибших воинов, людей. В их домах будут слезы и не будет кормильца. В этот раз мы отбили Русь от иноземцев с севера, жестоких и бесчестных.

Я устало сел на камень. Появились наши ладьи. Там тоже много было раненых и убитых. Домой мы повезли из убитых только именитых граждан. Остальных похоронили на берегу в топкой земле. Всех было не увезти. Скоро отправились домой, к слезам жен и детей, с радостью в душе от победы и с горечью утрат, усталые.

Иисус Христос о рассказе князя Александра Ярославича

Меня поразило милосердие этих людей, их жалостливость к людям. Они оборонялись, но зверства не учиняли, были храбры, но с детской душой.

Свет погибших душ и печаль по ним их друзей пошли вверх, столбом, ко мне.

Я решил — быть этому месту святым.

Я отметил это место. Большая духовность и чистота этих людей меня поразили. На земле было много захватов и войн, но такой чистоты и ясности душ я не встречал.

Послание Иисуса Христа к людям

Место, которому я положил быть святым, запало мне в душу. И когда Петр Первый пришел с войсками своими опять на то же место защищать Русь без корысти и с чистой душой, и от него шел поток добрых помыслов, которые с ним разделяли его соратники, я решил: быть на этом месте городу и стать ему духовным предводителем человечества.

Я передал мое веление Петру во сне его, то есть в астральном плане, и, проснувшись, «он решил»: быть здесь городу!

Позднее я посоветовал Петру, тоже в астральном плане, сделать покровителем города князя Александра Невского. Я научил Петра пригласить лучших зодчих и строить город по общему плану. Мастера-зодчие творили с радостью, вдохновенные мыслью создать прекрасный город. Красота построенных ансамблей зазвучала в унисон с гармонией Космоса и усилила столб духовности, идущий от этого святого места.

Этот город не только много совершил, но и с честью вынес все испытанная. Люди отличались большей духовностью и продолжали наполнять светом идущий вверх поток. Я долго ждал момента, когда можно будет прийти к людям и начать с ними работать. Время пришло. Я начинаю духовное возрождение человечества с Ленинграда.

Мои ученики уже начали мою работу. Я через них работаю с людьми. Я обращаюсь к вам: «Люди, просыпайтесь, оторвитесь от ваших мелких забот, вспомните, что вы люди и созданы на земле, чтобы творить, творить с радостью и полнокровно. Очистите ваши души от корысти, злобы, тщеславия, эгоизма, зависти. Поднимите свои головы. Мир прекрасен. Он зовет вас. Откликнитесь».

Я приду к каждому человеку, кто пожелает этого, кто будет работать над собой.

Люди созданы на земле, чтобы быть богами. Знайте это. Не теми богами, которые витают в облаках и не доступны людям, а богами-людьми, перед которыми открыт весь мир, живыми и еще раз живыми, призванными творить с радостью.

Приняла Н. П. ШИРЯЕВА

Экстрасенс Нина Петровна Ширяева по профессии программист в университетском математическом образовании, живет в Ленинграде (на ул. Байконурская, д. 19, корп. 1, кв. 40, телефон 394-42-16).

Людей давно занимает проблема развития способностей человека. Практика йогов, феномены Шриауробинда, Ванги, Кашпировского, Чумака, других ясновидящих целителей говорит о широком спектре возможностей человека, который основан пока лишь единицами.

В Ленинграде организовалось несколько групп, целенаправленно ищущих пути использования резервных, задействованных возможностей человека. В группе, руководимой психологом В. С. Накоряковой, посредством специальной техники и нравственного совершенствования личности выявляются способности человека, которые ранее никак не проявлялись. Одна из таких способностей — общение с душами великих предков, например, Иисуса Христа, Александра Невского, Сергия Радонежского.

Н. П. Ширяева, занимающаяся в группе В. С. Накоряковой, приняла информацию от Александра Невского. Его описание битвы и обращение к нашим современникам комментирует Иисус Христос...

Как передается информация? В потоке энергии, он воспринимается мозгом. И автоматически трансформируется в слова. Процесс восприятия информации субъектом не осознается и не регулируется...

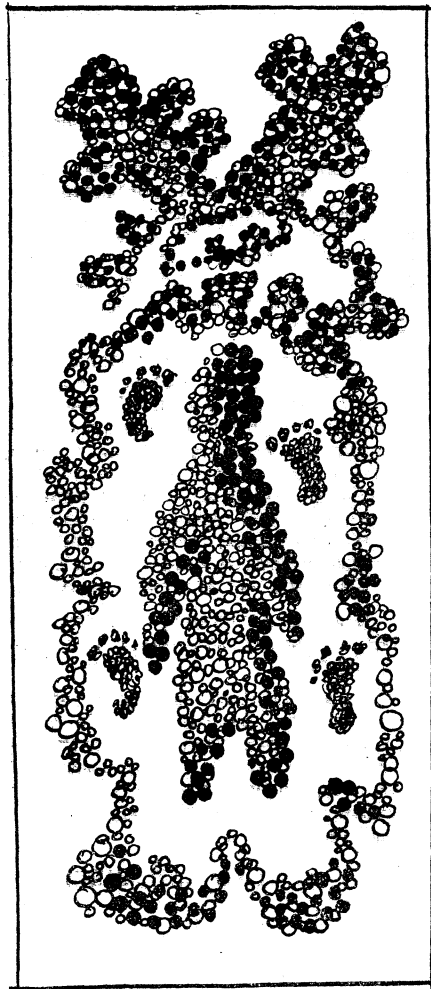
Комментарий к материалам

Н. П. Ширяевой

ЧУЧУНА МЕЧЕТ БУМЕРАНГ

Владислав
ДЕБЕРДЕЕВ

Рисунок
Натальи Петровой

Как только ни называли это существо с тех пор, когда в середине нынешнего века пресса стала писать о нем особенно широко! «Снежный человек» и палеоантроп, йети и реликтовый гоминид, гоминоид, «дикий человек» и прочая, и прочая. В те годы были организованы многочисленные экспедиции для поисков сего таинственного существа. Но, увы, ни одна из них так и не смогла предоставить убедительных данных о «снежном человеке».

Наших знаний о нем до обидного мало: тело покрыто волосами, рост 2—3 метра и более, ходит босиком, появляется обычно в одиночку... Коротче говоря, настоящий «хомо инкогнито» — человек неизвестный.

Встречается он в основном на сравнительно невысоких широтах: Тибет, Непал, Южный Урал и другие «теплые края». Вместе с тем имеются данные о том, что современные антропоиды распространены и на Крайнем Севере. В частности, на Чукотке и прилегающих к ней территориях, в том числе в Якутии, где «снежного человека» называют чучуна́ (ударение на последнем слогѐ).

Так, еще в апреле 1926 года в газете «Автономная Якутия» был опубликован материал под заголовком «Чучуна», в котором приводилось множество фактов о встречах и даже стычках местных жителей с большим волосатым существом, похищавшем у населения продукты питания и умышлявшим женщин...

«Диким людям» Севера, в частности — чучуне, были посвящены также две полемические статьи в журнале «Будущая Сибирь» (№ 6 за 1933 год). В этих публикациях сообщалось о любопытных отличительных особенностях северной разновидности гоминонда: он часто издает резкий, пронзительный свист, бегаѐт быстрее лошади, использует лук со стрелами!

В последнее время у якутской общественности вновь возник повышенный интерес к проблеме чучуны. Дело в том, что в восьмидесятые годы «снежный человек» вдруг решил напомнить о своем существовании довольно настойчиво. Его появления были отмечены в Абыском и Момском районах республики. Это северо-восток Якутии, то есть территории, непосредственно примыкающие к Чукотке, откуда, как полагают этнографы-любители, и приходит в летнее время чучуна и куда возвращается на зиму. Сошлемся лишь на нескольких таких «антропоидных явлений».

Студент физического факультета Якутского университета Станислав Салтанов видел в окрестностях населенного пункта Тёбулях трехметрового чучуна. Замерив потом его следы, юноша установил, что они достигали в длину 55 см. Рабочий Момского совхоза Г. К. Старков наблюдал в бинокль

за передвижениями существа (рост выше трех метров), которое делало большие, по 3—4 метра, прыжки. Следы на песке свидетельствовали, по словам Гавриила Константиновича, о некоторой сослопости чучуны, причем глубина следа была больше, чем при отпечатке сапога обычного человека.

Жители Якутии Н. И. Потапов в местности, называемой Кюхары (Зеленый остров), и А. И. Старков в районе речки Хатыс-юрек также видели волосатых реликтов. У наблюдателей при этом сложилось такое впечатление: если рост у чучуны около двух метров, он оставляет следы длиной 35—40 см — это молодой гоминоид; взрослые же особи, при росте три метра и выше, имеют след от полуметра и длиннее.

О некоторых из перечисленных здесь фактах в разное время писали выходящие на якутском языке газеты «Кыым» («Искра») — орган областного комитета КПСС, Верховного Совета и Совмина Якутской АССР и «Индигир уоттара» («Огни Индигирки»). Не обошла своим вниманием чучуну и центральная пресса. Соответствующие публикации появились в газетах «Известия» (октябрь 1985 г.) и «Сельская жизнь» (август 1988 г.).

Ну, а теперь настала пора рассказать о самой главной сенсации, связанной с образом жизни чучуны. Речь пойдет о применении палеоантропом, в его якутской ипостаси, так называемого северного бумеранга. Об использовании этого экзотического оружия, о котором стало известно буквально в самое последнее время, мне поведал старейший этнограф республики Семен Иванович Николаев, сам принимавший участие в «охоте» на чучуну в пятидесятые годы.

Северный бумеранг изготавливается из рогов оленя, на которого чаще всего охотится «снежный человек» в этих местах. Чучуна бросает, мечет свое оружие таким образом, чтобы оно ударилось о землю и, отскочив от нее, то есть рикошетируя, получило новое направление полета и добавочный импульс для поражения цели. Особенно эффективно действует такой бумеранг, когда поверхность почвы бугристая, кочковатая.

К слову сказать, бумеранг испокон веков считался исключительной принадлежностью аборигенов Австралии, на других континентах он был неизвестен. Однако несколько лет назад при раскопках палеолитической стоянки первобытных охотников на оленей в пещере на горе Облезова гура польские ученые обнаружили сделанный из бивня мамонта «европейский» бумеранг! Возраст его был датирован с помощью радиоуглеродного метода — 23 тысячи лет. Так вот сама собой напрашивается мысль: а нет ли здесь своеобразной ниточки или цепочки, протянувшейся через

время, от палеоохотников из Польши к сегодняшнему палеоантропу из Якутии?..

— Изобретение и практическое использование для охоты северного — азиатского, самобытного — бумеранга свидетельствуют о достаточно высоком интеллекте чучуны, — убежденно говорит С. И. Николаев. — А посему совершенно неверно называть его «диким человеком» или другими именами и кличками типа «гоминоид», «антропоид». Это недостойно нас самих и унижительно для нашего волосатого сородича, который, по моему мнению, является мутантом. Кстати, неоднократные попытки наших цивилизованных современников повторить, воспроизвести бросок бумеранга успеха не имели. То ли нам не хватает знаний законов аэродинамики при изготовлении этого «примитивного» метательного снаряда, чтобы обеспечить нужную траекторию его полета, то ли нет у нас природной ловкости чучуны. Ну и, конечно, его удивительной, необычайной силы.

...Загадок, связанных с «хомо инкогнито», остается по-прежнему очень много. К примеру, есть ли действительно его особая, северная популяция? Если да (а об этом говорят многочисленные свидетельства), то где она в основном обитает? И как в суровых условиях Крайнего Севера, где морозы в зимнее время доходят до пятидесяти градусов и более, выживает чучуна — будь то в Якутии или на Чукотке? Впрочем, на сей счет у местных охотников и оленеводов имеется свое, собственное мнение: он, чучуна, при наступлении холодов погружается в зимнюю спячку, как медведь.

А что думают об этом специалисты? Или вернее, надежнее ждать ответа на данный вопрос от активистов общества криптозоологов, созданного недавно при Министерстве культуры СССР, или от энтузиастов-любителей, настойчиво интересующихся и занимающихся проблемой «снежного человека» вообще и его якутской разновидностью — в частности. Ну что ж, подождем...

Внимание к медведям

При научно-исследовательском институте Национальной федерации по охране живой природы США создан специальный Центр по исследованию медведей, уделяющий особое внимание тревожному положению с гризли, которых становится все меньше. В рамках своей первой программы Центр собирает все имеющиеся об этом медведе сведения. Заключен даже договор с Лесной службой США. Центр добивается, чтобы информация, получаемая им в результате проводимых работ, не оседала мертвым грузом на полках, а использовалась бы федеральными организациями при вынесении тех или иных решений в отношении гризли.

В дальнейшем Центр предполагает уделить серьезное внимание и другим видам медведей.

Е. СОЛДАТКИН

Крысы в Порту

В португальском городе Порту («Сидади инвикта» — непобежденный город) идет борьба против крыс. Их в городе около миллиона, то есть примерно по одной на каждого жителя.

Тщательно продуманная кампания учитывает опыт борьбы с крысами в других городах. В Лиссабоне, например, потревоженные крысы просто-напросто ушли в соседние округа. А в Нью-Йорке, когда его полностью освободили от крыс, стала засоряться городская канализация: до того крысы уничтожали отбросы, палую листву и мусор. Властям Нью-Йорка пришлось снова завозить крыс в город. «У крыс в городе своя роль», — говорит член муниципалитета Порту Оливейра Диаш. Он рассчитывает сохранить в Порту пятую часть крыс, то есть около 200 тысяч.

Город поделен на зоны по «типу крыс, форме атаки и характеристикам зоны». Выделена, например, зона исторического центра Порту и кварталов, прилегающих к реке Дуру: в старом Порту еще сохраняется обычай выставлять котам еду на улице у подъезда. Отмечено также, что черным крысам нравятся прибрежные кварталы, а серые крысы любят старые, запущенные дома. Жильцы говорят, что крысы похожи если уж не на котов, то на кроликов. «Такие большие и толстые, что если попадают в крысоловку, то уносят ее с собой».

Крыс травят ядом, который разбрасывается в пластиковых коробочках «с маленькой дыркой, в которую может пролезть только крыса». Съевшая яд крыса худеет, она ищет укромный уголок и, умирая, высыхает и исчезает вместе со своими неумными друзьями блохами.

По словам Оливейра Диаша, опасности для других животных нет никакой: «Собака весом в 10 килограммов должна съесть 2 килограмма яда, чтобы умереть. Но мы не знаем ни об одном таком случае». Не сообщается, сколько яда должны съесть крысы.

Газета «Диариу ди нотисиаш» также сообщает, что Оливейра Диаш «держит дома котов, собак и птиц, а когда голуби дерутся на веранде, не решается открывать дверь, чтобы их не спугнуть».

А. КУЗНЕЦОВ

«Принц» Леонард

На западе Австралии с 1970 года существует «независимое княжество Хат Ривер Провинс», главой которого объявил себя «принц» Леонард, или иначе Леонард Джордж Кесли, пятидесятилетний фермер. Он всю жизнь сеял пшеницу и выращивал овец на своих полях площадью в 7200 гектаров, но двадцать лет назад рассорился с налоговым управлением и... объявил свою ферму независимым государством, назвав его «княжеством», а себя «принцем». Он правит 30 тысячами овец и 35 подданными (работниками фермы). Вначале к этой затее отнеслись как к шутке, а потом «принц» Леонард вошел во вкус — отпечатал собственные денежные купюры (со своим изображением) и выпустил почтовые марки. То и другое пользуется спросом у коллекционеров и дает «принцу» немалый доход. Вот только ООН отказывается признать это «суверенное государство».

В. ФЕДОРОВ

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Евгений АНАНЬЕВ,
Виктор АСТАФЬЕВ,
Виталий БУГРОВ,
Юний ГОРБУНОВ,
Герман ИВАНОВ
(заместитель главного редактора),
Сергей КАЗАНЦЕВ
(ответственный секретарь),
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБИШЕВ,
Аркадий СТРУГАЦКИЙ,
Юрий ШИНКАРЕНКО

Художественный редактор
Дмитрий ЛИТВИНОВ
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Ольга НАГИБИНА

Адрес редакции:
620219, г. Свердловск,
ГСП-353, ул. Декабристов, 67
Телефоны отделов:
22-36-82 (фаястаския),
22-45-01 (жраеведения, секретариат),
22-10-74 (писем, науки и техники),
22-04-81 (прозы и поэзии, публицистика,
молодежных проблем)

Рукописи принимаются перепечатанными
на машинке через 2 интервала,
60 знаков в строке,
28—30 строк на странице.

По вопросам подписки и доставки
обращаться в районные отделения
«Союзпечати».
Бракованные экземпляры
отправлять в типографию издательства
«Уральский рабочий».

Сдано в набор 05.02.91.
Подписано к печати 28.03.91
Формат бумаги 84×108^{1/16}
Бумага типографская № 2.
Высокая печать.
Усл. печ. л. 8.82.
Уч.-изд. л. 13.4.
Усл. кр.-отт. 11,34.
Тираж 415 000.
(1-й завод: 1—200 000).
Заказ 351.
Цена 80 коп.

Типография издательства
«Уральский рабочий»
620219, г. Свердловск,
ул. Тургенева, 13.

© «Уральский следопыт» 1991

Александр
СЕМЕНИН

Экзоты на окнах

Кактусы

Мало кому известно, что плоды некоторых кактусов съедобны, а кое-где их широко разводят на плантациях, как самые настоящие фруктовые растения.

Один из таких «незнакомцев» — эпифиллюм, или листовый кактус. У растения плоские «листообразные» побеги, а настоящие листья сильно редуцированы — имеют вид мелких, едва различимых чешуек. С февраля до конца лета на побегах появляются красивые воронковидные цветки — белые и желтые, розовые и красные, иногда с тонким нежным ароматом. Увы, коротка жизнь прекрасного цветка — дня 2—3, не больше, а в сухую жаркую погоду, распутившись утром, цветок уже к вечеру поникает. Любопытно, что среди эпифиллюмов есть сорта, цветки которых распускаются только днем или только ночью, причем особенность эта сохраняется из поколения в поколение.

Из листовых кактусов обычно выращивают гибридные формы — растения с крупными сильномахровыми цветками. Плодов и семян они, как правило, не образуют. Но если попытаться опылить цветки, то бывает, плоды завязываются. Пестик надо опылить пылью другого цветка, а еще лучше — пылью цветка, распутившегося на другом растении. Чем менее крупны и красивы цветки эпифиллюма, тем легче происходит в них оплодотворение. Целесообразнее в качестве плодовых выращивать не декоративные гибриды листового кактуса, а его чистые виды. Особенно пригодные для этого эпифиллюмы ангулярис и даррании. Плоды их, красноватые или темно-фиолетовые, с тонкой кожичей, покрытой мелкими колючками, формой и размерами напоминают сливу. Студенистая мякоть имеет приятный сладковатый вкус и содержит много семян, обладающих неплохой всхожестью.

Эпифиллюм относится к тем немногим кактусам, которые развиваются не под прямыми лучами солнца, а при некотором затенении. Иногда даже при значительном недостатке света. Цветение его мне доводилось наблюдать не только в комнатах с южной, но и с западной и восточной экспозицией.

И все-таки эпифиллюм — плохой кактус для любителя. Очень ред-

ко даже в тропиках выращивают его как плодовую культуру. Но есть среди «колючих уродцев» виды, которые широко разводятся именно как фруктовые растения. И среди них первое место по праву занимает опунция фикус индик (с инжиром и комнатным фикусом в близком родстве не состоит).

Родом этот экзот из Мексики, откуда уже в XVI веке попал в Европу. Особенно полюбился ему остров Сицилия. Там и созданы огромные плантации необычного фрукта, а его урожай так высок, что позволяют островитянам экспортировать «опунциевые фиги» в европейские страны и даже в США.

Зацветает опунция в конце мая. Все лето появляется на ее мясистых побегах — «лепешках» — крупные красные или желтые цветки. А в середине осени созревают «фиги». Внешне похожие на плоды инжира, с плоской, словно обрубленной верхушкой, они покрыты мелкими шипиками. Так что, прежде чем есть, их приходится основательно чистить. Мексиканский фрукт приятно освежающий, сладкий и тает во рту, как груша. Едят плоды в свежем виде, а также перерабатывают на соки, компоты, мармелад.

Опунции — типичные кактусы. Растут на открытых местах, а потому очень светолюбивы. Недостаточная освещенность — главная причина нецветения опунций в комнатах. Успеха могут добиться те любители-растениеводы, у которых в квартире есть широкие окна с южной или юго-восточной экспозицией. Хотя... эти растения так живучи, что нередко приспосабливаются к условиям, совсем, казалось бы, не подходящим для существования кактусов.

Как же вырастить эпифиллюм и плодовую опунцию в комнате? Кроме разной потребности в освещенности, нуждаются они и в разном режиме полива. Опунция гораздо больший сухолюб, и даже летом ее не стоит поливать «на два раза». Зимой же поливают очень умеренно и редко: один полив через 8—10 дней (при температуре воздуха +12—+10 °С, оптимальной для опунции в зимнее время). Эпифиллюмы не следует держать в такой сухости. Но и эти растения после плодоношения, а также зимой поливают не часто — через 4—5 дней (при температуре воздуха +14—+16 °С). Опунция более устойчива к сухому воздуху помещений, может вполне обойтись без каждодневного опрыскивания теплой водой,

Продолжение. Начало в № 7—8. 1990; 1, 3, 4 1991.

Воду для полива предварительно отстаивают и смягчают (небольшим количеством соды). Еще лучше использовать немного подогретую дождевую или снеговую воду.

Размножаются растения семенами и вегетативно — члениками побегов. Посев семян проводят в конце февраля в неглубокие плошки, заполненные почвенной смесью, состоящей из листовой земли, песка и измельченного древесного угля (2:1:1). Земля предварительно пропаривается и просеивается через мелкое сито. Плошки содержат при температуре $+25+30^{\circ}\text{C}$. Хорошо, если есть микротепличка с нижним подогревом и лампами для досвечивания. Всходы появляются через 15—20 дней.

Черенки сажают в крупнозернистый песок, причем до посадки необходимо 3—4 дня подсушить их на воздухе. В отличие от черенков обычных растений укореняющиеся побеги кактусов нет на-

добности прикрывать банкой или полиэтиленовой пленкой — в их тканях достаточно много воды, и опасность засохнуть им не грозит. Уход за черенками опунции и эпифиллюма сводится к ежедневному их опрыскиванию теплой водой и очень умеренному увлажнению песка. Укореняются они (при температуре $+24+26^{\circ}\text{C}$) за 3—4 недели.

На первом году жизни молодые растения пересаживают дважды, на 2-м и 3-м — по одному разу, более взрослые кактусы — через 2—3 года. При каждой пересадке размеры горшков увеличиваются не более, чем на 4—5 см по диаметру. После пересадки кактусы нельзя тотчас же поливать, иначе они могут загнить. Особенно это относится к опунции, которую поливают лишь через 3—4 дня после пересадки.

Для плодовых кактусов нежелательно использование тяжелых глинистых почв, концентрированных органических

и минеральных удобрений. Хотя и в этом отношении опунция проявляет поразительную терпимость. И у иных любителей мне доводилось видеть эти растения, посаженные едва ли не в чернозем. Но стоит ли рисковать? Ведь корни кактусов так беззащитны перед многими грибковыми и бактериальными болезнями.

Из вредителей наиболее опасны нематода и паутинистый клещик. Нематоды — микроскопические черви, вызывающие загнивание корней. Против них эффективно действуют горячие ванны: земляной ком растений на 10 минут помещают в сосуд с водой, нагретой до 50°C . От червеца используют 0,2-процентные растворы рогора или карбофоса.

При благоприятных условиях эпифиллум и опунция фикус индика начинают цвести и плодоносить на 3—4 год.

Фото Олега Капорейко

уральский

СЛЕДОПЫТ

80 коп. ISSN 0134—24 IX. Индекс 73413, Уральский СЛЕДОПЫТ, 1991, № 5, 1-80

